

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**КРЫМСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. Вернадского**

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Том 7 (73). № 3

**Симферополь
2021**

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 7(73), № 3

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки» является историческим правопреемником журнала «Известия Таврического университета», который издается с 1919 г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2021

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, отрасль науки 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки), 07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки), 07.00.06 – Археология (исторические науки), 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 24.00.03 – Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 7 от 12.11.2021 г.

Редакционный совет журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»:

Непомнящий Андрей Анатольевич – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор – главный редактор;

Аксенова Галина Владимировна – профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного института, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Борщик Наталья Дмитриевна – профессор кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Герцен Александр Германович – декан исторического факультета, заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Коноратюк Григорий Николаевич – профессор кафедры истории ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова», доктор исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Кривоша Елена Сергеевна – профессор кафедры философии, директор Музея истории университета ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор;

Крамаровский Марк Григорьевич – ведущий научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук, имеющий ученое звание старший научный сотрудник (г. Санкт-Петербург);

Науменко Валерий Евгеньевич – доцент кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Майко Вадим Владиславович – директор ФГБУН «Института археологии Крыма РАН», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Мосейкина Марина Николаевна – профессор кафедры истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Петрова Элеонора Борисовна – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Платонова Надежда Игоревна – ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, доктор исторических наук, имеющий ученое звание старший научный сотрудник (г. Санкт-Петербург);

Романько Олег Валентинович – профессор кафедры истории России исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Степаненко Валерий Павлович – профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Екатеринбург);

Тихонов Игорь Владимирович – заведующий Музеем истории Санкт-Петербургского университета, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Санкт-Петербург);

Тункина Ирина Владимировна – директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, доктор исторических наук, имеющий ученое звание старший научный сотрудник, член-корреспондент РАН (г. Санкт-Петербург);

Хлевова Александр Алексеевич – профессор кафедры «История» Института общественных наук и международных отношений (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Северо-западный государственный университет»; профессор кафедры истории и международных отношений историко-филологического факультета (структурное подразделение) Филиала Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе, доктор философских наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Храпунов Игорь Николаевич – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Щевелев Сергей Стефанович – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь).

Подписано в печать 12.11.2021. Формат 70x100 1/16 усл. п. л. Заказ № НП/453. Тираж 36 экз. Бесплатно.

Дата выхода в свет 07.02.2024 г.

Отпечатано в Издательском доме ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»

Адрес редакции, издательства и типографии:

295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7 <http://sn-histor.cfuv.ru>

УДК 908(292.471)КРЫМ

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-3-3-13

**ПРОСТРАННЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ
РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.**

**РЕЦ. НА КН.: ПАЩЕНЯ В. Н. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, ЕЕ РОЛЬ В ИСТОРИИ
РОССИИ И КРЫМА. – СИМФЕРОПОЛЬ, 2021. – Ч. 1. – 344 С.; Ч. 2. – 384 С.**

Акимченков В. В.

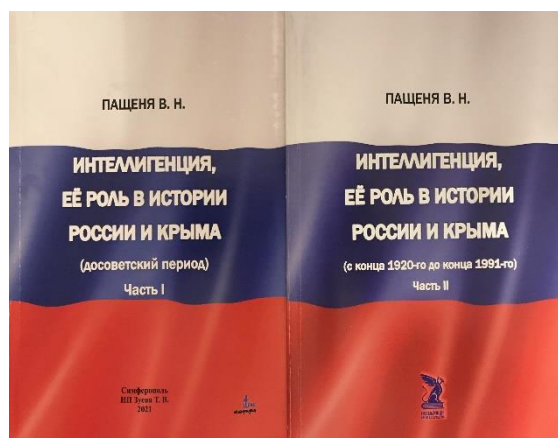
*Российское общество интеллектуальной истории
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: viktor_akimchenkov@mail.ru*

Проанализирована околонучная попытка В. Н. Пащени представить исторический очерк о судьбе российской интеллигенции в 1783–1991 гг. Рассмотрена концепция автора. Сделан вывод о несоответствии названия и содержания книги, о примитивизации им научного подхода к истории крымоведения. Названы многочисленные фактические и концептуальные ошибки В. Н. Пащени. Доказано, что книга представляет собой нагромождение фактов из отечественной истории, порой никак между собой не связанных. Отсутствие опоры на источники по истории крымоведения, незнание автором историографии вопроса привели его к созданию несостоятельного текста по интеллектуальной истории Крыма.

Ключевые слова: интеллигенция, Крым, В. Н. Пащенья, рецензия, Россия.

Историческое знание о Крыме в последние два десятилетия активно развивается, усложняется и расширяется методология познания. Дополнительный импульс этот процесс получил после воссоединения Крыма с Россией в 2014 году. С того времени свет увидели новые фундаментальные труды по археологии, общественно-политической и культурной истории полуострова. Особенно в этой

связи выделяются разработки научной школы истории крымоведения профессора А. А. Непомнящего [1], в которых главное внимание уделено истории сложной судьбы крымской интеллигенции [2]. В последние годы в зону наших интересов попало изучение истории общественных научных организаций, существовавших в Крыму с момента установления советской власти в 1920 году и до начала Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Мы поставили перед собой задачу – восстановить научное

понимание о процессах развития многоуровневого интеллектуального ландшафта на территории Крымской АССР в первые два десятилетия советской власти. В этой связи, в спектр нашего внимания попадают все книжные новинки по схожей тематике, которые издаются как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами. Поэтому, как только в начале текущего года нам стало известно о выходе труда кандидата исторических наук Владислава Николаевича Пащени под многообещающим названием «Интеллигенция, ее роль в истории России и Крыма», это издание в течение недели появилось в московской части моего крымоведческого книжного собрания и было тщательно проработано. Творчество В. Н. Пащени хорошо известно специалистам, как графомания дилетанта. Однако книги его активно продаются и писать рецензии все же надо, чтобы показывать студентам и любителям крымской истории, что творчество автора весьма сомнительно с точки зрения научного содержания.

Вышеназванный текст В. Н. Пащени состоит из двух частей. Первая, по задумке автора, охватывает досоветский период, который автор определил хронологическими рамками с 1783 по 1920 гг., вторая же – время с конца 1920 г. до 1991 г. Каждую часть автор предварил вступлением, в котором попытался обосновать актуальность, обозначил предмет изучения, цель, задачи, хронологические и территориальные рамки, а также научную новизну и практическое значение. Обе части имеют по пять глав, которые в свою очередь содержат параграфы. Также издание снабжено приложениями и списком аббревиатур.

Приступая к рассмотрению первой части, отмечу, что введение «завораживает» с первых строк. Обосновывая актуальность исследования, автор указал, что она обусловлена «введением термина «интеллигенция» в российскую историографию в 60-х годах 19 века», выявлением «динамики роста значения интеллигенции, ее умственного потенциала в процессе 2-й индустриализации России» и т. д. [3, с. 6]. Сложно даже и предположить, как все это согласуется с теми проблемами, изучение которых на сегодняшний день актуально для отечественной историографии. Говоря о научной новизне и практическом значении, В. Н. Пащени без лишней скромности ставит свой труд в ранг первых полномасштабных научных исследований по истории интеллигенции [3, с. 8]. Более того, констатирует что его труд позволит заложить в Крыму новое направление в краеведении – «интеллектуаловедение» [3, с. 9]. Отмечу, что в завершении второй части монографии автор уже вызывает выстроить вокруг нее самостоятельную отрасль научного знания – «интеллигентоведение» [4, с. 376–377].

Первая глава посвящена историографии и источниковой базе изучения российской интеллигенции в 1783–1920 гг. [3, с. 10–35]. Обзор библиографии построен автором крайне избирательно. Внимание уделено литературе, изданной на рубеже XIX – XX вв. либо в советский период. Полностью упущен пласт современной отечественной историографии, в которой детально рассмотрен дискурс большей части из заявленных вопросов [5]. При этом автор не забывает дать ссылки на собственные многочисленные, порой абсолютно малограмотные, описи,

даже если они и не имеют отношения к заявленной теме. Так, в списке литературы к первой главе ссылки на работы титульного автора занимают позиции: 1–1а, 32, 37–38, 48–49, 51–60, при общем количестве в 66 позиций [3, с. 30–35]. По непонятной нам причине В. Н. Пашеня вновь возвращается к характеристике отдельных исследований крымских авторов уже в разделе посвященном источниковой базе [3, с. 22–30]. Ясно, что кандидат наук не очень отличает источники от историографии. Подобные отсылки к историографическим вопросам вносят сумятицу в понимание источниковедческой базы первой части монографии. Абсурдным звучит суждение автора о том, что «до 2016 года наиболее доступными для исследователей крымской истории являются Государственный архив Республики Крым в Симферополе и Государственный архив г. Севастополя» [3, с. 23]. Факты свидетельствуют об обратном. По проблеме исследования было издано значительное количество работ с опорой на материалы Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива литературы и искусства, Отдела письменных источников Государственного исторического музея, Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук и т. д. (см. многочисленные публикации В. В. Акимченкова [13; 21–23], А. В. Мальгина [12], А. А. Непомнящего [5; 16–20], А. В. Севастьянова [6], Э. И. Сеитовой [14], А. В. Хливнюка [15] и др.). Предположу, что автор слабо знаком с крымоведческой литературой. Хотя, научному сообществу памятно, что Пашеня является автором печально известного «бестселлера» под названием «Историография крымоведения» [7], который получил объективную, кстати крайне отрицательную, оценку в научном крымоведении [8; 24].

В главе «Исторические корни российской и крымской интеллигенции досоветского периода, ее роль в общественно-государственной жизни (1783–1920 гг.)» [3, с. 36–98] предпринята попытка рассмотреть роль образования, религии, национальной принадлежности, армии и флота в становлении российской интеллигенции. Однако это вылилось в написание отдельных параграфов о этноконфессиональных [3, с. 56–64], культурологических аспектах [3, с. 64–67], социальном составе населения [3, с. 67–77], о российской армии и флоте [3, с. 77–88], которые никак не увязываются между собой. А порой и полностью лишены смысловой нагрузки. К примеру, предлагаю читателю проанализировать следующие участки текста: «Медлительность такого перехода видна на примерах культурологического развития Таврической губернии и, прежде всего в образовательной сфере, где она не смогла выйти на уровень Одесской губернии Империи, хотя и имела солидную базу» [3, с. 53]; «жизнь потребовала активизировать процесс создания региональной системы подготовки собственной интеллигенции, и она создавалась, подвигая своих жителей к революции» [3, с. 96]. И таких цитат наберется целый том, который будет равнозначен по объему рецензируемому.

Последующие главы о судьбе российской интеллигенции в начале XX века [3, с. 99–226], ее роли в революционных событиях 1917 г. [3, с. 227–260] и последующей Гражданской войне [3, с. 261–305], никакой новой информационной

повестки не несут. Большая часть представленного материала опубликована еще в советской историографии, либо содержится в доступных сборниках архивных документов и хорошо известна историкам еще со студенческой скамьи. Диссонанс вызывает до неприличия сжатый параграф под названием «Научная интеллигенция Таврического университета и других структур в Гражданской войне» [3, с. 301–305] с отсылкой только лишь на работы самого В. Н. Пащенко, а также изданную еще в 2003 году и к сегодняшнему дню абсолютно устаревшую книгу по истории Таврического университета [9]. Пащенко неизвестно, что на сегодняшний день крымоведение обогатилось куда более полными и солидными изданиями о истории первого крымского высшего учебного заведения [10, 25–28]. Да это ему и не интересно. Он с завидной настойчивостью плодит свои странные по содержанию тексты.

Весьма странной выглядит попытка автора привести «некоторые примеры образцового служения Государству Российскому в Таврической губернии ее интеллигенции» [3, с. 305]. Приведенные отрывки из биографий Ф. Н. Мюльгаузена, А. Я. Фабра, А. Х. Стевена, А. Л. Бертье-Делагарда и В. А. Иванова подобраны по непонятному для читателя принципу. Полностью отсутствуют ссылки на источники и литературу, которые были использованы автором. В отдельных случаях указаны лишь номера листов, при отсутствии конкретной ссылки на архив [3, с. 310–311]. Предположу, что это еще одно авторское «know how», которое взывает читателя самостоятельно решить откуда В. Н. Пащенко взял искомый материал и собственноручно вписать ссылку в отведенную нишу с заранее заготовленными пробелами. Приложения к первой части монографии также не вызывают особого доверия [3, с. 322–341]. Весь приведенный В. Н. Пащенко массив статистических данных не содержит информации о том, откуда он почерпнул эти сведения.

Во второй части монографии, которая представлена в виде отдельного тома [4], автор ставит перед собой задачу «проанализировать историографическую базу исходя из современного ее состояния» [4, с. 9], при этом делает это весьма специфически. Первая глава посвящена избранной историографии и источниковой базе исследования [4, с. 16–26]. Изучив ее, складывается впечатление, что для автора «современность», это конец 1980-х – начало 1990-х годов. «Terra incognita» для В. Н. Пащенко (как и в случае с первой частью!) остались все современные разработки по заявленной теме.

Говоря об источниках, автор, как это ни странно выглядит, ссылается на собственные произведения [4, с. 27], а не на конкретные архивные фонды и документы. Те материалы, на которые В. Н. Пащенко ссылку все же дает, являются многократно изученными, в какой-то мере «избитыми» источниками из коллекции Государственного архива Республики Крым. Так и не понятой, лично для нас, осталась фраза о том, что «с 2016-го допуск исследователей к первым четырем группам [Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный исторический архив, Российский государственный архив социально-политической истории (который В. Н. Пащенко ошибочно именует «Российским Государственным архивом социально-политических наук»),

Государственный архив Республики Крым, Архив Управления ФСБ России по Республике Крым и городу Севастополю и ведомственный архив Министерства внутренних дел по Республике Крым] ограничен до уровня периода советской истории доперестроечного периода» [4, с. 28]. Вероятно, оперируя этим суждением, В. Н. Пащенко решил построить свое повествование исключительно на изданных в советский период сборниках документов КПСС, собственных монографиях, а также избранных по непонятному принципу статьях и книгах конца 80-х – начала 90-х годов XX в. А для «изысканности» снабдил все это документами из фондов нескольких провинциальных архивов.

Во второй главе под названием «Формирование советской интеллигенции как интеллигенции нового типа (1920–1940 гг.)» повествуется о хорошо известных фактах и первых шагах советской власти в области организации культурной жизни, периоде Новой экономической политики, роли РКП(б) в этом процессе и т. д. [4, с. 43–62]. Рассказывая о судьбе крымской интеллигенции в 20-е годы XX в., формировании на полуострове Таврического университета и новых научных объединений [4, с. 62–79], автор наполнил параграфы давно известным и не отвечающим современным критериям исторического знания набором данных. Все это вызвано тем, что В. Н. Пащенко сознательно либо по незнанию проигнорировал современные фундаментальные наработки по истории данного периода, в частности – целый пласт изданий, подготовленных к столетию Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

Параграф «Советская интеллигенция в период социалистического строительства (1930–1940 гг.)» [4, с. 80–97] формирует поверхностное восприятие процессов, протекавших в научном сообществе Советского Союза в указанный период. Полностью отсутствует понимание о трансформации старых (Таврическая ученая архивная комиссия) и появлении новых (Таврическое общество истории, археологии и этнографии, Крымское областное бюро краеведения, Научно-исследовательское общество изучения Крым, Российское общество по изучению Крыма, Крымское отделение Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству СССР и др.) научных общественных объединений полуострова, вокруг которых и группировалась значительная часть крымской интеллигенции. В. Н. Пащенко верно следует выбранной методологии исследования, опираясь лишь на доступный узкий круг источников и литературы, а также широкий спектр собственных опусов. Более того, заявив в заглавии о изучении судьбы советской интеллигенции в конкретный исторический период, в содержании автор рассуждает о судебной системе Крымской АССР [4, с. 95], количестве осужденных [4, с. 96], структуре санитарно-эпидемиологических организаций автономии [4, с. 88] и т. д. Однако это, скорее правило, чем исключение, поскольку текст монографии сплошь пестрит подобными пространными отступлениями, не имеющими к заявленной теме никакого отношения.

Проанализировав объемный параграф под названием «Создание советской социалистической системы подготовки кадрового потенциала» [4, с. 97–139],

приходишь к выводу, что всю суть изложенного можно поместить на нескольких страницах печатного текста, минуя рассуждений о позиции СССР в общемировом промышленном производстве [4, с. 100], вопросах электрификации [4, с. 101], а также представления нерепрезентативных сводок о системе народного образования [4, с. 105–107]. При этом авторские «выводы» о том, что начало социалистического строительства повлияло на изменение системы здравоохранения, а также имелись определенные организационные трудности, либо «сохранение НЭПовской традиции грубого нарушения финансовой дисциплины от Наркомздрава республики и ниже» на поверку являются лишь суждениями, которые не требуют столь обширной аргументации [4, с. 132–133]. Автор выбирает верное направление, пытаюсь продемонстрировать взаимосвязь интеллигенции и музеев Крымской АССР. Однако «авторское» восприятие истории музейного дела на полуострове вызывает недоумение. Так, суждение о том, что «со 2-й половины 1930-х в республике прошел процесс свёртывания музееведения» [4, с. 109] и последующая фраза «ни одно среднее или высшее профессиональное учебное заведение Крымской АССР не готовило специалистов в сфере музееведения» [4, с. 110] порождает риторический вопрос – какой смысл В. Н. Пащенко вкладывает в понятие «музееведение»? Исходя из содержания, получается, что во второй половине 30-х гг. XX в. в Крыму сворачивался процесс изучения истории музейного дела. Более того, под так называемое «свёртывание» В. Н. Пащенко «бросает» и Музей пещерных городов со всем комплексом памятников истории и культуры Юго-Западного Крыма. Хотя в отечественной историографии установлено, что учреждение благополучно существовало все 30-е гг. XX в. в структуре Севастопольского музейного объединения [31]. Предположу, что так называемое Пащенко «свёртывание» являлось процессом оптимизации, который проходил в рамках перевода музеев на финансирование из бюджета автономии и носило сугубо хозяйственный характер. Хотя, как мы наблюдаем, это достаточный повод для конспирологии среди дилетантов.

В монографии присутствуют и обратные примеры. В частности, роли процесса коренизации в формировании национальных кадров уделено ничтожное внимание [4, с. 133–139]. Хотя отечественная историография изобилует серьезными исследованиями по данной тематике [11, 29–30]. Параграф под странным названием «Советская аграрная политика, ее интеллигенция в 1930-е – начале 1940-х годов» [4, с. 140–156] вызывает еще большее уныние. Все представленное в ней обилие статистики, процессов, выводов, имеет отношение лишь к вопросам развития сельского хозяйства. Об интеллигенции В. Н. Пащенко пишет вскользь, об урожайности – сколько угодно.

Третью главу В. Н. Пащенко посвятил интеллигенции в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) [4, с. 174–224]. Львиная доля текста представлена в виде рассуждений о геополитическом и общественно-экономическом положении СССР в указанный период. Большинство материала почерпнуто автором из опубликованных работ О. В. Романько, однако никакого отношения к заявленной теме это не имеет. В. Н. Пащенко пытается любой процесс

«за уши» притянуть к рассматриваемой проблематике. К примеру, называя один из параграфов третьей главы «Авиационная интеллигенция и ее роль в борьбе с германским фашизмом. Рождение 62 сап ВВС ЧФ», он полностью посвящает его истории авиации [4, с. 202–216].

Давать подробный анализ четвертой («Советская интеллигенция в первое послевоенное 20-летие (1945–1964 гг.)») [4, с. 225–276] и пятой («Интеллигенция в завершающий период советской истории (1965–1991 гг.)») [4, с. 277–367] главам не имеет смысла, ведь объем рецензии будет равняться объему самой монографии. Здесь все по выбранной Пащенко несуразной «методологии» – пространное описание исторической канвы советской истории после завершения Великой Отечественной войны и до распада СССР, а также попытка выдать это как изучение роли интеллигенции в истории России.

В заключении В. Н. Пащенко делится с читателем инициативой, предлагая начать преподавание в вузах Крыма нового курса – «Интеллигентоведения» [4, с. 370]. Более того, в качестве приложения, помещает перечень требований по данному курсу к знаниям и умениям студенчества [4, с. 376–377]. А парадоксальная мысль автора о том, что «интеллигентоведение возможно считать самостоятельной отраслью научных знаний» не выдерживает никакой критики [4, с. 376].

Правильным оформлением научно-справочного аппарата В. Н. Пащенко предпочитает попросту пренебрегать. Для понимания обозначу самые вопиющие случаи проявления некомпетентности: в первой части монографии оформление ссылок под номерами 1 [3, с. 314], 26 [3, с. 32], 78 [3, с. 40], во второй – 82 [4, с. 40], 42 [4, с. 166], 141 [4, с. 171], 1 [4, с. 275], 27 [4, с. 366]. Текст монографии изобилует плеоназмами, опечатками и иными редакторскими огрехами. На более чем семистах страницах текста их предостаточно и указывать на каждую не имеет смысла. Остановлюсь на малом. К примеру, в списке аббревиатур [4, с. 380–382] ВКП(б) расшифрована как «*Всероссийская Коммунистическая партия большевиков*», а не Всесоюзная Коммунистическая партия большевиков, ВСНХ – «*Всероссийский Совет Народного Хозяйства*», а не Высший совет народного хозяйства СССР, МГБ – «*Министерство Обороны Союза Советских Социалистических Республик*», вместо Министерства государственной безопасности СССР и т. д. Это показатель не только спешной и некачественной работы, но и элементарного невежества.

Таким образом, можно констатировать, что В. Н. Пащенко не сумел создать полноценное научное исследование которое-бы объективно и всесторонне отображало бы канву развития структуры российской интеллигенции, тех институций с которыми она была сопряжена. Под громким названием снова скрывается околонуточный опус. Автор упустил из поля своего научного внимания большую часть архивных документов по заявленной проблеме исследования. В частности, слабо представлены материалы из фонда Государственного архива Российской Федерации, и совершенно не востребованными оказались коллекции Российского государственного архива литературы и искусства, Российского государственного архива экономики, Архива Российской академии наук. Упомянутые учреждения обладают значительным массивом документации,

раскрывающей роль и значение интеллигенции в исторической судьбе России. Как показал анализ текста монографии, автор не знаком с подавляющей частью отечественной и зарубежной историографии, в которой затрагиваются различные аспекты из истории российской интеллигенции.

Будучи заинтригованным такой мощной задумкой В. Н. Пашени и изучив объемную монографию, для нас остался без ответа ключевой вопрос – так что же двигало «гением автора»: идея о «самостоятельной отрасли научного знания»? желание выдать кое-как скомпилированный набор фактов за научный труд? Владислав Николаевич, так что же первично – идея или желание?

Список использованных источников и литературы

1. Непомнящий А. А. Научная книжная серия «Биобиблиография кримведения»: опыт популяризации исторического регионоведения // Информационный бюллетень РБА / Российская библиотечная ассоциация. – 2021. – № 93. – С. 53–63.
Nepomnyashchij A. A. Nauchnaya knizhnaya seriya «Biobibliografiya krymovedeniya»: opyt popularizacii istoricheskogo regionovedeniya // Informacionnyj byulleten' RBA / Rossijskaya bibliotecnaya associacija. – 2021. – № 93. – S. 53–63.
2. Непомнящий А. А. «Биобиблиография кримведения»: из опыта создания региональной научной книжной серии // Библиография и книговедение. – 2018. – № 1. – С. 69–88.
Nepomnyashchij A. A. «Biobibliografiya krymovedeniya»: iz opyta sozdaniya regional'noj nauchnoj knizhnoj serii // Bibliografiya i knigovedenie. – 2018. – № 1. – S. 69–88.
3. Пашеня В. Н. Интеллигенция, ее роль в истории России и Крыма. – Симферополь: ИП Зуева Т. В., 2021. – Ч. 1: досоветский период: [1783–1920]. – 344 с.
Pashchenya V. N. Intelligenciya, ee rol' v istorii Rossii i Kryma. – Simferopol': IP Zueva T. V., 2021. – SN. 1: dosovetskij period: [1783–1920]. – 344 s.
4. Пашеня В. Н. Интеллигенция, ее роль в истории России и Крыма. – Симферополь: Издательский дом КФУ, 2021. – Ч. 2: с конца 1920-го до конца 1991-го. – 384 с.
Pashchenya V. N. Intelligenciya, ee rol' v istorii Rossii i Kryma. – Simferopol': Izdatel'skij dom KFU, 2021. – SN. 2: s konca 1920-go do konca 1991-go. – 384 s.
5. Непомнящий А. А. Подвижники кримведения. – Симферополь, 2006. – Т. 1. – 324 с. – (Серия: «Биобиблиография кримведения»; вып. 7).
Nepomnyashchij A. A. Podvizhniki krymovedeniya. – Simferopol', 2006. – T. 1. – 324 s. – (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 7).
6. Севастьянов А. В. Десять лет на службе краеведения: Российское общество по изучению Крыма (1922–1932) / под ред. А. А. Непомнящего. – Симферополь, 2010. – 256 с. – (Серия: «Биобиблиография кримведения»; вып. 13).
Sevast'yanov A. V. Desyat' let na sluzhbe krymovedeniya: Rossijskoe obshchestvo po izucheniyu Kryma (1922–1932) / pod red. A. A. Nepomnyashchego. – Simferopol', 2010. – 256 s. – (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 13).
7. Пашеня В. Н. Историография кримведения. – Симферополь: Диайпи, 2013. – 367 с.
Pashchenya V. N. Istoriografiya krymovedeniya. – Simferopol': Diajpi, 2013. – 367 s.
8. Непомнящий А. А. Историография кримведения, которой нет. Рец. на: Пашеня В. Н. Историография кримведения (Симферополь: Диайпи, 2013. 368 с.) // Крымское историческое обозрение. – 2014. – № 2. – С. 282–292.
Nepomnyashchij A. A. Istoriografiya krymovedeniya, kotoroj net. Rec. na: Pashchenya V. N. Istoriografiya krymovedeniya (Simferopol': Diajpi, 2013. 368 s.) // Krymskoe istoricheskoe obozrenie. – 2014. – № 2. – S. 282–292.
9. История Таврического университета: [1918–2003] / Под общ. ред. Н. В. Багрова; [Авт. колл.: Н. В. Багров, В. В. Бобков, В. В. Лавров, В. Ф. Шарапа и др.]. – Київ: Либідь, 2003. – 243 с.

Istoriya Tavricheskogo universiteta: [1918–2003] / Pod obshch. red. N. V. Bagrova; [N. V. Bagrov, V. V. Bobkov, V. V. Lavrov, V. F. SHarapa i dr.]. – Kiïv: Libid', 2003. – 243 s.

10. История Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в документах и фотографиях / Авт.-сост. А. А. Непомнящий, А. С. Кравчук. – Белгород: Константа, 2018. – 352 с.

Istoriya Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo v dokumentah i fotografiyah / Krymskij federal'nyj universitet imeni V. I. Vernadskogo; [A. A. Nepomnyashchij, A. S. Kravchuk]. – Belgorod: Konstanta, 2018. – 352 s.

11. Кондратюк Г. Н. Коренизация в системе здравоохранения в Крымской АССР (20–30-е гг. XX в.) // Клио. – 2014. – № 9(93). – С. 73–75.

Kondratyuk G. N. Korenizaciya v sisteme zdravoohraneniya v Krymskoj ASSR (20–30-e gg. XX v.) // Klio. – 2014. – № 9(93). – S. 73–75.

12. Мальгин А. В. Русская Ривьера: курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи: конец XVIII – нач. XX в. – Симферополь: Сонат, 2004. – 349 с.

Mal'gin A. V. Russkaya Riv'era: kurorty, turizm i otdyh v Krymu v epohu Imperii: konec XVIII – nach. XX v. – Simferopol': Sonat, 2004. – 349 s.

13. Акимченков В. В. В борьбе за советский патриотизм: Севастопольское музейное объединение (1928–1940) / Под ред., вступ. ст. А. А. Непомнящего; Московский педагогический государственный университет; ГБУ «Научно-исследовательский центр крымоведения и охраны культурного наследия Республики Крым». – М.; Симферополь: Антиква, 2015. – 244 с. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 24).

Akimchenkov V. V. V bor'be za sovetskij patriotizm: Sevastopol'skoe muzejnoe ob"edinenie (1928–1940) / Pod red., vstup. st. A. A. Nepomnyashchego; Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet; GBU «Nauchno-issledovatel'skij centr krymovedeniya i ohrany kul'turnogo naslediya Respubliki Krym». – M.; Simferopol': Antikva, 2015. – 244 s. – (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 24).

14. Сеитова Э. И. Переселенческий билет: трудовая миграция в Крым, 1944–1976 / Под ред. А. А. Непомнящего. – Симферополь: Антиква, 2013. – 236 с. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 19).

Seitova E. I. Pereselencheskij билет: trudovaya migraciya v Krym, 1944–1976 / Pod red. A. A. Nepomnyashchego. – Simferopol': Antikva, 2013. – 236 s. – (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 19).

15. Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: исследования и документы / Авт.-сост. А. В. Хливнюк; под ред., вступ. ст. А. А. Непомнящего. – Симферополь, 2008. – 240 с. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 11).

Ohrana i izuchenie pamyatnikov istorii i kul'tury v Krymskoj ASSR: issledovaniya i dokumenty / Avt.-sost. A. V. Hlivnyuk; pod red., vstup. st. A. A. Nepomnyashchego. – Simferopol', 2008. – 240 s. – (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 11).

16. Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения. – Симферополь, 2008. – Т. 2: Taurica orientalia. – 600 с., ил. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 12).

Nepomnyashchij A. A. Podvizhniki krymovedeniya. – Simferopol', 2008. – T. 2: Taurica orientalia. – 600 s., il. – (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 12).

17. Непомнящий А. А. Профессор Виктор Филоненко: неизвестные страницы биографии: по новым документам архивов Москвы и Санкт-Петербурга // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2021. – Т. 7(73), № 1. – С. 110–130.

Nepomnyashchij A. A. Professor Viktor Filonenko: neizvestnye stranicy biografii: po novym dokumentam arhivov Moskvu i Sankt-Peterburga // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – 2021. – T. 7(73), № 1. – S. 110–130.

18. Непомнящий А. А. Осман Акчокраклы: неизвестные страницы биографии // Крымское историческое обозрение. – 2021. – № 1. – С. 154–187.

Nepomnyashchij A. A. Osman Akchokrakly: neizvestnye stranicy biografii // Krymskoe istoricheskoe obozrenie. – 2021. – № 1. – S. 154–187.

19. Непомнящий А. А. «Лучший рассадник высшей школы»: организация подготовки национальных кадров в Крымской АССР в 1920-е гг.: по документам Государственного архива Российской Федерации // Вестник архивиста. – 2020. – № 4. – С. 1083–1094.

Nepomnyashchij A. A. «Luchshij rassadnik vysshej shkoly»: organizaciya podgotovki nacional'nyh kadrov v Krymskoj ASSR v 1920-e gg.: po dokumentam Gosudarstvennogo arhiva Rossijskoj Federacii // Vestnik arhivista. – 2020. – № 4. – S. 1083–1094.

20. Непомнящий А. А. Крымские корреспонденты академика В. И. Вернадского (1920–1930-е гг.) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: «Гуманитарные науки». – 2021. – Т. 23, № 3. – С. 70–86.

Nepomnyashchij A. A. Krymskie korrespondenty akademika V. I. Vernadskogo (1920–1930-e gg.) // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: «Gumanitarnye nauki». – 2021. – T. 23, № 3. – S. 70–86.

21. Акимченков В. В., Непомнящий А. А. «Этот вопрос... в свое время обсуждался в общесоюзном масштабе V Менделеевским съездом». Записки профессоров Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе по наиболее рациональному использованию природных богатств полуострова. 1928 г. // Исторический архив. – 2019. – № 2. – С. 108–117.

Akimchenkov V. V., Nepomnyashchij A. A. «Etot vopros... v svoe vremya obsuzhdalsya v obshchesoyuznom masshtabe V Mendeleevskim s"ezdom». Zapiski professorov Krymskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. M. V. Frunze po naibolee racional'nomu ispol'zovaniyu prirodnyh bogatstv poluostrova. 1928 g. // Istoricheskij arhiv. – 2019. – № 2. – S. 108–117.

22. Акимченков В. В. Дискуссии о путях развития экономического кримведения на рубеже 20–30-х годов XX в.: по материалам Российского государственного архива экономики // Дискуссионные проблемы источниковедения истории фундаментальной науки в СССР: матер. Всеросс. науч. конф., г. Москва, 25 июня 2019 г. / Архив РАН; РГГУ. – М., 2019. – С. 242–250.

Akimchenkov V. V. Diskussii o putyakh razvitiya ekonomicheskogo krymvedeniya na rubezhe 20–30-h godov NKH v.: po materialam Rossijskogo gosudarstvennogo arhiva ekonomiki // Diskussionnye problemy istochnikovedeniya istorii fundamental'noj nauki v SSSR: mater. Vseross. nauch. konf., g. Moskva, 25 iyunya 2019 g. / Arhiv RAN; RGGU. – M., 2019. – S. 242–250.

23. Акимченков В. В. Формирование советской научно-технической интеллигенции на рубеже 20–30-х гг. XX в.: материалы к биографии П. А. Селиванова // «Исторический путь России: из прошлого в будущее»: Материалы международной научной конференции, посвященной 800-летию со дня рождения Великого князя Александра Невского: в 3 т., г. Санкт-Петербург, 2 апреля 2021 г. / Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна. – СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2021. – Т. 1. – С. 11–18.

Akimchenkov V. V. Formirovanie sovetskoj nauchno-tehnicheskoy intelligencii na rubezhe 20–30-h gg. NKH v.: materialy k biografii P. A. Selivanova // «Istoricheskij put' Rossii: iz proshlogo v budushchee»: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 800-letiyu so dnya rozhdeniya Velikogo knyazyza Aleksandra Nevskogo: v 3 t., g. Sankt-Peterburg, 2 aprelya 2021 g. / Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet promyshlennyh tekhnologij i dizajna. – SPb.: FGBOUVO «SPbGUPTD», 2021. – T. 1. – S. 11–18.

24. Непомнящий А. А. Вульгарная историография кримведения. Рец. на кн.: Пашеня В. Н. Историография кримведения. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2013. – 368 с. // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2014. – Т. 27(66), № 1. – С. 79–86.

Nepomnyashchij A. A. Vul'garnaya istoriografiya krymvedeniya. Rec. na kn.: Pashchenya V. N. Istoriografiya krymvedeniya. – Simferopol': DIAJPI, 2013. – 368 s. // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – 2014. – T. 27(66), № 1. – S. 79–86.

25. Профессора Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского: в 3-х т. / Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского; ред.-сост.: А. А. Непомнящий, Д. А. Ломакин, В. А. Грушецкая и др. – Белгород: Константа, 2018. – Т. 1. – 404 с.; Т. 2. – 428 с.; Т. 3. – 380 с.

Professora Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo: v 3-h t. / Krymskij federal'nyj universitet im. V. I. Vernadskogo; red.-sost.: A. A. Nepomnyashchij, D. A. Lomakin, V. A. Grusheckaya i dr. – Belgorod: Konstanta, 2018. – Т. 1. – 404 s.; Т. 2. – 428 s.; Т. 3. – 380 s.

26. Непомнящий А. А. Восточный факультет: неизвестные страницы истории крымоведения. – Саратов: Амирит, 2021. – 416 с. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения; вып. 31»).

Nepomnyashchij A. A. Vostochnyj fakul'tet: neizvestnye stranicy istorii krymovedeniya. – Saratov: Amirit, 2021. – 416 s. – (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya; vyp. 31»).

27. Непомнящий А. А., Ломакин Д. А. «Преодолевая нечеловеческие трудности»: Крымский государственный медицинский институт имени И. В. Сталина в годы Великой Отечественной войны (по документам Государственного архива Российской Федерации) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 2. – С. 103–127.

Nepomnyashchij A. A., Lomakin D. A. «Preodolevaya nechelovecheskie trudnosti»: Krymskij gosudarstvennyj medicinskij institut imeni I. V. Stalina v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (po dokumentam Gosudarstvennogo arhiva Rossijskoj Federacii) // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2020. – Т. 25, № 2. – С. 103–127.

28. Непомнящий А. А. Боспорский университет: «Необходимость создания такого центра является сейчас насущной потребностью» // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории / Ин-т всеобщей истории РАН. – М., 2020. – Вып. 72. – С. 391–404.

Nepomnyashchij A. A. Bosporskij universitet: «Neobhodimost' sozdaniya takogo centra yavlyaetsya sejchas nasushchnoj potrebnost'yu» // Dialog so vremenem: al'manah intellektual'noj istorii / In-t vseobshchej istorii RAN. – М., 2020. – Вып. 72. – С. 391–404.

29. Кондратьев Г. Н. Татаризация как направление политики коренизации в Крымской АССР (20-е годы XX века) // Вестник университета / Российско-Таджикский (Славянский) университет. – 2014. – № 2(45). – С. 151–156.

Kondratyuk G. N. Tatarizaciya kak napravlenie politiki korenizacii v Krymskoj ASSR (20-e gody XX veka) // Vestnik universiteta / Rossijsko-Tadzhikskij (Slavyanskij) universitet. – 2014. – № 2(45). – С. 151–156.

30. Кондратьев Г. Н. Крымские татары – советские служащие в реализации национальной политики в Крымской АССР (20–30-е годы XX ст.) // Крымское историческое обозрение. – 2014. – № 2. – С. 63–76.

Kondratyuk G. N. Krymskie tatarы – sovetskie sluzhashchie v realizacii nacional'noj politiki v Krymskoj ASSR (20–30-e gody XX st.) // Krymskoe istoricheskoe obozrenie. – 2014. – № 2. – С. 63–76.

31. Акимченков В. В. Севастопольское музейное объединение в общественно-культурной жизни Крыма (1928–1940): автореферат дис. ... канд. ист. наук / 07.00.02 – Отечественная история; Российский университет дружбы народов. – М., 2020. – 29 с.

Akimchenkov V. V. Sevastopol'skoe muzejnoe ob"edinenie v obshchestvenno-kul'turnoj zhizni Kryma (1928–1940): avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk / 07.00.02 – Otechestvennaya istoriya; Rossijskij universitet druzhby narodov. – М., 2020. – 29 s.

Akimchenkov V. V. Lengthy reflections on the historical fate of the russian intelligentsia. Review on the book: Paschenya V. N. Intelligentsia, its role in the history of Russia and Crimea.

V. N. Paschenyi's attempt to present a historical essay on the fate of the Russian intelligentsia in 1783–1991 is analyzed. The author's concept is considered. The conclusion is made about the discrepancy between the title and the content of the book, about his primitivization of the scientific approach to the history of Crimean studies. Numerous factual and conceptual errors of V. N. Paschenyi are named. It is proved that the book is a pile of facts from Russian history, sometimes unrelated to each other. The lack of reliance on sources on the history of Crimean studies, the author's ignorance of the historiography of the issue led him to create an untenable version of the monograph on the intellectual history of the Crimea.

Keywords: intelligentsia, Crimea, V. N. Paschenya, review, Russia.

УДК 94(47).048

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-3-14-33

**ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ НЕРЧИНСКОГО УЕЗДА В 1660–1670-Е ГГ.:
К ВОПРОСУ О КРИЗИСЕ СИСТЕМЫ ОБОРОНЫ
ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ**

Багрин Е. А.

*Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: egor-bagrin@yandex.ru*

На основе неопубликованных и опубликованных источников, в статье рассматривается гарнизон Нерчинского уезда в 1660–1670-е гг. XVII века. В этот период в Даурии происходило становление военной силы России, оборонявшей ее юго-восточные границы. Военные силы, располагавшиеся здесь, были слишком малочисленны, чтобы эффективно противостоять войскам соседей – монгольских правителей и Цинской империи. Пополнение штата гарнизона Нерчинска происходило медленными темпами, в то же время, даурские военные силы не могли быть усилены за счет перевода в Забайкалье и Приамурье войск из других мест. Свободный военный контингент из западносибирских городов был отвлечен на противодействие кочевникам в Южной Сибири. В Якутском уезде не хватало ратников для «усмирения немирных иноземцев», а в Енисейске и Илимске большинство служилых людей находилась на различных «государевых службах» и не могло быть направлено в Даурию. Правительство, не имея возможности усилить юго-восточную границу людьми, проводило политику избегания конфликтов с соседями, в то же время, отправляя в регион запасы оружия и боеприпасов на случай военной опасности. В статье приводится список состава Нерчинского гарнизона в 1675–1677 г.

Ключевые слова: служилые люди, казаки, история, Сибирь, Забайкалье, Даурия, Нерчинск, XVII век

В 1660–1670-гг. происходило становление военной силы России в Забайкалье и Приамурье. В это же время стало ясно, что этот регион в любой момент может стать ареной конфликта с сильными соседями: Цинской империей и монгольскими правителями. Однако Россия не смогла в полной мере использовать «мирные» десятилетия для подготовки к отражению возможной агрессии и во время боевых действий в 1685–1689 гг. потеряла значительные территории в Приамурье. Одной из главных причин этой неудачи было то, что численность войск, размещенных в Даурии, была недостаточной для ведения масштабной войны, а система оказания военной помощи юго-восточным рубежам была неэффективной. В данном исследовании мы обратимся к причинам кризиса обороноспособности Восточного Забайкалья (Нерчинского уезда).

Вооруженные силы Нерчинского уезда. Служилые люди Нерчинского уезда распределялись в основных укрепленных пунктах: Нерчинске и Теленбинске¹. Военная сила Нерчинска в 1660–1670-е гг. складывалась из нескольких составляющих. Ее основой были окладные служилые люди: дети боярские и казаки, а также, их дети, братья и племянники, готовые заместить на службе своих родственников, получавшие содержание только на время их участия в военных мероприятиях. Во время больших походов к ним присоединялись русские люди, живущие в Нерчинске и Нерчинском уезде, как правило, из числа промышленных и гулящих людей, ссыльные (обычно имевшие опыт военной службы) и воины ясачных иноземцев (преимущественно тунгусов)². Кроме того, нерчинские приказчики из числа тобольских детей боярских имели свою личную охрану, также участвовавшую в походах.

Наиболее полно и подробно процесс формирования нерчинского гарнизона в обозначенный период описан в монографии Г. Б. Леонтьевой «Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов)». Мы же постараемся дополнить и уточнить, приведенную исследовательницей информацию, используя данные неопубликованных документов из Архива Санкт-Петербургского института истории РАН и других источников.

Нерчинский уезд, имевший довольно суровые природные условия и скудные возможности по добыче пушнины в сравнение с Якутией и Приамурьем, был довольно непопулярным местом службы. Тобольский сын боярский Л. Б. Толбузин 12 мая 1662 г. принял в нерчинских острогах только 75 чел. «служилых и новоприборных», вместо 460 ратников, прибывших в Даурию в 1658 г. с воеводой А. Ф. Пашковым. Это были все силы, оставшиеся от полка служилых людей из сибирских городов. «Выборные окладные» ратники из Тобольска, Томска, Тюмени, Березова, Тары, Верхотурья, Пелыма, Красноярска, Туринска, Сургута и Кузнецка. «Новоприборные» из Енисейска и Братска. Многие из них погибли в бою и умерли от болезней, но большая часть, вероятно, просто сбежала в родные края. Часть якутских, енисейских и илимских служилых людей, а также 14 казаков из полка О. Степанова, разбитого маньчжурами в Корчеевой луке в 1658 г., пришедших в Нерчинск с Л. Б. Толбузиным, также незаконно покинула гарнизон в 1663 г. и отправилась на Амур во главе с О. Парфеновым и З. Левонтьевым. В нерчинских гарнизонах осталось 46 чел. Из них не менее 28 чел. были из состава полка А. Ф. Пашкова. Г. Б. Леонтьева отмечает также пополнение даурского войска в 1663–1664 гг. еще одним отрядом «выборных» ратников: 60 чел. из Тобольска и 20

¹ Нерчинск, Телембинск и другие крепости уезда объединялись в документации под общим названием «нерчинские остроги» и в обозначенный период относились к Енисейскому воеводству. С 1674 по 1680 гг. в их состав официально входил и Албазинский острог

² Например, летом 1675 г. в поход против «немирных» тунгусов и монголов из Нерчинска отправлялись «государские служилые и всяких чинов русския люди и ясашные люди иноземцы» и «ссылные люди», которые «присланы в службу и по указу оставлены в Телембинском остроге» [3, л. 1]

чел. из Енисейска. Вместе с ними, по данным на 1669 г., число служилых людей увеличилось до 124 чел. В дальнейшем до середины 1680–х военный контингент из городов Западной Сибири на юго–восточную границу не распределялся [26, 85, 154; 31, с. 137–138, 142–143; 32, с. 31–32, 36–39].

Тобольский сын боярский Д. Аршинский, возглавлявший Нерчинск с 1669 по 1673 гг., сделал ставку не на перевод в Нерчинск ратников из других крепостей, а на привлечение на службу добровольцев, реально желавших служить в Нерчинском уезде, что имело положительный результат. Например, в 7178 (1669/1670) г. он принял в казачью службу 12 чел. «вольных охочих людей» из разных сибирских городов, согласных служить без жалованья, выдав им из ясачной казны по коню на человека [2, с. 16; 26, с. 86]. Отметим, что практически весь гарнизон в течение 6 лет с 1666 по 1671 г. не получал денежные и хлебные оклады. По подсчетам Г. Б. Леонтьевой, с 1670 по 1679 гг. в Нерчинск были приверстаны 60 чел. из промышленных и гулящих людей [26, с. 85, 154; 31, с. 138, 142, 148; 32, с. 34]

В 1669–1673 гг. в число нерчинских ратников включали ссыльных людей¹, прибывавших в Даурию через Енисейск [7, сст. 1; 32, с. 35]. Например, в июле 1675 г., сменивший Д. Аршинского, тобольский сын боярский П. Шульгин, приказал Г. Лоншакову, приказчику Теленбинска, отпустить из острога всех ссыльных, служащих у него «по указу», в поход против «воровских» тунгусов. Все согласные должны были явиться в Нерчинск – место сбора военных сил [3, л. 1].

Военная сила Нерчинска стабильно пополнялась за счет ратников из Енисейска [32, с. 33]. Енисейцы, прибывавшие по службе в Нерчинск, нередко били челом о включении их в штат гарнизона. Например, в марте 1676 г. енисейские служилые люди: Потапко Леонтьев (Леонтеив), Максимко Денисов, Кирюшко Степанов сын Панов, Иван Тимофеив Стародубцов, Илюшко Иванов сын Шутов подали челобитные с просьбой взять их в казачью службу «по Нерчинскому острогу» [21, сст. 14–22, 25–25 об.]. Енисейские воеводы пытались предотвратить подобное развитие событий. Они требовали немедленной отправки своих людей назад в Енисейск как только они выполняли свои задачи, как правило, связанные с сопровождением различных грузов² и должностных лиц [10, сст. 1; 12, сст. 1–2]. При этом, многие енисейцы рассматривали свой переход в Нерчинский уезд как этап побегу в Приамурье, в Албазинский острог [31, с. 185–186; 32, с. 35, 39].

В этот же период началось обновление штата за счет ближних и дальних родственников окладных служилых людей [32, с. 36]. Они заменяли убитых, умерших, а также, старых и увечных ратников, которые просили отпустить их со службы в Иркутский и Албазинский монастыри. В 1675–1676 гг. нерчинские казаки

¹ В 1672 г. Сибирский приказ запретил брать на службу людей из всех категорий сибирского населения, не относящихся к родственникам служилых людей. Однако острая нехватка кадров заставила уже через 2–3 года смириться с приемом на службу «присыльных опальных людей», отставных служилых и промышленных людей [26, с. 353–354].

² Например, из 8 енисейских служилых людей, сопровождавших нерчинский хлеб в 1671 году, трое через 4 года оказались в составе гарнизона Нерчинска: Гурылев Сенка, Левонтьев Потапко, Абросимов Петрушка [26, с. 176].

Изот Титов, Роман Кондратьев, Насонко Максимов, Гаврило (Ганка) Конаков Суботин просили «для старости» вместо себя взять на службу своих племянников, соответственно: Ивана Апрелькова, Ивана Романова Метелкина, Сенку Гаврилова (промышленный человек) и Андрея Краснояра (сын казачий) [21, сст. 2–7, 11–13 об., 27–28].

Вплоть до самого конца 1670–х гг. продолжались «воровские» (т.е. незаконные) попытки бегства в Даурию служилых людей из ряда острогов Восточной Сибири. Они обычно плыли к р. Олекме и Тугирию, чтобы затем по Тугирскому волоку перейти на Амур. В 1650–1660–х гг. беглецы почти беспрепятственно проходили этот путь [30, с. 386–398, 400–402, 424–425, 523, 532, 560, 575–577, 586–589, 591–593 и др.]. Однако в 1670–х. служилые люди Олекминской заставы, усиленные отрядами воинов ясачных якутов и тунгусов, довольно успешно справлялись с задачей по поимке «воров». Впрочем, некоторые из них успешно преодолевали и эту преграду, вливаясь в число военных людей даурских крепостей [28, с. 59–60].

Если в период 1658–1665 гг. бежали преимущественно верхоленские, илимские и енисейские служилые люди, то в начале 1670–х гг. к ним присоединились красноярские казаки. В 1671 г. часть бежавших красноярских служилых людей была поймана, судьба части неизвестна [11, сст. 1–2; 28, с. 59–60; 31, с. 162–168]. В заручных челобитных 1676 г. о приеме на службу в Нерчинск отмечен сын казачий Андрей Краснояр. Он занял место своего дяди нерчинского казака Гаврила Конакова Суботина, просившего отставку по старости. Среди нерчинских служилых людей поручиков А. Краснояра еще три человека носили прозвище Краснояр: Иван Васильев, Василий Ларионов и Василий Петров, что весьма красноречиво говорит о месте, из которого они вышли в Нерчинск [21, сст. 11–13 об.].

В архиве СПБИИАН хранятся документы, связанные с приемом на службу в нерчинский гарнизон в 7184 (1675/1676) г. В них отражены данные о 13 новоприборных казаках. Из них 5 чел. енисейские служилые люди, 4 чел. родственники нерчинских казаков (в т.ч. промышленный человек и красноярский казачий сын), 2 промышленных человека, 1 чел. не указанного социального статуса из Илимска и 1 даурский служилый человек [21, сст. 1–30]¹.

Эти данные показывают, что в середине 1670–х гг. 2/3 мест занимались людьми, пришедшими извне (енисейские ратники, промышленные и гулящие люди Нерчинского и соседних уездов), а 1/3 родные «коренных» нерчинских казаков. Таким образом, тенденция создания в Нерчинске относительно замкнутой военной корпорации, восполняемой за счет детей, братьев и племянников ее членов, еще не была доминирующей, но уже набирала силу.

К 1681 г. число казаков в Нерчинске достигло 195 чел [33, л. 7–10]. Получается, что в среднем численность нерчинского гарнизона с 1669 по 1681 г. увеличивалась

¹ Енисейские служилые люди: Денисов Максимко, Леонтьев Потапко, Панов Кирюшко Степанов сын, Стародубцов Иван Тимофеев, Шутов Илюшко Иванов сын. Родственники служилых людей Нерчинска (племянники): Апрельков Иван, Гаврилов Сенка, Краснояр Андрей, Иван Романов Метелкин. Промышленные люди: Колотуха Ивашко Осипов, Кузнец Микитка (Минко) Титов. Статус не указан: Илимской Ивашко Андреев. Даурский служилый человек: Логинко Матфеев [21, сст. 1–30].

всего на 6 чел. в год¹. В последующее десятилетие военный штат Нерчинска не расширялся и не подвергался серьезным изменениям.

Кроме того, при нерчинских приказчиках были их дворовые люди, выполнявшие в том числе роль личной охраны. Опираясь на них и на тобольского пятидесятника Андрея Шехтина, П. Шульгин «чинил» в нерчинском гарнизоне «налоги и обиды», производил наказания кнутом и батагами [27, с. 371–374]. С большой долей вероятности, они участвовали и в военных походах. Точное число их на службе у Д. Аршинского и П. Шульгина неизвестно. Для сравнения, нерчинский воевода Ф. Воейков имел при себе не менее десятка «своих людишек», с которыми он ездил в Албазин наводить порядок в 1681 г. [6, л. 6].

Союзниками Нерчинка были тунгусы князя Гантимура, перешедшие в 1667 г. в русское подданство [29; 32, с. 34–35]. Первые нерчинские переводчики, видимо, также были из числа улусных людей Гантимура [1, с. 455; 26, с. 41; 27, с. 323–326]. Тунгусы привлекались для военных походов. Например, в июле 1675 г. П. Шульгин после жалобы Луникирского роду князца Балбача, на убийство его людей «ворами» – тунгусами Иживцова рода и мунгалскими людьми Намясинского рода, организовал против них большой поход с участием «ясашных людей иноземцев» [3]. В 1674 г. (1675/1676) П. Шульгин использовал Луникирских тунгусов для давления на князцов Абахая Шиленга и Тураки. Тунгусы угнали у них табун более чем из 3000 лошадей [27, с. 372–373]². Союзничество было взаимовыгодным. Например, в 1682 г. нерчинские казаки вели боевые действия против «немирных» тунгусов, напавших на Луникирский род [5, л. 1–2].

Немаловажным фактором для Нерчинска было также то, что в 1665/1666 г. в Приамурье был построен Албазинский острог. Построившие его беглые люди имели в своем составе большое число профессиональных военных. Формально они признавали руководство нерчинских приказных людей. Вливавшиеся в гарнизон Албазина люди подавали в нерчинской росправной избе заручные челобитные с просьбой приверстать их в «казачью службу по Албазинскому острогу». В 1670 г. общее число албазинских служилых людей составляло 82 чел., в 1674 г. 101 чел., а к 1681 г. увеличилось еще на 99 чел., набранных из промышленных и гулящих людей. Албазинский гарнизон, насчитывая 200 ратников, не уступал по силе нерчинскому. При этом все они были сконцентрированы в одной крепости за исключением периода ясачного сбора. Например, 50 чел. на 5 дощаниках отправлялись на реки Зею и Селинбу, и еще 6 чел. в Олдеконское зимовье. Кроме того, в 1681 г. в Албазине проживали более 500 чел. торговых, промышленных и гулящих людей, а также больше 100 чел. пашенных крестьян, способных взяться за оружие во время войны [1, с. 16; 6, л. 4–5 об., 6 об.]. Таким образом, потенциальная военная сила Албазинского острога к 1681 году насчитывала не менее 800 чел. Всего же, по

¹ Г. Б. Леонтьева отметила следующую динамику изменения численности гарнизона Нерчинска: в 1670 г. – 129, в 1674 г. – 170, в 1675 г. – 178, в 1677 г. – 191 человек [32, с. 36].

² В ответ буряты отогнали государственные и частные табуны нерчинских казаков, и не стали платить ясак.

данном нерчинского приказчика А. Строганова, в 1678/1679 г. в Албазине проживало более 1000 чел. «всяких чинов русских людей» (вероятно, с учетом женщин и детей) [36].

В 1666–1675 гг., не смотря на формальное подчинение Нерчинску, албазинцы осуществляли военные мероприятия, не согласуя их, и, невзирая на прямые запреты нерчинских приказчиков [1, с. 82, 84–87, 91; 2, с. 454–457; 8, сст. 1–2; 26, с. 41, 43–45, 153, 396; 31, с. 144]. Подобное положение вещей не было исключительным для сибирских реалий. Например, в 1673 г. енисейский воевода жаловался, что подчиненные ему служилые люди Селенгинского острога «самовольны, указных памятей не слушают и делают все сами по своим прихотям», верстают в казаки беглых енисейских посадских и крестьян, а также делят между собой ясак в счет неполученного жалованья без денежной оценки в Енисейске [26, с.327].

Тем не менее, не смотря на все сложности, взаимодействие между военными корпорациями Нерчинска и Албазина было взаимовыгодным. Албазинцы, получали от нерчинских приказчиков порох, свинец и даже артиллерию. Не позднее конца августа 1675 г. П. Шульгин направил в Албазинский острог «пищаль медную» длиной два аршина и весом шесть пуд с полупудом и «пищаль затинную железную» длиной 3 аршина, поступившие в Нерчинск в 1672 г. из Енисейска [1, с. 481–482; 37, с. 204]. Албазинцы, осуществляя походы по Амуру в бассейн рек Зeya и Селенба, ослабляли влияние «богдойских» дауров на тунгусов, проживавших на юге Якутского уезда. Последние были тесно связаны с тунгусами, находившимися на севере Нерчинского и юго-востоке Енисейского уездов в районе озера Баунт и Баргузинского острога. Усиление проманьчжурского влияния на Амуре вызывало волнения ясачных коренных народов вплоть до оз. Байкал [1, с. 561–562; 26, с. 367–368; 27, с. 343]. Поэтому Нерчинск был заинтересован в усилении позиций Албазина в Приамурье.

Таким образом, для обороны огромной территории Восточного Забайкалья и части Приамурья, бывшей под русским контролем и влиянием в течение 1660–1670-х гг., были задействованы относительно небольшие силы. Численность их, включая албазинцев, с 1669 по 1681 гг. постепенно выросла от 200 до 400 служилых людей. Кроме того, к концу рассматриваемого периода, в случае войны, можно было мобилизовать от 1000 до 1500 чел. промышленных и гулящих людей, пашенных крестьян и несколько сотен тунгусов–союзников.

Было ли этих сил достаточно в случае серьезной военной угрозы?

«Китайская угроза» и военное давление со стороны монгольской степи на Восточное Забайкалье и Приамурье. С 1667–1668 гг. через нерчинских и албазинских ясачных людей начала транслироваться угроза нападения «богдойских и даурских людей» на Албазин и Нерчинск. 27 января 1669 г. нерчинский воевода Л. Б. Толбузин из Теленбинского острога прислал приказчику Баргузинского острога, енисейскому сыну боярскому Якову Похабову, отписку с просьбой о военной помощи. В ней говорилось, что 7000 чел. маньчжурского войска выступили в сторону Нерчинска по двум направлениям со стороны озера Кайлар и по р.

Аргунь. В марте 1669 г. из Баргузина эти известия передал илимскому воеводе С. О. Оничкову, едущий на смену Тобузину, тобольский сын боярский Д. Аршинский. Заняв место нерчинского приказчика, 10 апреля 1669 г., он допросил ясачного князя Еткелу Намяситцкого рода, который рассказал, что на р. Аргунь постоянно приезжают маньчжурские отряды численностью около 400 чел., а на озере Кайлар стоит большое войско, которое может подойти к Нерчинску всего за 6 дней конной езды [31, с. 144–145, 148].

2 июня 1669 г. албазинский приказной человек М. Черниговский посылал без согласования с Д. Аршинским 60 чел. вниз по Амуру на дауров и дючеров. Следуя информации из китайских источников, албазинцы нанесли удар не только на обычном направлении в бассейн р. Зеи и ее притоков, но и поднялись вверх по Сунгари. Эти действия привели к всплеску активности китайской стороны, начавшей переговоры зимой 1669 – летом 1670 гг. о недопустимости подобных действий. В мае и августе 1670 г. в Москву с Баженом Никитиным и Игнатом Миловановым были отправлены письма с требованиями «богдойской» стороны о прекращении походов албазинцев. В августе 1670 г. в Нерчинск из Китая приезжал воевода Муготей со свитой. В это же время по некоторым данным маньчжуры демонстративно подвели к Албазину корабли и конницу, сделали осадный вал. В апреле и августе 1670 г. Д. Аршинский посылал в Албазин памяти, запрещающие «в походы ходить и воевать» вниз по Амуру [1, с. 454–457, 2, с. 84–87; 8, сст. 1–2; 26 с. 41, 43–45, 153; 31, с. 144]. Вероятно, после этих событий албазинские казаки сосредоточили свои усилия на покорении тунгусов, живших на р. Зея, не атакую территории, населенные даурами и дючерами.

Однако сигналы об опасности, исходящей из Китая, продолжали поступать и в следующие годы. Нерчинский десятник Васка Захаров 28 июля 1672 г. в съезжей избе Енисейска бил челом о том, что маньчжуры и «иных немирных земель иноземцы» хотят идти войной под Нерчинский острог, а нем мало пушек, ружей и боеприпасов [1, с. 482]. Аналогичные вести сообщал и А. Толбузин в июне 1678 года. Видимо под влиянием этих же слухов усилилось агрессивное давление соседей на русские территории в Приамурье. 26 июня 1678 г. албазинский сын боярский Г. Лоншаков писал в Енисейск о том, что даурские люди приезжают под Албазинский острог по 500 чел. и грабят промышленных и ясачных людей, облагая последних данью. Зейские тунгусы отказывались платить ясак, «выбивая» сборщиков дани из своих улусов [27, с. 323–326; 28, с. 95].

Если «китайская угроза» в 1660–1670-е гг. оставалась только потенциальной, то опасность, исходящая из монгольских степей, была вполне реальной. В июне 1669 г. около 15000 монголов Дайкон–тайши подошли к Нерчинску на расстояние дневного перехода и забрали к себе в улусы «братских людей», вышедших из монгольских земель под Нерчинск и 3 года плативших ясак. В след за этим осенью–зимой 1669 г. без разрешения монгольских тайшей, стоявших в четырех днях от Нерчинска, отказались платить ясак тунгусы, кочующие на р. Онон. Они открыто обратили внимание на малочисленность русского гарнизона и не способность его защитить их от врагов. В апреле 1670 г. ононские тунгусы напали ночью на лагерь телембинских

ясачных сборщиков и угнали коней. Спасаясь, казаки уплыли на плоту в Нерчинск. В это же время к монгольским тайшам откочевали ясачные буряты Баргузинского острога [1, с. 539–540; 26, с. 84–85].

Подобное положение вещей было и в других частях Прибайкалья. В августе 1674 г. в Иркутске и Балаганске и Брацке служилых людей было так мало, что они ничего не могли противопоставить кочевникам, приходящим на контролируемую этими крепостями территорию. Служилые люди писали, что монголы «по вся годы» приезжают по 100–200 чел. к ясачным людям, берут с них дань, увозят людей и «оборонять их некем». Помощи из Енисейска не было, т.к. в нем оставалось только по 20 чел. и меньше, в то время как остальные были распределены по многим службам в уезде. Не было запасов, оружия и боеприпасов. В Селенгинск «по воинским вестям» отправили 2 пуда порошу и пуд свинца с казаком Кузкой Фофановым, а Иркутску и Брацку предписали жить «с бережением», взяв у ясачных добрых аманатов, чтобы они не изменили и «к Мунгалам не отъехали» [26, с. 353–354]. В это же время были получены сведения о том, что под Селенгинский и Брацкие остроги идет войной табуницкий Гыган кан с тайшами. В связи с чем, селенгинцы не смели выезжать за ясаком. В это же время, в Енисейск сообщили из Бельского острога, что киргизские люди идут войной на Енисейские уезды, при том, что в Бельском остроге под руководством сын боярского Хриштома Перанского было всего 32 беломестных казака, а в Кемском остроге 49 ратников [26, с. 353–354].

Нерчинский приказчик П. Шульгин в 1674–1677 гг., организовав ряд походов против «немирных» обитателей степей внутри Нерчинского уезда и за его пределами, включая масштабный набег на табунутов, которые, следуя вестям из Селенгинска, в декабре 1675 г. грозились собрать 500 воинов и атаковать Нерчинск. Победы Шульгина сумели стабилизировать обстановку и вернуть доверие коренных жителей к русской военной силе, способной защитить своих поданных. Им же были успокоены бунтующие ясачные тунгусы, многие из которых вернулись на свои прежние места [1, с. 540, 561–562; 26, с. 353–354, 364, 367–368; 27, с. 323–326, 343–344, 371–372 и др.].

Однако к концу 1670-х гг. обстановка стала обостряться. В конце июня 1678 г. в Енисейск из Нерчинского и Албазинского острогов поступили сведения о том, что «киргизский князец» Ереняк, а также монгольские Очирой хан и его брат Батур-контайша готовятся к совместному наступлению на Красноярск, Енисейск и Даурские остроги. Приказной человек Селенгинска Данила Строганов добавлял, что Иркутск и Братские остроги уже «от мунгал сидят в осаде» (очевидно, что имелось в виду наличие монгольских отрядов недалеко от крепостей, а не прямые действия по их осаде), а монголы готовятся к войне на территории Забайкалья, контролируемой русскими [28, с. 95, 153, 168]. Эти сведения совпали с информацией о готовящемся наступлении маньчжуров на Албазин и Нерчинск.

Приведенные здесь факты, наглядно показывают, что Забайкалье в 1660–1670-е гг. было точкой большой напряженности, однако правительство России не спешило наполнять его военной силой, достаточной для отражения возможной

агрессии. Для сравнения в 1676–1677 гг. в крепостях, отвечавших за оборону юго-западной части сибирских владений России, были сконцентрированы значительные военные силы. Они распределялись следующим образом: Томск – 974 чел., Красноярск – 420 чел. и 202 «годовальщика» из городов Тобольского разряда, Енисейск – 479 чел., Кузнецк – 232 чел. Всего 2307 чел., включая служилых татар и беломестных казаков [28, с. 150–152]. Это почти в 6 раз больше, чем суммарное число служилых людей в крепостях Восточного Забайкалья и Приамурья в этот же период.

Почему же Восточное Забайкалье и Приамурье не наполнялись военными силами, несмотря на все тревожные известия оттуда? Для ответа на этот вопрос мы должны обратить внимание на потенциальные источники пополнения даурских гарнизонов. Во-первых, это ратники из городов Западной Сибири, традиционно направляемые в места наибольшей опасности. Во-вторых, Нерчинск, следуя приказу правительства, должен был получать военную помощь из ближайших к нему центров: Енисейска, Якутска и Илимска [32, с. 33]. Рассмотрим каждый из этих вариантов.

Служилые люди из западносибирских городов. Посылка на восток военного контингента из крепостей Западной Сибири была обычной практикой правительства России на протяжении 2-й половины XVII века. Полки, укомплектованные окладными служилыми людьми, их родственниками и наемщиками, отправлялись в Забайкалье и Приамурье в 1653 г. (Д. Зиновьева, 150 чел.), 1658 г. (А. Ф. Пашкова, 450 чел.), 1684 г. (А. Бейтона, 600 чел.), 1686 г. (Ф. А. Головина, 960 чел.), 1691 г. (300 чел.). Не сложно заметить, что в 1660–1670-х гг. был большой перерыв, во время которого западносибирские ратники не усиливали даурские гарнизоны. Г. Б. Леонтьева видит основную причину этого в том, что «пересылки партий «посланных по выбору» на далекие расстояния создавали для администрации лишние материальные трудности» [32, с. 32]. Однако как показано выше данная причина не могла быть основной. В другое время ратников посылали. На наш взгляд отмеченный перерыв в распределении сил на юго-восточную границу связан с тем, что в этот период основное внимание Сибирского приказа было приковано к югу Сибири. Именно здесь ожидали наибольшую и реальную опасность.

В 1667 г. во время набега енисейских киргизов и их союзников на Красноярск его защитники понесли большие потери. Убитых было не менее 198 чел., значительную часть из них составляли служилые люди [28, с. 150–152; 35, л. 336–337]. По решению правительства убыль была восполнена за счет размещения в Красноярске на постоянную и временную службу служилых людей Тобольского разряда. С 1668/1669 г. по указу правительства Тобольск, Тюмень, Тара, Тура, Верхотурье, Березов, Сургут, Пелым усиливали красноярский гарнизон своими людьми. Число годовальщиков из этих крепостей достигало 200 чел. Вопрос об отмене этого усиления был поставлен только к концу 1678 г. Однако он совпал с угрозой нового крупного наступления енисейских киргизов в Южной Сибири. Поэтому ограничились только решением о замене тюменцев и березовцев на

служилых людей из Томска. Впрочем, тюменцы не успели воспользоваться решением о замене, и осенью 1679 г. участвовали в боях у Красноярска против воинов Ереняка Ищеева [28, с. 150–153, 169–171]. Таким образом, весь рассматриваемый период Нерчинск не мог рассчитывать на пополнение гарнизона за счет служилых людей из городов Западной Сибири. Ситуация изменилась только в 1680-х гг. в виду неизбежного конфликта с Китаем и угрозы потери значительных территорий России на юге Дальнего Востока.

Якутск. Теоретически Якутск мог в случае необходимости относительно быстро усилить гарнизоны даурских крепостей своими людьми. В 1650–е гг. не менее 700 чел. из Якутского уезда (служилых и охочих людей) стали основой полков Е. Хабарова и О. Степанова, действовавших в Приамурье. Путь от Якутска до низовьев Амура по рекам Лене, Олекме и Тугирю и Тугирскому волоку занимал в среднем около 7 недель. Выйдя на амурские берега, служилые люди могли дойти до Албазина за одни сутки, а до Нерчинска отсюда по Амуру и Шилке «вверх против воды легким судном переменными людьми ходу 3 недели». Обратная дорога низ по течению занимала гораздо меньше времени – 6 суток. [31, с. 151]. Немаловажным фактором являлось наличие на этом маршруте Олекминского и Тугирского острогов, где можно было предварительно разместить в них хлебные запасы необходимые для обеспечения полков питанием, а также то, что жители Якутского уезда хорошо знали местность, по которой они передвигались.

Однако Якутск не только не был готов делиться военными силами, но сам остро нуждался в пополнении. В период с 1665 по 1680 гг. потери якутского гарнизона только убитыми составили более чем 250 чел. Наиболее сложная обстановка была на крайнем Северо–Востоке Сибири. Служилые люди, сталкиваясь с военным противодействием юкагиров, коряков и чукчей писали, «а иноземцов ... гораздо многолюдно, а одоления от русских людей к ним нет». Подобная же ситуация была и на юго–востоке Якутского уезда, особенно обострившаяся к концу рассматриваемого нами периода. В 1677–1678 гг. тунгусы перебили смену, шедшую из Якутска в Охотск, получив в качестве трофея пушку, а в 1680 г. убили на р. Юдомь стольника и воеводу Даниила Бибикова. Тунгуский князец Некрунко с 1000 воинов держал в осаде гарнизон Охотска. В этих условиях Якутск не имел сил для перелома ситуации в свою пользу [28, с. 158–159, 160, 172, 180–181 и др.]. Ситуация усугублялась тем, что промышленные люди, значительно усиливавшие отряды служилых людей, из–за плохих промыслов ушли из зимовий Якутского уезда в Якутск, Илимск и Киренский уезд.

К 1680/1681 гг. в гарнизоне Якутска было 606 чел. Все наличные ратники были распределены по уезду, и в отдаленных крепостях не сменялись по несколько лет вместо положенных 2 годов. В Якутске находились только старые и увечные служилые люди, а также их дети 8 до 16 лет, которые были слишком молоды для посылки на «дальние службы». В 1679 г. в Якутске некому было строить новый острог и чинить старые укрепления, подмываемые рекой [27, с. 348, 364–365]. При этом восстановление и увеличение штата гарнизона происходило с учетом

требований Сибирского приказа от 18 мая 1672 г. предписывавших на освободившиеся места верстать только родственников служилых людей. Небольшой процент от новоприборных казаков составляли крещеные якуты. Этим источников было недостаточно. В 1674/1675 г. якутские служилые люди просили воеводу приверстать в гарнизон промышленных и гулящих людей, чтобы в зимовьях «смирить» иноземцев. Правительство разрешило брать на службу «присыльных опальных людей» (ссылные посадские люди), отставных ратников, промышленных людей. На самом деле, только последняя категория могла дать реальный прирост военной силы. В 1675/1676 число гулящих людей, прибранных в штат, было в 4 раза больше чем казачьих детей, братьев и племянников и в 10 раз больше, чем представителей других групп [26, с. 353–354].

Традиционно одним из источников увеличения якутского гарнизона была присылка ратников из Енисейска и Илимска. После поражения от тунгусов в 1677–1678 гг. правительство приказало «не мешкая ни часу» отправить в помощь Якутску «на вечное житье» в свободные 76 окладных мест 40 служилых людей из Енисейска и 20 казаков из Илимска с семьями, а также охочих гулящих людей Илимского уезда, исключая «ссылных, тяглых и дворовых» людей. Эти ратники должны были разместиться в Якутске, сменив якутских служилых людей, которых следовало направить к Охотску и другим проблемным местам. При этом, не смотря на опасность сложившегося положения, илимский воевода сообщил, что отправит людей в Якутск не ранее весны 1680 г., потому что отсутствовали запасы хлеба на дорогу и жалование ратников, т.к его весь прежде выслали в Якутский острог [28, с. 158–159, 160, 172].

Весной 1680–1682 г. якутские казаки совершили несколько удачных походов на юге Якутска уезда в бассейне р. Удь и Амгунь, в т.ч. разгромив «немирных» тунгусов, перебивших до этого служилых людей на р. Амее. Для покорения 12 тунгусских родов, включавших в себя до 500 воинов, требовалось 150 чел. Для этого в Чичуйском, Усть–Кутской, Верхнекиренской, Тугурской, Ильинской, Бирюльской волостях набрали 50 чел. ратников из гулящих людей и еще 40 чел. планировали взять на службу. При возможности русские отряды усиливались воинами из ясачных оленных и пеших тунгусов [28, с. 174–177, 179, 183–184].

К марту 1682 г. гарнизон Якутска увеличился до 717 чел., но, при этом, его положение по-прежнему характеризовалось как «малоллюдство». Для «полного наряда», способного удовлетворить потребности Якутска в военной силе, требовалось не менее 1000 чел.¹ Таким образом, в 1669–1681 гг. Якутск не мог быть источником для пополнения нерчинских гарнизонов, и не имел возможности прислать сколько-нибудь значимые силы в Даурию во время военной опасности.

Наоборот, в Якутске были крайне заинтересованы в помощи нерчинских и албазинских казаков, так как события на южной границе Якутского уезда вызывали беспокойство. В 1667–1669 гг. поданные Цинской империи призывали якутов,

¹ Годовой расход на них должен был составлять: 5262 руб. 16 алт. 4 деньги, 6278 чети ржи, 2563 чети овса, 1281 чети с осминой круп и толокна, 1052 пуда соли [27, с. 364–365; 28, с. 180–183].

живших на территории, контролируемой из Олекминского острога, переходить на р. Зею и ее притоки, считавшиеся «богдойскими» владениями. Кроме того, на р. Уде они обложили данью тугирских тунгусов, ясачных плательщиков русского Верхомайского зимовья. Не способность администрации Якутска противодействовать расширению сферы влияния «богдойцев» привела к тому, что они озвучивали планы, пройдя по рекам Тугирь и Олекма на р. Лену, собирать дань из других ясачных плательщиков Якутска [26, с. 153–154]. В последней трети 1676 г. нерчинский приказчик П. Шульгин писал о том, что ясашные тунгусы Якутского уезда «из Майсково зимовья бежали ... отбив аманатов на Зею реку и живут вместе с прежними изменниками тунгусами с Петрушкиными родимцами ... Да и якуты которые ... изменили и от Якуцкого острогу отъехали к китайскому хану живут с теми де ворами кочуют не подалеку». Таким образом, бассейн р. Зея стал местом притяжения мятежников Якутского уезда, где они рассчитывали на защиту со стороны «богдойцев». Сюда же переходили, не хотевшие платить ясак, тунгусы севера Нерчинского и юго-востока Енисейского уездов. П. Шульгин просил военной помощи у Якутского воеводы для разгрома мятежников в Приамурье, но, вероятно, она не прибыла [19, сст. 8].

Енисейск. Как уже было отмечено, нерчинские остроги входили в Енисейское воеводство и могли рассчитывать на пополнение своих гарнизонов енисейцами. Однако Енисейск в 1670-е гг. испытывал значительный кадровый дефицит, усугублявшийся указами правительства, предписывавшими усиливать енисейскими служилыми людьми Якутск. В сфере ответственности Енисейска были и большие территории, расположенные вокруг озера Байкал. В 1674–1675 гг. 132 чел. из енисейского гарнизона находилось «безпеременно» в Прибайкальских острогах: сын боярский и 26 казаков в Иркутске, 23 чел. в Балаганском остроге, 14 чел. в Братске и еще 69 чел. с казачьим головой в других «байкальских» крепостях. В этот же период в дополнение к этим людям стали размещать беломестных казаков¹. Правительство предписало в тех местах, где они были устроены, сократить число ясачных сборщиков из числа окладных служилых людей, заменив их беломестными казаками². Освободившихся ратников, предписывалось посылать «по воинским

¹ 14 ноября 1675 г. на р. Иркут был построен Тункинский острог. Первоначально острог «для поспешения» был небольшой «2 избы под башнями по 4 сажени печатных, между избами острог по 6 сажен, с 2 боя с катками, кругом острога надолбы». В нем разместились 20 служилых людей и беломестных казаков с приказчиком Агейкой Мартемьяновым. Весной 1676 г. на смену служилым людям весной 1676 г. санным путем должны были приехать 15 чел. служилых людей и 20 беломестных казаков, чтобы начать пахать и строить дома, а в Иркутском остроге «им бытии не у чего, лише утеснение ... пахать и сен ставить не дают». Таким образом, общее число военных в крепости должно было составить не менее 50 чел. Расположение Тункинского острога было таким, что в него упирались все приходящие с монгольской стороны. Это было важно для защиты ясачных людей. Кроме того, Тункинск стал «застеньем» для Ангарского острога [27, с. 344–345].

² В 1669 г. енисейский воевода К. А. Яковлев прибрал в беломестные казаки 134 чел., разместив их по острогам и слободам: в Кемском – 50 чел., острог на р. Белой – 40 чел., острог на р. Усолке – 12 чел., у Маковского острога на р. Кети – 9 чел., Иркутский острог – 22 чел., Братский острог – 1 чел.

вестям в Дауры» [28, с. 150–152]. Однако вряд ли их количество могло кардинально способствовать усилению военного контингента в Забайкалье.

По всей видимости, многие енисейские воеводы считали даурские остроги обузой. Например, хлебное жалование должно было поступать в Нерчинск из Енисейска. Однако с 1666 по 1670 гг. енисейские администраторы не спешили отправлять запасы в Даурию, сообщая, что хлеба нет. В 1671 г., вероятно, под влиянием сведений о возможном конфликте с Китаем, Москва переключила свое внимание на состояние гарнизонов в Даурии. Нерчинский казачий десятник Филка Свешников получил в Москве денежную казну для выплаты нерчинцам жалования, которое многие из них не получали в течение 6 лет [31, с. 139, 142]. Воевода Енисейска К. А. Яковлев приказал закупить и складировать необходимый хлеб в Братске и Иркутске. Однако заботы о его доставке он перекладывал на нерчинского приказчика Д. Аршинского, написав ему, что если он не решит проблему и «в ясячном сборе будет ... поруха и служилым людям нужда, и то учинится от тебя, а запасы изготовлены и в Москву отписано». Однако позднее, видимо под давлением правительства, К.А. Яковлев перевез хлебные запасы в Баргузинский острог, где нерчинцы смогли их забрать [1, с. 481–482; 9, сст. 1–2; 13, сст. 1–2; 15, сст. 1–2; 16, сст. 1–2; 26, с. 176–177]. В указе от 4 февраля 1678 г. предписывалось хлебные запасы, пересылаемые из Тобольска в Енисейск, в приоритетном порядке распределять не только в Якутск, но и в Даурские остроги. Так же это касалось и, выращенного в Енисейском уезде хлеба, который запрещалось раздавать енисейским служилым людям в оклады в соответствии с их жалованием. За неполученный хлеб они должны были получать денежную компенсацию [28, с. 157, 160]. Это показывает, что правительство к концу 1670-х гг. осознало крайнюю уязвимость военных гарнизонов на восточных границах.

Енисейск был главным центром, через который Даурия оперативно насыщалась артиллерией, ручным оружием и боеприпасами, поступавшими из Тобольска. В период с апреля 1669 г. по февраль 1671 г., артиллерийский наряд Нерчинского уезда состоял всего из 2 пушек¹. В связи с потенциальным нападением Китая, ближайшие к нему военные центры, а также Тобольск, сообщили в Москву о том, что не имеют возможности усилить нерчинские остроги артиллерией. Однако в этот же период в 1671–1672 гг. из Енисейска в Нерчинск были отправлены несколько партий пороха и свинца² для противодействия «богдойским войскам».

и приказ набрать 10 чел. [24, с. 73–76]. В 1676/1677 гг. в Енисейском уезде было – 149 беломесных казаков в т.ч. 28 чел. в Иркутске и 9 чел. в нижнем Братском остроге [28, с. 150–152].

¹ В гарнизоне Нерчинске в этот период было 124 чел., распределенных также в Теленбинский и Иргенский остроги. Отметим, что в Якутске в этом же году также было только 2 боеспособных полковых пищали, что в целом отражает невнимательность правительства к состоянию обороноспособности военного контингента на востоке России [26, с. 85, 154; 31, с. 148]. В Енисейске после 1667 г. было не менее 9 пушек, присланных из Тобольска. К началу 1673 г. воевода К. А. Яковлев наладил производство артиллерии в самом Енисейске, сделав 5 «пищалей медных» и 12 железных (затинных). Всего в 1673 и 1676 гг. на месте было сделано 18 орудий [24, с. 33, 25]

² 2 пуда пороха стоили в Даурии 32 руб., а 2 пуда свинца – 10 руб. [31, с. 139, 142].

Провожатыми были Я. Ястребник, Ф. Мешинин, Г. Бурнов, М. Панкратов, М. Свиньин и др. В июне 1672 г. (7180 г.) из Тобольска в Енисейск, а затем через Баргузинский острог в Нерчинск доставили 54 пуда пороха и 38 пудов свинца [1, с. 481–482; 14, сст. 1; 17, сст. 1–3; 18, сст. 1]. Это достаточно большая партия. Для сравнения в Якутск через Енисейск же присылалось по 30 пудов пороха и свинца «с бочками, рогожками и веревками» на 3 года и еще по 15 пудов для освоения новых земель [26, с. 154; 27, с. 129–130].

В августе 1672 г., спустя почти три года после известий об опасности нападения китайских войск, в Нерчинск поступили пушки. Нерчинский казачий десятник Васька Захаров привез из Енисейска два орудия: пищаль медную с 20-ю ядрами железными и пищаль затинную железную с 30 ядрами железными¹. В 1672/1673 г. (7181 г.). Тобольский драгунского строя поручик Яков Тырсков доставил из Тобольска в Даурию 2 пушки медные, «по 19 пуд», а также 20 пудов свинца и порох и «московской посылки». В 1673–1674 гг. (7182 г.) из Москвы в Тобольск для Даурских острогов с тобольским сыном боярским Б. Тутолминым и енисейским сыном боярским А. Ботовым отправлен 31 пуд пороха. В это же время, Сибирский приказ обязал енисейского воеводу своевременно писать в Тобольск о наличии оружия и боеприпасов и следить за их наличием в крепостях Енисейского уезда [28, с. 95]. В 1675/1676 из Тобольска с тобольским сыном боярским Ларионом Толбузиным, с сыном его Алексеем в Нерчинск отправлены 239 пищалей «московской присылки», а также, по 40 пудов пороха и свинца. Это были все основные поставки боеприпасов и оружия в Забайкалье в 1670–е гг., «а больше тех посылок ... в Даурские остроги не было»². В 1678 г. в Енисейске не было пороха и свинца для Нерчинска, Албазина, Селенгинского и Братских острогов, испытывавших острую нехватку боеприпасов [28, с. 95, 153, 168].

Таким образом, Енисейск, в первую очередь, служил центром, пополнявшим материальную базу даурского военного контингента. Кроме того, мы уже отмечали, что часть енисейских служилых людей, не смотря на противодействие своих воевод, переходила на службу в Нерчинск. Однако этот ресурс был очень ограничен, и не мог кардинально увеличить нерчинские гарнизоны.

Илимск. Илимский гарнизон по численности соответствовал нерчинскому. В 1676 г. военные силы острога насчитывали 209 чел. и 5 пушек. Численность ратников в виду отсутствия прямой военной угрозы понемногу сокращалась. В 1689 г. гарнизон насчитывал 183 чел. [34, л. 278, 272–280]. Таким образом, сил, которые мог ли бы существенно усилить даурские остроги, здесь также не было.

¹ Отданы нерчинским приказчиком П. Шульгиным в Албазинский острог в 1675 г. [1, с. 482].

² Сведения о состоянии военных сил Сибири собирались в рамках указа правительства от 3 декабря 1678 г. о досмотре в сибирских крепостях числа служилых людей, их вооружения, в т.ч. артиллерии. Требовалось привести в боеспособное состояние оружие, требующее починки. Тобольску предписывалось своевременно снабжать гарнизоны необходимыми боеприпасами. Пешим стрельцам, казакам и драгунам нужно было взять на вооружение «пики длинные, полупики и копья», а также брусья с крюками и рогатки с полупиками для заграждения во время полевого боя. Крепостные укрепления требовалось пересмотреть и закончить то, что еще не достроено [27, с. 346–347; 28, с. 95].

Тем не менее, в критической обстановке посильная помощь Илимска также имела значение. Весной 1669 г. Д. Аршинский лишился всего пороха, который должен был быть доставлен в Нерчинск. При переходе оз. Байкал его корабли разбило в пути. Вследствие этой неудачи запасов «зелья ручного» и свинца в Нерчинске не было больше 9 месяцев. Из всех крепостей, расположенных недалеко от Нерчинского уезда, после просьб о помощи отозвался только Илимск. В декабре 1669 г. из Илимска в Нерчинск по приказу воеводы С. О. Оничкова на лыжах отправился отряд из 10 чел. во главе с Богданом Балахней. Они должны были доставить на нартах 3 пуда пороха на случай военных действий с Китаем [31, с. 148–149].

Подводя общий итог, можно отметить, что медленный рост численности нерчинского гарнизона в 1660–1670-е гг. объективно был связан с натиском кочевников на русские территории в Южной Сибири и военным противостоянием в Якутском уезде с тунгусами, коряками и чукчами. Все свободные военные силы, которые могли быть перемещены из одних сибирских крепостей для усиления других, в приоритетном порядке распределялись в эти регионы. Обострение военной обстановки в Забайкалье и Приамурье вызывало в правительстве беспокойство, однако отсутствие масштабных военных столкновений и больших потерь, видимо, отодвигало вопрос увеличения штата даурских гарнизонов на второй план. Этому способствовал и общий дефицит кадров военных людей в Сибири. Поэтому руководителям военного контингента на юго-восточной границе Дальнего Востока предписывалось уклоняться от действий, которые могли бы стать причиной военного конфликта. В то же время, в Даурию «по военным вестям» направлялась артиллерия, ручное огнестрельное оружие и боеприпасы в объеме не меньшем, чем например, в Якутский уезд, где служилых людей было почти в 2 раза больше. Очевидно, что Сибирский приказ пытался наиболее эффективно распределить, имевшиеся в его распоряжении ресурсы, исходя из текущей обстановки.

Приложение. Казаки, несшие службу в нерчинских острогах
в 1675–1677 гг.¹

Абросимов Петр	Маракин Василий Гаврилов
Акатиев (Акатьев) Гаврило	Марков Ондрей
Алексеев Юрий	Матфеев Логинко (Логин)
Алексиев Евдоким	Махнев Макар Меркурьев (десятник)
Алимпиев (Алинпиев) Федор	Метельник (Метелкин?) Ивашка

¹ Г. Б. Леонтьева отметила отсутствие полных списков штата военных Нерчинского уезда в середине 1670-х гг. Используя, неопубликованные документы Архива СпбИИ РАН, периода 1675–1677 гг. мы постарались частично восполнить недостающие данные. В Приложении содержатся 143 имени рядовых казаков (более 70 % от общей численности).

	Романов (приверстан из казачьих племянников)
Амосов Иван	Микитин Леонтей
Анисимов Софрон (толмач)	Милованов Василей Федоров
Андреев Богдашка	Могулев Ярофей
Апрелков Иван Максимов (призван из казачьих племянников)	Немтинов Ларион
Астраханцов Иван Иванов сын	Никитин Леонтей
Атов Кондратей	Никифоров Стефан
Балаганский Михаил Федоров (Балаганской Михайло) (был грамотен)	Новоселов Епифан Евдокимов
Баладин Иван	Носов Юрий
Бобров Василей Федоров	Охрелков Афонасей
Борисов Иван	Недорез Микита
Брянчанин Сава	Падерин Прокопей (Прокофей) Иванов
Бялко (Бялко?) Панфил	Панов Кирюшка Степанов сын (приверстан из енисейских служилых людей)
Вавилов Андрей	Патракиев (Патрикеив, Патрикиив, Патракиив) Иван
Ваенгин Федор Харитонов	Петров Иван Кузнец
Васильев Афонасей	Петров Терентий
Васильев Лука	Позняков Степан (Стенка, Стефан) Семенов (был грамотен)
Верещагин Дмитрей (Митка) Иванов (был грамотен)	Полетаев Никита
Вешняк Семен (Сенка)	Попов Иван
Власов Мартемьян	Прокопьев (Прокопьев) Ермола
Власов Федор	Расторгуев Григорий (толмач)
Гаврилов Сенка (до призыва казачий племянник, промышленный человек)	Самара Авдей (Овдей) Васильев
Гурылев Семен Васильев	Свешников Леонтий Иванов (Свешник Леонтей) (был грамотен)

*ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ НЕРЧИНСКОГО УЕЗДА В 1660–1670-Е ГГ.:
К ВОПРОСУ О КРИЗИСЕ СИСТЕМЫ ОБОРОНЫ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ*

Дедюлин Кирюшка	Максимов Яков (десятник, приверстан из даурских служилых людей)
Дениско Максимов (был грамотен, приверстан из енисейских служилых людей)	Свешников Филип Яковлев (десятник)
Дмитриев Григорей	Семенов Стефан
Дунаив (Дунаев) Борис	Сергий Дмитрий
Дунаив (Дунаев) Иван	Симанов Стефан (Степан, Стенка) (был грамотен)
Евдокимов (Ивдокимов) Епифан	Скрип Прокопей Дмитриев
Еремеив Афанасей (Афонасей)	Софронов Афанасей
Захаров Василей	Спиридонов Федор (был грамотен)
Зиновьев Федор	Стародубцев Иван Тимофеив (приверстан из енисейских служилых людей, был грамотен, бил челом об отставке по старости в 1675 г.)
Иванов Андрей	Степанов Ефрем
Иванов Дементий	Степанов Аврамка
Иванов Левка (Леонтей, Левонтей) (был грамотен)	Суботин Гаврило (Ганка) Конаков
Иванов Прокопей	Суетин Дмитрий (толмач)
Иванов Сысойка	Тарара Алексей
Иванов Трофим	Тварогов Иван
Илимской Ивашко Андреев (приверстан)	Тимофеив Дмитрий
Ильин Сава	Титов Изот (Изотка) (бил челом об отставке по старости в 1675 г.)
Ионков Ерофий	Титов Микитка (Минка) Кузнец
Козлов Илья Терентьев сын (Козловской Илья) (был грамотен)	Томаскин Олфёр
Колёнов Иаков	Томской Семен Кузмин (Козмин)
Колотуха Ивашко Осипов (приверстан из промышленных людей)	Угольной Лука
Кондратьев Ромашка (отставлен в 1675 г. по старости)	Унжак Микита Гордеев
Корташов Данило	Уткин Осип

Краснояр Андрей Дмитриев (приверстан из казачих детей, племянник Г. Конакова)	Фадеев Ярофей (Фадеев Ерафей) (был грамотен)
Краснояр Василей Ларионов	Федоров Ефрем
Краснояр Василей Петров	Федоров Кузьма бронной мастер
Краснояр Иван Васильев	Федоров Михайло
Куроптев Иван Иванов	Федоров Ярофей
Кучага (Куча) Микита	Харитонов Григорий (толмач)
Ларионов Василей Краснояр	Чюмичев Иван Иванов
Ларионов Иаков	Шароглас Офонасей
Ларионов Максим	Шутов Гаврило
Левонтиев (Леонтиев) Василей	Шутов Илюшка Иванов сын (приверстан из енисейских служилых людей)
Леонтьев (Леонтиев) Потапко (приверстан, енисейский служилый)	Щюкин Иван
Логинов Микита	Юрьев Захар
Максимов Иаков	Яковлев (Иаковлев) Степан
Максимов Насонко (отставлен в 1675 г. по старости)	Яковлев Филип
Максимов Петр	Ясырев Иван
Максимов Федор	

Список использованных источников и литературы

1. Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. IV. СПб.: В Типографии II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. 1842. 590 с.

Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye arkhеоgraficheskoyu kommissieyu. T. IV. SPb.: V Tipografii II-go Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. Kantselyarii. 1842. 590 s.

2. Албазинское воеводство (сборник документов). Библиотека дальневосточного казачества / Составители Трухин В. И., Крюков В. В. Хабаровск, 2019. 628 с.

Albazinskoe voevodstvo (sbornik dokumentov). Biblioteka dal'nevostochnogo kazachestva / Sostaviteli Trukhin V. I., Kryukov V. V. Khabarovsk, 2019. 628 s.

3. Архив СпбИИ РАН. Колл. 18. (Г. С. Батенкова). Оп. 1. Д. 5. Л. 1

Arkhiv SpbII RAN. Koll. 18. (G. S. Batenkova). Op. 1. D. 5. L. 1

4. Архив СпбИИ РАН. Колл. 18. (Г. С. Батенкова). Оп. 1. Д. 8. Л. 1

Arkhiv SpbII RAN. Koll. 18. (G. S. Batenkova). Op. 1. D. 8. L. 1

5. Архив СпбИИ РАН. Колл. 18. (Г. С. Батенкова). Оп. 1. Д. 18. Л. 1–2

Arkhiv SpbII RAN. Koll. 18. (G. S. Batenkova). Op. 1. D. 18. L. 1–2

6. Архив СпбИИ РАН. Колл. 18. (Г. С. Батенкова). Оп. 1. Д. 24. Л. 1–17

Arkhiv SpbII RAN. Koll. 18. (G. S. Batenkova). Op. 1. D. 24. L. 1–17

7. Архив СпбИИ РАН. Ф. 96. Нерчинская изба. Д. 1. Сст. 1

Arkhiv SpbII RAN. F. 96. Nerchinskaya izba. D. 1. Sst. 1

8. Архив СпбИИ РАН. Ф. 96. Нерчинская изба. Д. 3. Ст. 1–2
Arkhirv SpbII RAN. F. 96. Nerchinskaya izba. D. 3. Sst. 1–2
9. Архив СпбИИ РАН. Ф. 96. Нерчинская изба. Д. 7. Ст. 1–2
Arkhirv SpbII RAN. F. 96. Nerchinskaya izba. D. 7. Sst. 1–2
10. Архив СпбИИ РАН. Ф. 96. Нерчинская изба. Д. 8. Ст. 1
Arkhirv SpbII RAN. F. 96. Nerchinskaya izba. D. 8. Sst. 1
11. Архив СпбИИ РАН. Ф. 96. Нерчинская изба. Д. 11. Ст. 1–2
Arkhirv SpbII RAN. F. 96. Nerchinskaya izba. D. 11. Sst. 1–2
12. Архив СпбИИ РАН. Ф. 96. Нерчинская изба. Д. 12. Ст. 1–2
Arkhirv SpbII RAN. F. 96. Nerchinskaya izba. D. 12. Sst. 1–2
13. Архив СпбИИ РАН. Ф. 96. Нерчинская изба. Д. 13. Ст. 1–2
Arkhirv SpbII RAN. F. 96. Nerchinskaya izba. D. 13. Sst. 1–2
14. Архив СпбИИ РАН. Ф. 96. Нерчинская изба. Д. 14. Ст. 1
Arkhirv SpbII RAN. F. 96. Nerchinskaya izba. D. 14. Sst. 1
15. Архив СпбИИ РАН. Ф. 96. Нерчинская изба. Д. 16. Ст. 1–2
Arkhirv SpbII RAN. F. 96. Nerchinskaya izba. D. 16. Sst. 1–2
16. Архив СпбИИ РАН. Ф. 96. Нерчинская изба. Д. 17. Ст. 1–2
Arkhirv SpbII RAN. F. 96. Nerchinskaya izba. D. 17. Sst. 1–2
17. Архив СпбИИ РАН. Ф. 96. Нерчинская изба. Д. 18. Ст. 1–3
Arkhirv SpbII RAN. F. 96. Nerchinskaya izba. D. 18. Sst. 1–3
18. Архив СпбИИ РАН. Ф. 96. Нерчинская изба. Д. 19. Ст. 1
Arkhirv SpbII RAN. F. 96. Nerchinskaya izba. D. 19. Sst. 1
19. Архив СпбИИ РАН. Ф. 96. Нерчинская изба. Д. 28. Ст. 1–8
Arkhirv SpbII RAN. F. 96. Nerchinskaya izba. D. 28. Sst. 1–8
20. Архив СпбИИ РАН. Ф. 96. Нерчинская изба. Д. 30. Ст. 1–3
Arkhirv SpbII RAN. F. 96. Nerchinskaya izba. D. 30. Sst. 1–3
21. Архив СпбИИ РАН. Ф. 96. Нерчинская изба. Д. 32. Ст. 1–30
Arkhirv SpbII RAN. F. 96. Nerchinskaya izba. D. 32. Sst. 1–30
22. Архив СпбИИ РАН. Ф. 96. Нерчинская изба. Д. 44. Ст. 1–6
Arkhirv SpbII RAN. F. 96. Nerchinskaya izba. D. 44. Sst. 1–6
23. Архив СпбИИ РАН. Ф. 96. Нерчинская изба. Д. 45. Ст. 1–2
Arkhirv SpbII RAN. F. 96. Nerchinskaya izba. D. 45. Sst. 1–2
24. Барахович П. Н. Енисейск в XVII–XVIII столетиях. Малоизвестные страницы истории. Красноярск: Литера–принт, 2019. 304 с.
Barakhovich P. N. Eniseisk v XVII–XVIII stoletiyakh. Maloizvestnye stranitsy istorii. Krasnoyarsk: Litera-print, 2019. 304 s.
25. Барахович П. Н. «Огненный наряд» Енисейского и Красноярского уездов в XVII столетии // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск VI. Русский бог войны: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. Ч. I. Санкт–Петербург. 2015. С. 65–95.
Barakhovich P. N. «Ognennyi naryad» Eniseiskogo i Krasnoyarskogo uezdov v XVII stoletii // Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. Spetsial'nyi vypusk VI. Russkii bog voiny: issledovaniya i istochniki po istorii otechestvennoy artillerii. Ch. I. Sankt–Peterburg. 2015. S. 65–95.
26. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею. Т. VI. СПб.: В типографии Эдуарда Праца. 1857. 503 с.
Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannyya i izdannyya Arkheograficheskoyu kommissieyu. T. VI. SPb.: V tipografii Eduarda Pratsa. 1857. 503 s.
27. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею. Т. VII. СПб.: В типографии Эдуарда Праца. 1859. 385 с.
Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannyya i izdannyya Arkheograficheskoyu kommissieyu. T. VII. SPb.: V tipografii Eduarda Pratsa. 1859. 385 s.

28. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею. Т. VIII. СПб.: В типографии Эдуарда Праца. 1862. 359 с.
Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannyya i izdannyya Arkheograficheskoyu kommissieyu. T. VIII. SPb.: V tipografii Eduarda Pratsa. 1862. 359 s.
29. Зуев А. С. Богдойский боярин Гантимур: рождение и развенчание мифа // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 8: История. С. 9–34
Zuev A. S. Bogdoiskii boyarin Gantimur: rozhdenie i razvenchanie mifa // Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. 2020. T. 19, № 8: Istoriya. S. 9–34
30. Красноштанов Г. Б. Ерофей Павлович Хабаров. Хабаровск: Приамурское географическое общество, изд-во «РИОТИП» краевой типографии, 2008. 752 с.
Krasnoshtanov G. B. Erofei Pavlovich Khabarov. Khabarovsk: Priamurskoe geograficheskoe obshchestvo, izd-vo «RIOTIP» kraevoi tipografii, 2008. 752 s.
31. Красноштанов Г. Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. Иркутск. 2008. 378 с.
Krasnoshtanov G. B. Nikifor Romanov Chernigovskii: dokumental'noe povestvovanie. Irkutsk. 2008. 378 s.
32. Леонтьева Г. А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М., 2012. 321 с.
Leont'eva G. A. Sluzhilye lyudi v Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XVII – pervoi chetverti XVIII v. (po materialam Irkutskogo i Nerchinskogo uezdov). M., 2012. 321 s.
33. РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–34
RGADA. F. 1142. Op. 1. D. 19. L. 1–34
34. РГАДА, Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1059. Л. 1–356 об
RGADA, F. 214. Op. 3. Stb. 1059. L. 1–356 ob
35. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 814. Л. 336–337
RGADA. F. 214. Op. 3. Stb. 814. L. 336–337
36. СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 29. Л.63об.–66об.
SPbF ARAN. F. 21. Op. 4. D. 29. L.63ob.–66ob.
37. Трухин В. И. Албазинский острог: от «росписи» до «росписи» // История России, Венгрии и Китая в исследованиях современных ученых. Сборники Президентской библиотеки. Серия «Электронный архив». Спб.: Президентская библиотека. 2020. Вып. 5. С. 200–215
Trukhin V. I. Albazinskii ostrog: ot «rospisi» do «rospisi» // Istoriya Rossii, Vengrii i Kitaya v issledovaniyakh sovremennykh uchenykh. Sborniki Prezidentskoi biblioteki. Seriya «Elektronnyi arkhiv». Spb.: Prezidentskaya biblioteka. 2020. Vyp. 5. S. 200–215

E. Bagrin Military forces of Nerchinsky district in 1660–1670s. Crisis of defense system of the Eastern transbaikalye

The article examines the garrison of Nerchinsk district in 1660–1670s. Formation of Russian military force for defending its southeastern borders had been established during this period in Dauria. The military forces located in Nerchinsk, Telenbinsk and Itantsinsk were too small in number to resist Mongol and Qing Empire troops effectively. The replenishment of Nerchinsk garrison staff happened at a slow pace, at the same time, Daurian military forces could not be strengthened by transferring troops from other places to Transbaikalye and Amur region. Free military contingent from Western Siberian cities was diverted to countermeasure the nomads in southern Siberia. There were not enough warriors in Yakutsk district to «pacify non-peaceful foreigners». Most of warriors in Yeniseisk and Ilimsk were in various «sovereign services» and could not be sent to Dauria. The government was unable to strengthen the southeastern border with people and pursued a policy of avoiding conflicts with neighbors, but at the same time it was sending stocks of weapons and ammunition to the region in case of military threat. The article provides a list of Nerchinsk garrison members in 1675–1677.

Keywords: warriors, Cossacks, history, Siberia, Transbaikalia, Nerchinsk, Dauria, XVII century

УДК 94(73)+930"1950"

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-3-34-45

**ГЕРАЛЬД ШТОУРЦ. МЕЖДУ ИСТОРИЕЙ И ПОЛИТОЛОГИЕЙ:
ИСТОРИОГРАФИЯ ГЕНЕЗИСА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США
(ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1950-Х ГОДОВ)**

Дорофеев Д. В.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация.
E-mail: dorof-denis@yandex.ru*

Предметное поле исследования охватывает историографию первой половины 1950-х гг. темы генезиса внешней политики США. Целью работы является определение роли и места зарождения внешнеполитического курса североамериканского государства во взглядах Геральда Штоурца. Актуальность изыскания обусловлена необходимостью изучения ранее неисследованных обстоятельств формирования интерпретации историком этого процесса. Новизна – заключается в том, что был развенчан стереотип об авторитетности оценки ученого, сформировавшийся в научной литературе. Результаты анализа позволили сделать следующие выводы. Подход Г. Штоурца не носил самостоятельный и научный характер. Его концепт был следствием усердий Х. Й. Моргентгау по приданию историчности аргументации школы политического реализма. Будучи аматером, он создал интеллектуальный продукт при помощи избирательного принципа отбора источников, предназначенных для того, чтобы представить отцов-основателей адептами политического реализма. С течением времени, первоначальная критика взглядов ученого в американском научном сообществе сменилась утилитарным заимствованием фактов из его монографии, что привело к росту авторитета Г. Штоурца в научной среде. Несмотря на недостатки наработок историка, его усилия стали катализатором дискуссии в американской исторической науке в 1960–1970-е гг. и увеличили интерес к раннему периоду истории внешней политики США.

Ключевые слова: Б. Франклин, генезис внешней политики США, Г. Штоурц, историография, Х. Й. Моргентгау, школа политического реализма.

Геральд Штоурц (1929) – профессор Венского университета – занимает неординарное положение в историографии раннего периода внешней политики США. С 1950-х гг. ученый считается признанным авторитетом и входит в плеяду специалистов наравне с Т. А. Бейли, С. Ф. Бимисом, Ф. Гилбертом, М. Х. Сэвейллом. В отличие от коллег, труды ученого относят к историческим и политическим наукам¹. Несмотря на столь контрастное восприятие на протяжении семи десятилетий, наработки исследователя применяют в фундаментальных

¹ В библиографических справочниках по истории внешней политики США, подготовленных Обществом для историков американских внешних отношений, исследование Г. Штоурца получило высокое признание: «Это фундаментальный, глубокий анализ интеллектуальных истоков взглядов Франклина на внешнюю политику. Несмотря на обертоны реалистической школы холодной войны, это лучшая книга о Франклине и внешней политике и хороший источник как для аспиранта, так и для подготовленного ученого» [6, р. 159; 21, р. 120].

работах [1, с. 266; 2, с. 18, 33; 3, с. 292; 4, с. 363; 12, vol. 1, p. 19; 16, p. 6; 17, p. 2, 10, 11, 15, 67]. Однако, возникновение авторитета в науке, как и взгляд историка на генезис внешней политики североамериканского государства остаются неизученными. Этот пробел требует заполнения, поэтому целью данной работы является определение роли и места темы генезиса внешней политики США во взглядах Г. Штоурца. Задачами работы выступают: исследовать взгляды ученого на зарождение внешней политики Соединенных Штатов; определить связь между интеллектуальной средой и профессиональными воззрениями историка; проанализировать реакцию академического сообщества на созданный им задел; уточнить роль и влияние воззрений американиста в историографии.

Методология исследования была построена на сочетании историко-биографического, историко-генетического методов, системного подхода и принципа объективности.

1. Системные предпосылки:

«большая политика» Х. Й. Моргентау и «утечка интеллекта» Австрии

Политические контакты с дипломатом Джорджем Фростом Кеннаном (1904–2005), вовлекли Ханса Йохима Моргентау (1904–1980) – профессора политологии Чикагского университета – в работу Государственного департамента США. Эксперт получил официальное приглашение от внешнеполитического ведомства совершить поездку в Австрию с целью дать рекомендации относительно последствий снятия международного контроля и восстановления суверенитета центральноевропейского государства [18 p. 75–77].

Последствия этой командировки отразились и на биографии Геральда Штоурца (1929–) – 22-летнего выпускника исторического факультета Венского университета, который спустя десятилетия лаконично описал события весны 1951 г.: «Моргентау читал лекции на Зальцбургском семинаре по американским исследованиям, а затем отправился в Вену, чтобы написать доклад об Австрии в качестве консультанта Государственного департамента США. По этому случаю он предложил исследовательскую помощь в своем недавно созданном Центре трем молодым членам студенческой секции Австрийской лиги за Организацию Объединенных Наций, одним из которых был я» [42, p. 1].

Приглашение австрийских молодых ученых проходило в рамках «большой политики» Х. Й. Моргентау: для противодействия либеральной традиции в американской науке и политикуме, он привлекал к сотрудничеству иностранных специалистов, преимущественно из Германии и Австрии, с помощью которых усиливал школу политического реализма, а также институализировал теорию международных отношений, не выделившуюся в политической науке до середины 1950-х гг. [22, p. 281–283; 25, p. 184; 26, p. 112; 33, p. 124; 35, p. 12–15; 38, p. 40,

215]. Чикагский университет был опорной точкой воплощения его планов: в 1950 г. на базе вуза им был создан Центр изучения американской внешней политики¹.

Именно в эту интеллектуальную среду в октябре 1951 г. попал Г. Штоурц, не имевший ни опыта, ни знаний в области политологии и истории США: дисциплины по этим направлениям не преподавались в Венском университете, а у самого студента к ним не было интереса. Пробел в знаниях он восполнил уже по прибытию в американский вуз [42, р. 10]. Изучая историю Соединенных Штатов, спустя два года после пересечения Атлантики, Г. Штоурц подготовил к изданию книгу «Бенджамин Франклин и американская внешняя политика» (1954)².

Концепция монографии была выстроена на теоретической основе «чикагской школы» политического реализма. Г. Й. Моргентау, как директор, подчеркивал, что исследование Г. Штоурца представляло собой издание по такому вектору развития центра, как «внешняя политика американских государственных деятелей» и публиковалась между трудами «Идеалы и личные интересы в международных отношениях Америки; Великая трансформация двадцатого века» (1953) Роберта Эндикотта Осгуда (1921–1986) и «Великобритания: непростой союзник» (1954) Леона Давида Эпштейна (1919–2006)³. Формально все три издания отвечали целям функционирования Центра изучения американской внешней политики, но, подспудно, они были призваны содействовать росту влияния политического реализма. Книга Р. Э. Осгуда настраивала читателя на положительное восприятие политологической теории [31, р. 8–9], а изыскания Г. Штоурца и Л. Д. Эпштейна должны были аргументировать эффективность политического реализма на примерах исторического материала XVIII – XX вв.

2. Реакция в интеллектуальном сообществе:

«свой среди чужих, чужой среди своих»

Г. Й. Моргентау поручил написать книгу об истоках внешней политики 23-летнему иностранцу без опыта написания монографических исследований и специализированных знаний⁴. Такой шаг явно преследовал цель получить

¹ Цели этого института сводились к исследованию внешней политики американских государственных деятелей, развитию и принципам внешней политики Соединенных Штатов, современным проблемам внешней политики США.

² Из воспоминаний Г. Штоурца книга была опубликована ранней весной 1954 г., хотя первую главу он написал в 1952 г., а в вводной статье Г. Й. Моргентау и вступительной части самого автора к монографии указаны даты 1 и 14 ноября 1953 г. [40, р. vii; 42, р. 8].

³ На существующую связь между книгами Р. Э. Осгуда и Г. Штоурца обратил внимание Мартин Байс Трэвис – младший (1917–2006) – профессор политологии и международного права в Стетсоновского университете [45, р. 712].

⁴ При рассмотрении выбора темы для монографии, Г. Й. Моргентау учитывал интеллектуальный климат в США. Личность Б. Франклина привлекала внимание специалистов на историческом факультете вуза, которые писали книги и руководили защитами докторских диссертаций. В частности, в Мичиганском университете под руководством профессора Вернера У. Крейна (1889–1974) – одного из ведущих источниковедов и биографов Б. Франклина – было проведено диссертационное изыскание Ричарда Дональда Майлза (1921–?) «Политическая философия Бенджамина Франклина: начало прагматической традиции в американской политической мысли» (1948). В исследовании автор делал выводы, соответствовавшие теоретическим постулатам школы политического реализма, которые он

интеллектуальный продукт от молодого ученого, который не сформировал профессиональные взгляды. В последствии, спустя десятилетия, Г. Штоурц пытался дистанцироваться от планов наставника¹, позиционируя свою книгу, как результат осмысления взглядов М. Вэбера [42, р. 7]. По его воспоминаниям монография была написана под европейским интеллектуальным влиянием: «Я бы выделил шесть книг – большинство из них не книги по истории – которые оказали на меня глубокое влияние, прежде чем я попал в Чикаго. Некоторые из них оказали большое влияние на мою работу в Чикаго, особенно при написании книги о Бенджамине Франклине» [42, р. 5]². Однако, эту оценку надлежит воспринимать скептически: Г. Штоурц замалчивал цели издания, тем самым изымал труд из контекста своего пребывания в Чикагском университете, где определяющим фактором были планы Х. Й. Моргентау. Это обстоятельство не ускользнуло от современников, воспринимавших австрийского исследователя как «протеже и ученика» политолога [34, р. 1192]. В частности, Мартин Байс Трэвис – младший (1917–2006) – профессор политологии и международного права в Стетсонском университете – подчеркнул это в саркастическом комментарии: «Может ли быть также, что само слово «мощь» стало анафемой, или это случайность, что первая фраза доктора Штоурца гласит: «фундаментальная проблема политики – это проблема принуждения»? Однако, это не означает, что профессор Моргентау привез доктора Штоурца с родины Меттерниха, чтобы возглавить интеллектуальное расчленение школы мощи» [45, р. 712]. Также Уильям Д. Барнс (?–?) – профессор истории из Университета Западной Виргинии – определял связь между книгой и современностью: «Одним из необычных аспектов этой работы является способность

заменил обобщающим синонимом «прагматичный»: «Вполне естественно, что, когда прагматичный ум Франклина обратился к международным делам, он сразу же увидел нелогичное зло, присутствующее в том, как нации ведут свои отношения друг с другом <...>» [30, l. 256]. Эта работа не осталась без внимания Г. Штоурца, который ее использовал [40, р. 279, 283, 316]. Близость взглядов двух докторантов объясняется и тем, что на них оказывало влияние знакомство с В. У. Крейном, у которого они получали консультацию [42, р. 13]. Также контакты между Г. Штоурцем и В. У. Крейном были связаны с тем, что последний опубликовал монографию «Бенджамин Франклин и восходящий народ» (1954), в которой настаивал на политическом реализме в мышлении отца-основателя [13, р. 93, 102, 202].

¹ Подзаголовок мемуаров Г. Штоурца содержит отсылку к интеллектуальной истории, хотя «чикагский период» показывал его работу в области политического реализма.

² Список из шести книг состоял из следующих изданий: «Политика как призвание и профессия» (1919) немецкого социолога, философа, историка, политического экономиста Максимилиана Карла Эмиля Вебера (1864–1920); «Проблема австрийского государства и Рейха. Историческое изложение внутренней политики Габсбургской монархии с 1848 года до гибели империи» (1920–1926) австрийского юриста и политика Йозефа Редлиха (1869–1936); «Идея государственного интереса в новой истории» (1924) немецкого историка Фридриха Мейнеке (1862–1954); «Нравственный человек и безнравственное общество» (1932) американского протестантского теолога, социального философа и политолога Карла Пауля Рейнгольда Нибура (1892–1971); «Научный человек против силовой политики» (1946) американского политолога Ганса Й. Моргентау (1904–1980); «Христианство и история» (1949) британского историка Герберта Баттерфилда (1900–1979) [42, р. 5–6].

ее автора проникнуть в некоторые морализаторские попытки затмить властно-политические аспекты нынешней американской внешней политики. Штоурц – слишком вежливый гость на наших берегах, чтобы говорить много в форме прямой критики, но очевидно, что он понимает наш прежний так называемый «изоляционизм» не как аморальную, незрелую позицию, а скорее, как это видел сам Франклин: попытку продвигать просвещенные национальные интересы таким образом, чтобы защитить демократические и либертарианские завоевания революционного периода и в то же время культивировать политику мира, торговли и дружбы с другими нациями» [9, р. 300–301].

Точки зрения М. Б. Трэвиса – младшего и У. Д. Барнса показывали неоднозначность восприятия публикации Г. Штоурца. С одной стороны, работа не относилась к историческим трудам: ее идентифицировали не только с политическими исследованиями [28, р. 468], но также оценивали ее как сочетание исторической науки и политологии, где синтезировались биографическое изыскание, дипломатическая история и политологическая теория [15, р. 558] или комбинировалась история идей и дипломатическая история [5, р. 147; 44, р. 548–459]. В целом, констатировался методологический синтез, подчеркивался междисциплинарный характер исследования. Такой подход к анализу истории внешней политики раннего периода был новаторским в американской науке первой половины 1950-х гг.¹

С другой стороны, мнения специалистов об исследовании разделились. Одновременно с положительными отзывами в США [5, р. 148–150; 14, р. 578–579; 27, р. 117–119; 29, р. 122–124; 32, р. 323–324; 37, р. 183; 39, р. 247–248], Италии [8, р. 346–347], и Франции [20, р. 174–175], были и отрицательные оценки. Например, Мартин Ф. Хастинг (1913–2003) – профессор истории из Университета Сент-Льюиса – критиковал автора за то, что он манипулировал источниками с целью сформировать не реальный, а необходимый ему образ мышления отца-основателя: «Кроме того, у читателя возникает подозрение, что Франклин слишком часто использует моральные тона, чтобы показать, что он был скорее «неореалистом», чем умеренным реалистом-идеалистом позднего вильсоновского образца» [23, р. 474]. Также, Гилберт Лестер Ликан (1909–1998) – профессор истории в Стетсоновском университете – утверждал, что эта полезная работа не в полной мере дает читателю четкое представление о мышлении Б. Франклина в области американской внешней политики, поскольку Г. Штоурц непоследовательно проанализировал эволюцию взглядов отца-основателя: «Изменение обстоятельств привело к изменениям в рассуждениях. Это возлагает на Штоурца бремя проверки искренности Франклина в каждой позиции, определения степени, в которой изменение было мотивировано простой целесообразностью, и размещение каждой идеи в потоках мысли восемнадцатого века. Тысячи таких выводов, которые сделал автор, могут быть проверены только экспертами по Франклину» [28, р. 469].

¹ Спустя десятилетие, в первой половине 1960-х гг., немецкий эмигрант Ф. Гилберт возобновит рассмотрение раннего периода внешней политики США.

И положительная реакция, и скепсис были понятны: Г. Штоурц сделал то, что в американской исторической науке относительно раннего периода внешней политики США не совершалось на уровне монографических изданий. В 1954 г. книга, была удостоена награды Института ранней американской истории и культуры [24, р. 250]: не столько символическая сумма в 500 долл., сколько адресованные слова исследователю при вручении награды символизировали признание его вклада в науку: «<...> Вы открыли новые возможности для понимания предмета, который привлекает внимание каждого американского историка. Хотя Франклин кое-что скрывает от всех нас, вы дали нам его мудрость там, где он больше всего хотел, чтобы она была у нас, в наших отношениях с остальным миром. Вполне уместно, что вы, родившийся и получивший образование в Австрии, пересекли Атлантику, чтобы преподать этот урок. Тем самым вы продемонстрировали то, что показал сам Франклин: национальные границы – всего лишь слабый барьер против власти идей» [7].

Исследование Г. Штоурца обозначило новую тенденцию в методологии – замещение фактографических работ, заполнявших пробелы в освещении исторических процессов, проблемно-тематическими, интерпретационными изысканиями. Однако именно Г. Штоурц один из первых применил этот подход, что обеспечило ему перманентное присутствие в исследованиях 1950–2020-х гг., что сделало труд хрестоматийным элементом библиотечных фондов¹. Столь громкое признание имело и обратную сторону: банкротство идей, неконкурентность американской науки как в истории, так и в политологии.

3. Концептуализация взглядов Г. Штоурца: историческое обоснование политического реализма. Триумф и фиаско

Для изучения генезиса внешней политики США книга Г. Штоурца означала появление новой интерпретации. Внедрение методологии политического реализма дало толчок к рассмотрению зарождения внешней политики как универсального процесса. В рамках этого толкования, уже ни Европа, ни Великобритания, ни американский колониальный опыт, а универсализм – природа политического процесса – выступал системообразующим фактором генезиса. Это объясняет убежденность Г. Штоурца в том, что XVIII в. был эпохой доминирования идеи «национального интереса», который регулировал международные отношения, поскольку был целью участников этих процессов [41, р. 247]. Отец-основатель, по мнению ученого, был воплощением идей политического реализма: «Осознание несоответствия между благоразумной моралью и недружественными учениями Христианства, хотя и было известно в XVIII веке, почти полностью отсутствует у Бенджамина Франклина. Идея о том, что «в каждом справедливом соединении каждая партия должна найти свой интерес», остается выдающейся чертой его концепции политики. Никакой антагонизм между аморальной и моральной политикой, между эгоизмом и альтруизмом, между интересом и

¹ По данным библиометрической системы «WorldCat» книга «Бенджамин Франклин и американская внешняя политика» размещена в хранилищах 1,174 библиотек мира [43].

незаинтересованностью не может служить образцом, полезным для понимания подхода Франклина к политике. Для решения этого вопроса предлагается модель трех измерений. Истинная бескорыстность и великодушие, не ожидающие никакой отдачи за оказанные услуги, показались бы ему слишком возвышенным и утопическим явлением, чтобы заслужить более чем подозрительное рассмотрение. С другой стороны, узкий личный интерес, обманутый страстями алчности и гордыни, еще более пагубен. В качестве третьего измерения остается понятие просвещенного личного интереса, основанного на принципе взаимности и справедливости» [41, р. 258]. Подход Б. Франклина к внешней политике представлял собой стратегию по предотвращению крайностей: ни бескорыстный крестовый подход во имя абстрактных принципов, ни силовая политика не должны были быть политическим курсом ни в XVIII в., ни, соответственно, в середине XX в. [41, р. 258–259].

Уклоняясь от использования в тексте понятий «реализм» и «реалист», Г. Штоурц не мог не применять категориальный аппарат школы политического реализма: «баланс сил» [41, р. XV, 27, 35, 37, 43, 78, 83, 100, 113–114, 128–130, 139, 149, 172, 181, 217, 242–243, 254–256], «национальный интерес» [41, р. 19–22, 83–96, 99–102, 107, 152, 157, 165, 185, 197, 234–235, 248, 258], «безопасность» [41, р. XV, 33–84, 88, 99, 102–103, 110–111, 124, 158, 167, 170, 183, 185, 198–199, 221, 246, 249–252, 257]. В свою очередь, «идеализм» употреблялся дважды и при этом подчеркивалась негативная оценка автором, который утверждал, что это понятие не было свойственно мировоззрению отца-основателя [41, р. 10, 230].

В целом, книга имела непосредственную связь с современностью: она предназначалась также и для формирования положительного отношения к трансатлантическому партнерству в американском обществе. В своих воспоминаниях Г. Штоурц сформулировал следующим образом свое восприятие этого единства в XVIII в.: «Атлантический океан, с точки зрения интеллекта, был внутренним озером! Франклин, который пересек Северную Атлантику не менее восьми раз, стал для меня символом этого явления. Возможно, стоит обратить на это наше внимание в то время, когда Атлантика между Европой и Америкой, кажется, становится все шире и шире, несмотря на доступные средства коммуникации» [42, р. 12]. Однако, в публикации 1954 г. об этих взглядах нет ни слова.

Исследование Г. Штоурца было также и частью планов Х. Й. Моргентау внутри американского научного сообщества. В частности, автор монографии обратился к С.Ф. Бемису за разрешением цитировать документы, которые им использовались в его трудах. На протяжении всего исследования С. Ф. Бемис приводился в качестве неоспоримого эксперта, в дискуссию с которым он не вступал [40, р. XIII, 261, 269, 285, 286, 287, 288, 296, 299, 301, 302, 307, 308, 309, 311, 313]. И это логично, поскольку между С. Ф. Бемисом и Х. Й. Моргентау сложились конструктивные

отношения на почве создания прагматичного внешнеполитического курса США в 1950-е гг. – на ранней стадии холодной войны¹.

В свою очередь, Г. Штоурц аналогично относился и к ранним публикациям в периодических изданиях двух американских ученых: Ф. Гилберта [40, р. 286, 287, 288, 289, 290, 310, 315] и М. Х. Сэвейлла [Ibid., р. 269, 271, 276, 284]. Позже в 1960–1970-е гг. в монографиях этих ученых, исследование Г. Штоурца будет упомянуто в лаконичной форме [19, р. 151, 155, 157; 36, р. 597]. Это будет иметь место, из-за того, что автор, по сути, воспользовался ранними наработками Ф. Гилберта и М. Х. Сэвейлла, издав свою книгу по смежной теме, но раньше их фундаментальных трудов.

Следует отметить, что все три историка – С. Ф. Бемис, Ф. Гилберт², М. Х. Сэвейлл – оказали воздействие на оценку Г. Штоурца внешнеполитических взглядов отца-основателя и интерпретации истории внешней политики североамериканского государства. Без них исследование в рамках дискурса школы политического реализма Г. Штоурца не состоялось бы: исторический материал выступал связующим компонентом между теоретическими наработками Х. Й. Моргантау и первоисточниками XVIII в., которые соединил австрийский историк. Работа Г. Штоурца не содержала фундаментальных изменений, она была катализатором изменений в историографии. Во-первых, он актуализировал фигуру Б. Франклина, как активного участника генезиса внешней политики США. Во-вторых, книга обозначила перспективы поиска новых моделей проведения аналитических работ в сфере ранней истории внешней политики на основе междисциплинарного синтеза. В-третьих, Г. Штоурц показал, с одной стороны, способность историков проводить политологические исследования, с другой – фиксацию темы в междисциплинарном поле: исследование было включено в процесс выделения теории международных отношений внутри политических наук в первой половине 1950-х гг. и роста влияния школы политического реализма внутри американского академического сообщества. В-четвертых, акцент на реализме отцов-основателей активизировал дискуссию внутри американского сообщества относительно соотношения и влияния «идеализма» и «реализма».

Восстановление суверенитета Австрии 15 мая 1955 г., согласно воспоминаниям Г. Штоурца, было причиной его возвращения на родину. Однако этот процесс был им растянут на три года до 1958 г. На протяжении этого периода он не издал ни одной монографии, не защитил докторскую диссертацию, над которой вел работу в

¹ С. Ф. Бемис, давая рецензию на книгу Х. Й. Моргантау «Политика среди наций» (1951) на страницах общенациональной газеты «New York Times», писал: «Президент (Гарри С. Трумэн. – Д. Д.) должен прочитать книгу мистера Моргантау. Это может рассердить его, но он должен прочитать это. Госсекретарь (Дин Г. Ачесон. – Д. Д.) должен прочесть ее тоже, он найдет много общего с автором. И каждый американский гражданин, заинтересованный в том, чтобы выжить как свободный человек, тоже должен ее прочитать» [11]. Со своей стороны, как свидетельствует частная переписка 1953 г. Х. Й. Моргантау, он признавал авторитет С. Ф. Бемиса за его компетентное и непартийное восприятие истории внешней политики [46, р. 187].

² По воспоминаниям Г. Штоурца с Ф. Гилбертом у него установились дружественные отношения [42, р. 13].

Чикагском университете [42, р. 11]. Не один патриотизм стоял за решением покинуть США: строить карьеру без идей в американском научном сообществе, где доминировала высокая степень конкуренции, было бесперспективно. Отдавая себе отчет в том, что книга «Бенджамин Франклин и американская внешняя политика» представляла собой конъюнктурное издание, которое в скором времени устареет, Г. Штоурц отдал предпочтение быть авторитетным американистом в Австрии [10, р. 64, 70, 80], чем раствориться в экспертном сообществе Соединенных Штатов. Наглядно это демонстрирует его позиция, приведенная в авторском предисловии ко второму изданию книги в 1969 г.: признавая факт публикации новых источников, появления новых исследований – Р. У. Ван Олстина, Ф. Гилберта, Р. Б. Морриса, М. Х. Сэвейлла – он показал свою неспособность дать им интеллектуальный ответ. Квинтэссенция его позиции была сформулирована в лаконичной фразе: «Однако, не было необходимости менять какие-либо факты или интерпретации, как я их представил в первоначальном издании этой книги» [41, р. XI].

* * *

Замысел Х. Й. Моргентау удался: несмотря на любительский уровень Г. Штоурца, книга, получившая признание, приобрела популярность среди ученых второй половины XX в. и первой четверти XXI в. Причина этого кроется во многих обстоятельствах. Время публикации – середина 1950-х гг. – характеризовалось относительно низким интересом к раннему периоду истории внешней политики США. Фактически, труд заполнил вакуум на уровне монографических публикаций. Лоббизм школы политического реализма обеспечивал формальную и неформальную поддержку продвижению результатов исследования. В итоге, Г. Штоурц создал интеллектуальный продукт, носивший универсальный характер: представители школы политического реализма, интеллектуальной истории, школы дипломатической истории находили в нем и оценки и факты, используемые в своих работах. Однако исследователи упустили из своего анализа принципиальный аспект работы Г. Штоурца: он подошел к изучению внешнеполитических взглядов Б. Франклина с позиции методологии политического реализма, что предопределяло результаты его изыскания. По сути, с уже «готовым лекалом» Г. Штоурц создал образ мышления отца-основателя, отобразив и построив факты в нужном порядке для концепции школы политического реализма. С течением времени это обстоятельство отошло на второй план и цитируемость работы стала весьма веским аргументом для того, чтобы вознести любительское, необъективное исследование до неотъемлемого сегмента историографического раздела научных изысканий. Тем не менее, исследование Г. Штоурца обозначило появление универсальной интерпретации генезиса внешней политики: тотальное наступление политического реализма в исторической науке, что запустило внутридисциплинарную дискуссию 1960–1970-х гг.

Список использованных источников и литературы

1. Болховитинов Н. Н. Россия и война США за независимость, 1775–1783 / Николай Николаевич Болховитинов. – М.: Мысль, 1976. – 272 с.
Bolhovitinov N. N. Rossiya i vojna SSHA za nezavisimost', 1775–1783 / Nikolaj Nikolaevich Bolhovitinov. – М.: Mysl', 1976. – 272 s.
2. История внешней политики и дипломатии США, 1775–1877 / Под ред. Н. Н. Болховитинова. – М.: Междунар. отношения, 1994. – 381 с.
Istoriya vneshnej politiki i diplomatii SSHA, 1775–1877 / Pod red. N. N. Bolhovitinova. – М.: Mezhdunar. otnosheniya, 1994. – 381 s.
3. Радовский М. И. Вениамин Франклин. 1706–1790 / Моисей Израилевич Радовский. – М.: Наука, 1965. – 306 с.
Radovskij M. I. Veniamin Franklin. 1706–1790 / Moisej Izrailevich Radovskij. – М.: Nauka, 1965. – 306 s.
4. Фурсенко А. А. Американская революция и образование США / Александр Александрович Фурсенко. – Л.: Наука, 1978. – 416 с.
Fursenko A. A. Amerikanskaya revolyuciya i obrazovanie SSHA / Aleksandr Aleksandrovich Fursenko. – Л.: Nauka, 1978. – 416 s.
5. Aldridge A. O. Reviewed Work(s): Benjamin Franklin and a Rising People by Verner W. Crane; Franklin's Wit & Folly. The Bagatelles by Richard E. Amacher; Benjamin Franklin and American Foreign Policy by Gerald Stourzh / A. O. Aldridge // The William and Mary Quarterly. – 1955. – Vol. 12, №1. – P. 145–150.
6. American foreign relations since 1600: a guide to the literature / Ed. by Robert L. Beisner. – Santa Barbara: ABC-Clío, 2003. – 2065 p.
7. Announcements // The William and Mary Quarterly. – 1955. – Vol. 12, №3. – P. 510.
8. B. L. Reviewed Work(s): Benjamin Franklin and American Foreign Policy by Gerald Stourzh / B. L. // II Politico. – 1954. – Vol. 19, №2. – P. 346–347.
9. Barns W. D. Reviewed Work(s): Benjamin Franklin and American Foreign Policy by Gerald Stourzh / William D. Barns // Pennsylvania History: A Journal of Mid-Atlantic Studies. – 1955. – Vol. 22, №3. – P. 299–301.
10. Beer S. The Study of U.S. history in Austria / Siegfried Beer // Teaching and Studying U.S. History in Europe: Past, Present and Future / edited by Cornelis A. van Minnen, Sylvia L. Hilton. – Amsterdam: VU University Press, cop. 2007. – P. 63–82.
11. Bemis S. F. Within Our Own Power / Samuel Flagg Bemis // New York Times. – 1951. – 10 June. – P. BR4.
12. Combs J. A. The History of American Foreign Policy: in 2 vols. / Jerald A. Combs – New York: McGraw-Hill, 1997.
13. Crane V. W. Benjamin Franklin and a rising people / Verner W. Crane. – Boston: Little, Brown, 1954. – 219 p.
14. Crane V. W. Reviewed Work(s): Benjamin Franklin and American Foreign Policy. by Gerald Stourzh / Verner W. Crane // American Literature. – 1955. – Vol. 26, №4. – P. 578–579.
15. DeNovo J. A. Reviewed Work(s): Benjamin Franklin and American Foreign Policy by Gerald Stourzh / John A. DeNovo // The New England Quarterly. – 1954. – Vol. 27, №4. – P. 557–559.
16. Dull J. R. American foreign relations before the constitution: a historiographical wasteland / Jonathan R. Dull // American foreign relations: a historiographical review / Ed. by Gerald K. Haines and J. Samuel Walker. – Westport: Greenwood Press, 1981. – P. 3–16.
17. Dull J. R. Franklin the Diplomat: The French Mission / Jonathan R. Dull. – Philadelphia: The American Philosophical Society, 1982. – 76 p.
18. Frei C. Hans J. Morgenthau: An Intellectual Biography / Christoph Frei. – Baton Rouge: Louisiana State University Press, 2001. – 236 p.
19. Gilbert F. To the farewell address: ideas of early American foreign policy / Felix Gilbert. – Princeton: Princeton University Press, 1961. – 173 p.

20. Giraud M. Reviewed Work(s): Benjamin Franklin and American Foreign Policy by Gerald Stourzh; Benjamin Franklin by Carl Van Doren; Mémoires de Benjamin Franklin by Carl Doren / Marcel Giraud // *Revue Historique*. – 1958. – Т. 220, Fasc. 1. – P. 174–175.
21. Guide to American foreign relations since 1700 / Ed. by Richard Dean Burn. – Santa Barbara: ABC-CLIO, 1983. – 1311 p.
22. Guilhot N. The Realist Gambit: Postwar American Political Science and the Birth of IR Theory / Nicolas Guilhot // *International Political Sociology*. – 2008. – Vol. 2, Iss. 4. – P. 281–304.
23. Hasting M. F. Reviewed Work(s): Benjamin Franklin and American Foreign Policy by Gerald Stourzh / Martin F. Hasting // *The Catholic Historical Review*. – 1955. – Vol. 40, № 4. – P. 473–474.
24. Historical News // *The American Historical Review*. – 1955. – Vol. 61, №1. – P. 244–264.
25. Jütersonke O. Morgenthau, Law and Realism / Oliver Jütersonke. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 214 p.
26. Jütersonke O. The image of law in Politics Among Nations / Oliver Jütersonke // *Realism reconsidered: the legacy of Hans Morgenthau in international relations* / Ed. by Michael C. Williams. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2010. – P. 93–117.
27. Leopold R. W. Reviewed Work(s): Benjamin Franklin and American Foreign Policy by Gerald Stourzh / Richard W. Leopold // *The Pennsylvania Magazine of History and Biography*. – 1955. – Vol. 79, №1. – P. 117–119.
28. Lycan G. L. Reviewed Work(s): British Politics and the American Revolution by Charles R. Ritcheson; Benjamin Franklin and American Foreign Policy by Gerald Stourzh / Gilbert L. Lycan // *The Journal of Politics*. – 1955. – Vol. 17, №3. – P. 468–470.
29. Meng J. J. Reviewed Work(s): Benjamin Franklin and American Foreign Policy by Gerald Stourzh / John J. Meng // *The American Historical Review*. – 1954. – Vol. 60, №1. – P. 122–124.
30. Miles R. D. The Political philosophy of Benjamin Franklin: the beginning of the pragmatic tradition in American political thought. PhD dissertation / Richard Donald Miles. – Ann Arbor: University of Michigan, 1947. – 297 l.
31. Osgood R. E. Ideals and self-interest in America's foreign relations; the great transformation of the great transformation of the twentieth century / Robert Endicott Osgood. – Chicago: University of Chicago Press, 1953. – 491 p.
32. Perkins B. Reviewed Work(s): Benjamin Franklin and American Foreign Policy by Gerald Stourzh / Bradford Perkins // *The Mississippi Valley Historical Review*. – 1954. – Vol. 41, №2. – P. 323–324.
33. Rengger N. Realism, tragedy, and the anti-Pelagian imagination in international political thought / Nicholas Rengger // *Realism reconsidered: the legacy of Hans Morgenthau in international relations* / Ed. by Michael C. Williams. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2010. – P. 118–136.
34. Rich G. S. Benjamin Franklin and American Foreign Policy. By Gerald Stourzh / Grover S. Rich // *American Political Science Review*. – 1954. – Vol. 48, Iss. 4. – P. 1192–1193.
35. Rösch F. Morgenthau in Europe: Searching for the Political / Felix Rösch // *Hans J. Morgenthau and the American Experience* / Ed. by Cornelia Navari. – Cham: Palgrave Macmillan. – P. 1–25.
36. Savelle M. The origins of American diplomacy: the international history of Angloamerica, 1492–1763 / Max Savelle. – New York: Macmillan, 1967. – 624 p.
37. Savelle S. Reviewed Work(s): Benjamin Franklin and American Foreign Policy by Gerald Stourzh / Max Savelle // *The Journal of Modern History*. – 1955. – Vol. 27, №2. – P. 183–184.
38. Scheuerman W. E. Hans Morgenthau: realism and beyond / William E. Scheuerman. – Cambridge: Polity, 2009. – 257 p.
39. Smith M. D. Reviewed Work(s): Benjamin Franklin and American foreign policy by Gerald Stourzh / Murphy D. Smith // *The Historian*. – 1955. – Vol. 17, №2. – P. 247–248.
40. Stourzh G. Benjamin Franklin and American foreign policy / Gerald Stourzh. – Chicago: University of Chicago Press, 1954. – 335 p.
41. Stourzh G. Benjamin Franklin and American foreign policy / Gerald Stourzh. – Chicago: University of Chicago Press, 1969. – 335 p.
42. Stourzh G. Vienna to Chicago and back: essays on intellectual history and political thought in Europe and America / Gerald Stourzh. – Chicago: University of Chicago Press, 2007. – 396 p.

43. Stourzh, Gerald / WorldCat: [site]. – URL: <https://www.worldcat.org/wcidentities/lccn-n50010857> (Accessed: 1.10.2021).

44. Tolles F. B. New Approaches to Research in Early American History / Frederick B. Tolles // The William and Mary Quarterly. – 1955. – Vol. 12, №3. – P. 456–461.

45. Travis M. B., Jr. Reviewed Work(s): Benjamin Franklin and American Foreign Policy by Gerald Stourzh / Martin B. Travis, Jr. // The Western Political Quarterly. – 1954. – Vol. 7, №4. – P. 711–712.

46. Zimmer L. B. The Vietnam War Debate: Hans J. Morgenthau and the Attempt to Halt the Drift Into Disaster / Louis B. Zimmer. – Lanham: Lexington Books, 2011. – 389 p.

Dorofeev D. V. Gerald Stourtz. Between history and political science: historiography of the genesis of us Foreign policy (first half of the 1950s)

The subject field of the study covers the historiography of the first half of the 1950s of the genesis of US foreign policy theme. The aim of the work is to determine the role and place of origin of the US foreign policy in the views of Gerald Stourzh. The relevance of the research is due to the need to study previously unexplored circumstances of the formation of the historian's interpretation of this process. The novelty lies in the fact that the stereotype about the authority of the scientist's assessment, formed in the scientific literature, has been debunked. The results of the analysis allowed to draw the following conclusions. The approach of G. Stourzh was not independent and scientific in nature. His concept was a consequence of the H. J. Morgenthau's efforts to give historicity to the argumentation of the school of political realism. Being an amateur, he created an intellectual product using the selective principle of selecting sources designed to present the Founding Fathers as adherents of political realism. Over time, the initial criticism in the American scientific community of the scientist's views was replaced by a utilitarian borrowing of the facts from his monograph, that led to the growth of G. Stourzh' authority in scientific sphere. Despite the disadvantages of the historian's achievements, his efforts became a catalyst for discussion in American historical science in the 1960s and 1970s and increased interest in the early period of the history of US foreign policy.

Keywords: B. Franklin, genesis of US foreign policy, G. Stourzh, historiography, H. J. Morgenthau, the school of political realism.

УДК 94(47).073.5

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-3-46-57

ДИСКУССИЯ О СНАБЖЕНИИ БРИТАНСКИХ ВОЙСК В КРЫМУ ЗИМОЙ 1854–55 ГГ. В БРИТАНСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ В ПЕРИОД КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМФЛЕТА «WHOM SHALL WE HANG»)

Курочкин С. С.

*Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: qeen123@yandex.ru*

Целью данной статьи является анализ дискуссии о снабжении британских войск в Крыму зимой 1854–1855 гг. в английской публицистике этого времени по материалам памфлета «Whom Shall We Hang?». С помощью анализа текста данного памфлета и других публицистических произведений, посвящённых проблеме эффективности интендантской системы английских войск в период Крымской войны, удалось уточнить вопрос об авторстве и мотивах создания данного источника. В рамках общественной дискуссии, вызванной проблемами британской армии в Крыму зимой 1854–1855 гг., был предложен ряд объяснений причин данных проблем. Одни усматривали их причину в ошибках, допущенных правительством, другие – в объективных трудностях при снабжении армии на большом удалении от метрополии. Удалось установить, что занимавший проправительственную позицию британский юрист П. Б. Максвелл, бывший член Госпитальной комиссии, начавшей работу в Скутари в ноябре 1854 г, критиковал посредством данного памфлета результаты расследования парламентской «Севастопольской комиссии», возглавляемой Д. А. Робаком и начавшей работу в марте 1855 г. Данная комиссия возлагала основную вину за неудачи британских войск на ушедшее в отставку конце января 1855 г. правительство лорда Абердина, что П. Б. Максвелл стремился оспорить.

Ключевые слова: Крымская война, оборона Севастополя, британская армия, газеты, общественное мнение, журналистика.

Крымская война в британской исторической памяти середины XIX века имела неоднозначную коннотацию. Под влиянием государственной модели военной истории и многочисленных коммемораций в коллективном сознании англичан доминировало восприятие войны как безусловной победы английского оружия. Но часть британской общественности была неудовлетворена итогами Крымской войны, что породило яркие полемики непосредственно во время и после её окончания на страницах периодической печати [3, с. 185]. Одна из наиболее острых дискуссий была связана с проблемой снабжения британских войск в Крыму в период зимы 1854–1855 гг. Одни публицисты обвиняли британские власти в неспособности организовать снабжение армии [6], другие утверждали, что правительство сделало всё возможное для обеспечения экспедиционных войск, и обвиняли прессу в предвзятости [27]. Данная проблема в научной литературе, как английской, так и российской, не имеет значительной историографической традиции. Среди английских историков ее затрагивали Орландо Файджес [9],

Филипп Варнер [26], Джон Суитман [22], Стефани Марковиц [18], Робберт Эдгертон [8]. Однако их работы посвящены преимущественно влиянию общественности на политическую обстановку в Англии в контексте важнейших проблем присутствия британских войск в Крыму. Анализ позиции дискутирующих сторон на страницах английской периодики оставался за рамками данных исследований.

Как подчеркивают С. Марковиц и Д. Суитман, значительное влияние на восприятие британской общественностью Крымской компании оказала пресса [22, р. 14]. Восточной войне предшествовала революция в средствах связи. Появление электрического телеграфа сделало возможным быструю передачу данных с театра военных действий в метрополию – газеты получали известия от корреспондентов быстрее, чем когда-либо прежде [18, р. 17]. В то время как опыт предыдущих войн осмыслился в печати преимущественно постфактум через работы историков и литераторов, Крымская война освещалась в печати почти в реальном времени. В газетах публиковались (вместе с официальными донесениями) репортажи военных корреспондентов с театров боевых действий и письма, направленные в редакцию простыми людьми (гражданскими и военными). В отсутствии военной цензуры массовый читатель получил доступ к тем аспектам военной повседневности, которые до этого ему не были известны. Общественность оказалась вовлечена в дебаты вокруг нужд армии, как никогда прежде.

Как указывает О. Файджес, скоро общественное мнение, обеспокоенное проблемами армии зимой 1854–1855 гг. и подогреваемое газетами, превратилось в силу, начавшую оказывать давление на правительство. Военный министр Генри Пелэм-Клинтон 5-ый герцог Ньюкасл пытался убедить командующего британскими силами в Крыму Лорда Раглана снять с постов ряд лиц, ответственных за снабжение армии, надеясь этим удовлетворить общественность. Однако волна критики в прессе и обществе привела к правительственному кризису [17]. К. Маркс писал: «...возмущение в стране, подогреваемое выпадами «Times», твердая решимость Джона Буля установить, наконец, кто является виновником происшедшего или, по крайней мере, выместить на ком-нибудь свое раздражение — все это должно было показать кабинету, что настало время, когда он должен готовиться к смерти» [1, с. 32]. 29 января 1855 г. британский парламент по предложению депутата Джона Артура Робака принял решение о создании «Комиссии для расследования состояния армии и действий правительственных ведомств, отвечающих за нее». Д. А. Робак возглавил данную комиссию [10, р. 23]. Член Палаты Общин Джеймс Уайтсайд заявил в ходе работы комиссии: «Страшные бедствия постигли нашу армию, по всей стране поднялся дух негодования, и голос страны громко призвал к расследованию причин этих бедствий» [13, р. 1066]. После этого правительство во главе с премьер-министром Абердином ушло в отставку; новым премьер-министром стал лорд Пальмерстон, занимавший до этого пост министра внутренних дел [9, р. 241]. Однако лорд Пальмерстон, заняв пост премьер-министра, продолжал подвергаться критике со стороны парламента за свою деятельность в составе предыдущего министерства [20]. Критике подверглись не только отдельные

политические деятели, но и организация управления армией в целом [23]. В качестве основных недостатков британской администрации назывались «рутина» и «фаворитизм» [25].

Вопрос о влиянии публицистики на отношение английской нации к Крымской войне вызывал споры ещё до ее окончания. Некоторые публицисты доказывали, что свобода прессы – один из столпов свобод британца: свобода прессы означает свободу выражения общественного мнения. Военные, однако, заявляли, что враг может извлечь пользу из публикуемых в газетах сведений о проблемах английской армии [18, р. 19]. Согласно исследованиям С. Марковиц, была прослойка публицистов, обвинявших «Times» (наибольшую по тиражу газету того времени) в манипуляции общественным мнением и узурпации права говорить от имени британской общественности [18, р. 22]. Среди британских публицистов, выступивших в защиту правительства Абердина, был автор памфлета «Кого нам следует повесить. Севастопольское расследование» (англ. «Whom shall we hang. Sebastopol inquiry»), опубликованного в 1855 г. анонимно в издательстве «James Ridgway». Название памфлета отсылало к заголовкам британских газет, требовавших наказать виновных в бедствиях, постигших английскую армию.

Согласно воспоминаниям генерал-майора сэра Арчибальда Эдварда Харборда Энсона, автором данного памфлета является сэр Питер Бенсон Максвелл (1816–1893), британский юрист ирландского происхождения [4, р. 289]. До Крымской войны он был адвокатом, членом Иннер-Тэмпл [16, р. 431]. В период военных действий Максвелл был одним из трёх членов комиссии, направленной военным министром в Крым. Целью данной комиссии было выяснение состояния крымских госпиталей, но она не имела полномочий осуществлять какие-либо преобразования. По итогам работы данной комиссии в марте 1855 г. был составлен предварительный, а в июне 1855 г. – полный отчёт, который, однако, не вызвал большого интереса у британской общественности [10, р. 22]. В 1855 г. П. Б. Максвелл опубликовал памфлет «Кого нам следует повесить». В 1856 г. он был назначен на должность судьи (англ. recorder) в Пенанге, причём некоторые в Англии считали, что это назначение напрямую связано с опубликованным памфлетом [7, р. 137]. Согласно исследованиям Дж. М. Гуллика, Максвелл был известен в Сингапуре как справедливый судья, который, чтобы иметь возможность досконально разбираться в местных земельных спорах, выучил малайский язык и изучал традиции коренного населения [11, р. 7]. В 1866 г. Максвелл был назначен на пост судьи в Сингапуре, а когда в 1867 г. Сингапур стал британской колонией, Максвелл был назначен на пост главного судьи (англ. chief justice). В 1871 г. выйдя в отставку, он в 1883 г. в качестве помощника лорда Дафферина был направлен в Египет для проведения судебной реформы. Из-за сопротивления местной оппозиции реформу не удалось осуществить в полной мере, и в 1885 г. Максвелл подал в отставку. П. Б. Максвелл скончался в 1893 г. в городе Грас (Франция).

В качестве источников для составления памфлета Максвелл использовал материалы расследования парламентской комиссии, отчёт Госпитальной комиссии,

опубликованные парламентские речи, данные прессы, источники личного происхождения и военно-теоретические труды.

Мотивом к написанию данного памфлета было стремление автора доказать несправедливость обвинений, выдвигаемых общественностью в отношении правительства Абердина. Как утверждал автор, пресса сыграла негативную роль в нагнетании общественной истерии, описывая страдания английских войск в Крыму с искажениями и преувеличениями, желая произвести сенсацию. Но главными виновниками правительственного кризиса, по мнению Максвелла, стали сами британцы, которые, слепо доверяя заявлениям газет, начали поиски виноватых в допущенных ошибках (реальных и воображаемых) вместо того, чтобы искать решение проблем, с которыми столкнулась армия. Английский парламент действовал под сильным влиянием общественного мнения. Жертвами народного недовольства стали члены правительства Абердина, которых обвинили во всех проблемах, возникших в ходе войны, не проверяя должным образом справедливость данных обвинений. Таким образом, Британия во время Крымской войны осталась без правительства, а ее национальному престижу был нанесён урон [27, p. 18].

По мнению П. Б. Максвелла, решение начать расследование до окончания войны, когда часть документов была недоступна, а участники событий ещё были на фронте, оставляло мало шансов на объективность [27, p. 25]. Комиссия зачастую оказывала большее доверие свидетельствам очевидцев, нежели официальным делопроизводственным документам [27, p. 131]. Парламентарии не привлекали к расследованию свидетелей, обладавших наиболее достоверной информацией об обстановке в Крыму, и в то же время принимали на веру слова лиц, зачастую не находившихся сколько-нибудь продолжительное время на месте событий, но сообщавших «обличающие» правительство известия [27, p. 21]. Большое влияние на выводы комиссии оказывали газетные публикации.

Д. А. Робак заявил в отчёте парламентской комиссии, что первопричиной всех неудач Крымской экспедиции было отсутствие у британского командования точных данных о силе укреплений Севастополя и численности русской армии в Крыму [21]. Он считал, что правительство Абердина приняло решение направить войска в Крым, не собрав достаточных сведений о противнике и понадеявшись на быстрый успех. Однако, вопреки ожиданиям герцога Ньюкасла, Севастополь не был взят немедленно после вторжения; возникла необходимость обеспечить пребывание британской армии в Крыму зимой, к чему её тыловые службы не были готовы [17]. П. Б. Максвелл был согласен с тем, что британское командование рассчитывало овладеть Севастополем вскоре после высадки. Но, согласно памфлету, убежденность союзников в возможности быстрого захвата города основывалась на собранных ими данных о слабости его сухопутных укреплений. К лету 1854 г. Севастополь всё ещё был уязвим для атаки с суши, что, по мнению П. Б. Максвелла, побуждало британское командование предпринять экспедицию в Крым. Оборона русских оказалась более эффективной, чем рассчитывали союзники, однако, по мнению автора памфлета, при планировании экспедиции этого нельзя было предусмотреть [27, p. 45].

Дискутируя с публицистами, утверждавшими, что британское правительство вовремя не позаботилось о снабжении войск зимней одеждой, Максвелл отмечал, что военный министр в июне 1854 г. распорядился заготовить для армии запасы тёплых вещей. Но на начальном этапе компании в Крыму флот был занят перевозкой более приоритетных грузов; отправка одежды на театр военных действий была отложена до октября. Тёплые вещи должны были прибыть на Крымский полуостров в ноябре 1854 г., к началу первых холодов, но пароход «Принц», доставлявший первую партию, затонул во время шторма. Немедленно герцогом Ньюкаслем была заказана партия тёплых вещей взамен утраченных.

Среди членов парламентской комиссии были нарекания к качеству палаток, используемых британскими войсками в Крыму [21], однако автор памфлета находил эти нарекания недостаточно обоснованными [27, р. 114]. Он утверждал, что даже самые качественные палатки не могли обеспечить должной защиты в зимнее время, поэтому лорд Раглан и герцог Ньюкасл с октября 1854 г. распорядились заготовить материалы для постройки деревянных хижин [27, р. 128]. Ранее октября британское командование не могло выделить ресурсы на заготовку и переброску в Крым зимних убежищ, так как в первый месяц вторжения логистическая сеть была загружена другими, более приоритетными грузами. Тем не менее, по данным Максвелла, руководство армии своевременно заказало материалы для хижин, однако из-за ошибок военной администрации на местах и недобросовестности ряда подрядчиков своевременно доставить материалы в Крым и построить хижины не удалось, хотя к концу декабря в Балаклаве было достаточно материалов.

Таким образом, проблемы Крымской армии были связаны, прежде всего, с транспортом: необходимые войскам припасы было очень сложно доставить в Крым [5]. Иногда из-за ошибок при учёте отправленные войскам грузы не выгружались в портах назначения, а возвращались в Англию [21]. Из-за разницы в объёме транспортных перевозок по Средиземному и Чёрному морям грузы скапливались на складах в Константинополе и подолгу не отправлялись дальше. Автор считает, что в этих проблемах виновны в первую очередь капитаны зафрахтованных транспортных судов, которые не могли разобраться в том, как уложен груз (погрузкой занимались военные) [27, р. 123]. Судовладельцы также вносили дезорганизацию, поскольку они часто меняли состав экипажей уже после погрузки корабля, а новые члены команды не были знакомы с размещением груза. Однако построить для снабжения армии специальный транспортный флот, как предлагали некоторые публицисты, по мнению автора, было невозможно: судостроительные предприятия Англии уже были загружены другими заказами.

По мнению автора, критики, заявлявшие, что принять меры для доставки тёплых вещей в Крым следовало раньше октября 1854 г., не брали в расчёт низкую пропускную способность Балаклавского порта [27, р. 133]. Гавань была захвачена у противника, и британцам пришлось использовать скудное оборудование, ранее построенное русскими и не рассчитанное на одновременную разгрузку столь большого числа судов. К тому же, природные размеры гавани были весьма скромными, поэтому суда подолгу ожидали отгрузки, а мест на складах

катастрофически не хватало [27, р. 128]. После Балаклавского сражения 13 (25) октября 1854 г. у британского командования возникли опасения, что город может быть вновь атакован русскими. Рассматривалась возможность эвакуации из гавани судов, часть из них разместили на внешнем рейде. Когда же начался знаменитый шторм 14 ноября, многие суда, находившиеся вне Балаклавской бухты, затонули. Это поставило английскую армию в сложное положение, так как на погибших судах находились тёплые вещи, запасы продовольствия и фуража для армии [27, р. 135]. Но эта катастрофа, как считает автор, была результатом неудачного стечения обстоятельств, которое никто из верховного командования предусмотреть не мог.

Из-за дождей в ноябре 1855 г. дорога между Балаклавой и британским лагерем стала фактически непроходимой [21]. Из-за этого грузы, доставленные в Балаклаву, не могли быть перевезены в британский лагерь [17]. Автор признаёт, что дорогу следовало укрепить до наступления распутицы, однако, по его мнению, не следует обвинять главнокомандующего армией и военного министра в том, что это не было своевременно сделано [27, р. 138]. Герцог Ньюкасл, находясь в Англии, не знал о состоянии дороги вплоть до момента, когда её размыло. Лорд Раглан находился в Крыму и мог ознакомиться с состоянием дороги, но, по мнению автора, были обстоятельства, оправдывающие его. До первой бомбардировки Севастополя 5 (17) октября 1854 г. у англичан ещё оставалась надежда быстро взять город, но после неудачной бомбардировки им пришлось направить больше людей на осадные работы. Проблема состояния дорог была до конца осознана британским командованием лишь в ноябре, когда из-за ливней дорога пришла в негодность. Эксперты расходились во мнениях, можно ли было после этого исправить ситуацию имевшимися у лорда Раглана силами или нет.

Максвелл признаёт, что французы смогли построить дорогу от Камышовой бухты до своего лагеря. Но французы имели в Крыму больше войск и могли выделить рабочих для ремонта дорог, англичанам же приходилось задействовать почти все силы для осадных работ. Состояние дороги крайне негативно отразилось на транспортировке грузов между Балаклавой и английским лагерем.

В британской публицистике периода Крымской войны сохранилось много упоминаний о массовой гибели лошадей [21], что объяснялось нехваткой фуража в первые месяцы зимы 1854–1855 гг. [24]. По утверждению автора памфлета, шторм 14 ноября, действительно, привёл к потере большого количества сена, а вышеописанные проблемы с морскими перевозками мешали быстро восполнить этот запас. Однако запасы сена в армии имелись, и главной причиной гибели лошадей было не недоедание, а пренебрежительное отношение самих солдат к обязанностям по уходу за лошадьми [27, р. 168]. Когда началась осенняя распутица, повозки стали ломаться [21]; чтобы снизить нагрузки на них, приходилось отправлять повозки загруженными лишь на треть. Возможности британской армии в Крыму по перевозке грузов снизились настолько, что пришлось задействовать солдат для доставки провизии в лагерь [27, р. 147]. Как подчёркивает автор, это была вынужденная и непродолжительная практика декабря 1854 г.

Но даже в самое трудное время солдаты не голодали. По отчётам комиссариата, наиболее дефицитными продуктами были ром, свежее мясо, кофе и сахар, но сухари и солонина были всегда [27, р. 152]. Правда, как отмечает автор, средние показатели из этих отчётов зачастую не отражали реальную ситуацию: в отдельных подразделениях нормы выдачи продовольствия могли быть меньше, чем в среднем по армии. Тем не менее, точность документов комиссариата была достаточна для заключения: британские войска получали достаточно пищи, чтобы сохранить боеспособность. Голод не был причиной роста небоевых потерь.

Во многих источниках отмечается, что англичане переносили холода хуже, чем французы [21]. Журналисты объясняли это лучшим снабжением французов [15]. Генерал Бентинк утверждал, что главные причины болезней английских солдат – переутомление вследствие изнурительного труда на осадных работах и сырость в траншеях. Однако французы жили в схожих условиях, но несли меньшие небоевые потери. Автор винит в этом самих британских солдат и их неумение обустроить жизнь в полевых условиях. Они не проявляли той настойчивости в поисках дров, которую проявляли французы [27, р. 174]. Многие из них выбросили свои котелки во время перехода с Северной стороны Севастополя на Южную. Из-за отсутствия дров и подходящей посуды многие британцы питались солониной, не разогревая, то есть подолгу жили без горячей еды. Во французской армии специальные повара готовили еду солдатам, которые, возвращаясь в лагерь после работ в траншеях, были обеспечены горячим ужином [27, р. 177]. Другой проблемой британских солдат, на которую указывает автор, было их неумение обустроить палатки. Они не заботились о чистоте внутреннего пространства палаток, устанавливали их на голую землю, не выкапывая водоотводные канавки и не подстилая ничего снизу для утепления. Возвращаясь после работы в траншеях, они ложились спать в грязной, мокрой одежде, не имея возможности высушить её из-за отсутствия дров. Уставая, замерзая и плохо питаясь, солдаты слабели, отчего не могли должным образом ухаживать за собой, от чего слабели ещё быстрее, получали обморожения, простужались, заболевали дизентерией.

В течение зимы 1854–1855 гг. состояние военно-медицинских учреждений британской армии было объектом постоянной критики [13]. По утверждениям газет, в госпитале в Скутари не хватало врачей, фельдшеров, лекарств и перевязочных материалов; многие из больных, которых еще можно было вылечить, умирали из-за плохо организованного ухода [21]. Вину за эти проблемы общественность возлагала на герцога Ньюкасла и Сидни Герберта. Однако, как писал автор, герцог Ньюкасл относился к проблеме обеспечения госпиталей с большим вниманием и решил для их инспекции отправить комиссию из трёх человек (двух медиков и адвоката) [27, р. 216]. Автор, описывая деятельность комиссии, не упоминает о своей связи с ней, но на основании сторонних источников можно утверждать (как описано выше), что памфлет написал адвокат П. Б. Максвелл, член данной комиссии [27, р. 217].

По утверждению автора, противопоставлять Флоренс Найтингейл и медицинский департамент армии не корректно: они действовали в сотрудничестве. Правительство ещё до прибытия Флоренс Найтингейл делало все возможное для

обеспечения госпиталей, предоставив им расширенные права на закупку необходимых припасов. Ссылаясь на П. Б. Максвелла (то есть, на себя), автор утверждает, что в ноябре 1854 г. больница в Скутари имела достаточный запас перевязочных материалов. Была выявлена нехватка лишь некоторых видов расходных материалов, не являвшихся жизненно необходимыми. Проблема нехватки лекарств в госпиталях не изучалась парламентским комитетом должным образом. Некоторые помещения госпиталя в Скутари, по данным Максвелла, действительно были в плохом состоянии, но они использовались для размещения больных лишь в момент наплыва раненых после сражений при Балаклаве и Инкермане. Остальная часть госпитальных помещений находилась в удовлетворительном состоянии. Кроватей и постельного белья не хватало на всех больных, но причину этого автор видел в невозможности своевременно привести припасы со складов в Скутари. Парламентская комиссия, по оценке Максвелла, преувеличил масштаб проблем, связанных с организацией стирки постельного белья и одежды больных. По его сведениям, подрядчики для организации стирки были наняты, но не все и них выполнил взятые на себя обязательства в полной мере. Проблемы в организации стирки не являлись следствием ошибок правительства и были относительно оперативно устранены.

Проблема некачественных продуктов, поставлявшихся в госпитали, существовала [21]. Но письмо, якобы написанной медсестрой в Скутари и содержащее утверждение, что невозможность обеспечить раненых необходимой диетой становилась причиной смерти больных, опубликованное в «Times» 8 декабря 1854 г. было, по его мнению, поддельным. Автор указывал на ряд неточностей в письме и, ссылаясь на показания Фл. Найтингейл, утверждал, что больные получали необходимое для восстановления питание.

Особое внимание П. Б. Максвелл уделил критике заявлений четырёх человек: лорда Сидней Годольфина Осборна (1808–1889), Огастеса Стаффорда (1811–1857), Джона Кэмерона Макдональда (1822–1889) и Джона Артура Робака (1802–1879). С. Г. Осборн, британский общественный деятель, прибыл в Скутари по собственной инициативе в то же время, когда там работала Госпитальная комиссия П. Б. Максвелла. В письме Сидни Герберту от 15 декабря 1854 г. П. Б. Максвелл сообщал, что С. Г. Осборн выступал за проведение парламентского расследования, что он намеревался опубликовать памфлет и что он «имел очень сильную любовь к популярности» [14]. Вернувшись в Англию, С. Г. Осборн опубликовал в 1855 г. памфлет «Скутари и его госпитали» (англ. «Scutari and its hospitals»), в котором подверг жёсткой критике работу британских военных госпиталей [19]. П. Б. Максвелл утверждал, что С. Г. Осборн «более всех заявлял о своём идеальном знакомстве с госпиталями и более всех способствовал введению публики в заблуждение» [27, р. 273]. Огастес Стаффорд являлся членом Палаты Общин и также посетил Скутари. По мнению П. Б. Максвелла, С. Г. Осборн и О. Стаффорд искренне стремились установить истину. Но они не были досконально знакомы с устройством госпиталей, основывали свои выводы на неполных сведениях, слухах, и делали глобальные обобщения на основании виденных ими единичных фактов

[27, р. 237]. В итоге, они (по мнению П. Б. Максвелла) ошиблись в оценке ситуации и эмоционально преувеличили масштаб выявленных ими проблем [27, р. 226]. Как заключал П. Б. Максвелл, их показания содержали массу ошибок и искажений, которые парламентская комиссия должна была обнаружить, но не обнаружила.

Д. К. Макдоналд был сотрудником газеты «Таймс», который отвечал за «Крымский фонд Таймс» и прибыл в Скутари вместе с Флоренс Найтингейл. Там он занимался распределением средств фонда «Таймс», в т.ч. оказывал помощь Флоренс Найтингейл. По мнению П. Б. Максвелла, «Таймс» в статьях о помощи английским раненым преувеличивала заслуги собственного фонда и преуменьшала вклад правительства, хотя прямой вины Д. К. Макдональда в этом не было [27, р. 232].

Джон Артур Робак, являясь депутатом Палаты Общин, инициировал созыв парламентской «Комиссии для расследования состояния армии...» и стал ее председателем. По мнению П. Б. Максвелла, он, как глава данной комиссии, несет ответственность за необъективность и неточность результатов ее расследования [27, р. 14]. П. Б. Максвелл, являясь (как и Д. А. Робак) адвокатом, писал, что последний «достиг звания королевского адвоката, не усвоив основы правил доказательства» [W, р. 256]. В памфлете П. Б. Максвелл косвенно обвинил парламентскую комиссию в том, что та в ходе расследования проигнорировала данные, собранные Госпитальной комиссией [27, р. 182]. В частности, он упоминал, что обнаружил в отчете парламентской комиссии утверждение, согласно которому на вопрос, была ли в Скутари нехватка опиума, он (Максвелл) дал утвердительный ответ. Максвелл сообщил, что данное утверждение было приписано ему по ошибке, Д. А. Робаку, однако тот оставил его протест без последствий.

Данный памфлет, вероятно, создавался автором в ответ на критику Госпитальной комиссии (членом которой он был) со стороны парламентской комиссии. В памфлете упоминается, что одни критики из числа членов парламентской комиссии обвиняли Госпитальную комиссию в намеренном замалчивании выявленных нарушений [27, р. 216], другие (в т.ч. Д. А. Робак) утверждали, что ее деятельность не помогла решить проблемы госпиталей [27, р. 218]. В памфлете П. Б. Максвелл доказывал, что Госпитальная комиссия (членом которой он являлся) внимательно отнеслась к проверке информации о кризисной обстановке в госпиталях, но не нашла ситуацию столь плачевной, как её описывали газеты. Выводы Госпитальной комиссии он считал более обоснованными, чем выводы парламентской комиссии [27, р. 218]. По мнению П. Б. Максвелла, главными причинами несчастий, постигших британскую армию зимой 1854–1855 г. являлись объективные трудности при снабжении экспедиционной армии по морю на большом удалении от метрополии, ошибки ряда начальствующих лиц на местах, а также неготовность британских солдат к жизни в полевых условиях. Правительство сделало все возможное, чтобы исправить создавшееся положение.

П. Б. Максвелл не был единственным, кто подверг критике выводы парламентской комиссии. Главный инспектор госпиталей Джон Холл, которого обвиняли в сокрытии плохого состояния госпиталей в Скутари [21], опубликовал в

«Таймс» статью, в которой доказывал ошибочность обвинений, выдвинутых Парламентской комиссией против медицинского департамента армии [12].

Генерал Пиль признавал, что британской командование не располагало точной информации о численности русских войск и состоянии крепостей, но утверждал, что принимая решение о вторжении в Крым, правительство шло на необходимый риск. Он утверждал, что вмешательство парламента в работу исполнительной власти, обвинение должностных лиц в служебном несоответствии на основании писем в газеты плохо сказывалось на боеспособности армии [17].

В ответ на памфлет П. Б. Максвелла в журнале «The Lancet» была выпущена анонимная критическая заметка, в которой автора памфлета обвиняют в попытке оправдать людей, виновных в «почти умышленном уничтожении храбрецов, отправленных с наших берегов полными жизни и воистину являвшимися солью земли, лучшими людьми своего отечества» [28, р. 92]. Автор заметки требовал наказать директора медицинского департамента армии сэра Эндрю Смита в назидание другим генералам, которые «навлекли на своих собратьев опустошение, а на свою страну – позор» [28, р. 93].

Современные британские историки всё же склонны возлагать значительную долю ответственности за проблемы британской армии в Крыму именно на администрацию и командование армии. Данная точка зрения отражена в новейших исследованиях Д. Суитмана [22, р. 64], О. Файджеса [9, р. 280].

Итак, анализ памфлета «Whom shall we hang. Sebastopol inquiry» дает основания сделать следующие выводы:

1. Памфлет является ценным источником по изучению общественного мнения Великобритании середины XIX века, прежде всего восприятия Крымской войны в британском обществе. Появление данного публицистического произведения свидетельствует о поляризации английского общества в вопросе оценки хода Крымской войны и определении причин кризисной ситуации в английских экспедиционных силах в Крыму зимой 1854–1855 гг.

2. Раскол затронул политическую и военную элиту английского общества: часть членов Палаты Общин подвергали критике деятельность правительства Абердина, в т.ч. тех из его членов, которые вошли в следующий кабинет (в т.ч. нового премьер-министра лорда Пальмерстона) [17]. Часть генералитета опровергала выдвигаемые парламентариями обвинения. Обе стороны, стремясь популяризировать свою точку зрения, прибегали к помощи прессы.

3. Печатные СМИ выступали как самостоятельная сила, имевшая влияние даже на членов Палаты Общин. Во многом именно пресса, подробно и эмоционально освещавшая состояние английских войск в Крыму, сформировала общественное мнение, спровоцировала или усилила дискуссии, охватившие значительную часть английского общества.

4. Являясь публицистическим произведением, памфлет тенденциозен уже в силу самой цели его создания. Поэтому сформулированные автором выводы о причинах кризиса в дальнейшем были значительно скорректированы и частично пересмотрены в современной английской историографии.

Список использованных источников и литературы

1. Маркс К. Падение министерства Aberдина // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд.: в 50 т.– М.: Политиздат, 1958.– Т. 11.– С. 32–38.
2. Marks K. Padenie ministerstva Aberdina // K. Marks i F. Engel's. Sochineniya. Izd. 2: v 50 t. – М.: Politizdat, 1958.– Т. 11.– С. 32–38.
3. Суитман Дж., Мерсер П. Крымская война. Британский лев против русского медведя.– М.: Эксмо, 2011.– 216 с.
4. Suitman Dzh., Merser P. Krymskaya vojna. Britanskij lev protiv russkogo medvedya.– М.: Eksmo, 2011.– 216 s.
5. Трубецкой А. Крымская война.– М.: ЛомоносовЪ, 2010.– 319 с.
6. Trubeckoj A. Krymskaya vojna.– М.: Lomonosov", 2010.– 319 s.
7. Anson A. E. H. About others and myself. 1745–1920.– London: John Murray, 1920.– 435 p.
8. Camp before Sebastopol // Times.– 1855.– January 31.
9. Camp in the Crimea. From an officer // Times.– 1854.– December 30.
10. Constance M. T., Constant M. T. Governor Blundell and Sir Benson Maxwell: a conflict of personalities // Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society.– 1957.– № 1.– P.134–163.
11. Edgerton R. Death or glory. The legacy of the Crimean war.– Oxford: Westview press, 1999.– 288 p.
12. Figs O. The Crimean war: a history.– New York: Picador, 2012.– XXIII, 575 p.
13. Florence Nightingale: The Crimean War: Collected Works of Florence Nightingale / [editor Lynn McDonald]– Ontario: Wilfrid Laurier University Press, 2010.– ix, 1062 p.
14. Gullick J. M. William Maxwell and the study of Malay society // Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society.– 1991.– № 2.– P. 7–46.
15. Hall J. Dr. Hall and the Sebastopol committee // The Times.– 1855.– July 27.
16. House of Commons Hansard archives. 19 July 1855. Commons Sitting.– [Electronic resource].– URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1855/jul/19/the-army-in-the-crimea-sebas-topol> (date of the application 30.07.2021).
17. Letter from P. Benson Maxwell, Scutari [Uskudar], Istanbul, Turkey, to Sidney Herbert; 15 Dec. 1854.– [Electronic resource].– URL: <https://mss-cat.nottingham.ac.uk/Calmview/Record.aspx?src=CalmView.Catalog&id=NeC8779-14145%2F8779-12842%2F9552-10884%2F10454> (date of the application 30.07.2021).
18. Letters from the Crimea // The Times.– 1854.– December 28.
19. Makepeace W. The Maxwells // Hundred Years Of Singapore: in 2 vol. – London: John Murray, 1921.– Vol. 2.– P. 431–442.
20. Management of the war. The Sebastopol committee // The Times.– 1855.– July 18.
21. Markovits S. The Crimean War in the British Imagination.– Cambridge: Cambridge University Press, 2013.– 306 p.
22. Osborn S. G. Scutari and its hospitals.– London: Dickinson Brothers, 1855.– vii, [1], 54 p.
23. Parliamentary intelligence // The Times.– 1855.– July 20.
24. State of the army before Sebastopol // The Times.– 1855.– June 19.
25. Sweetman J. The Crimean war: 1854–1856.– Oxford: Osprey, 2001.– 96 p.
26. The Administrative Reform Association // The Times.– 1855.– June 12.
27. The army in the Crimea // The Times.– 1855.– January 9.
28. The protégé // The Times.– 1855.– June 11.
29. Warner P. The Crimean war. A reappraisal.– New York: Taplinger Pub. Co., 1972.– 232 p.
30. Whom shall we hang? The Sebastopol inquiry.– London: James Ridgway, 1855.– 329 p.
31. Whom shall we hang? To the editor of the «Lancet» // The Lancet.– 1855.– Vol. 2.– P. 92–93.

Kurochkin S.S. Discussion about supply of the British army in Crimea during the winter of 1854-1855 in the British newspapers according to the materials of the pamphlet «Whom shall we hang»

The purpose of the article is the analyses of the discussion about supply of the British army in Crimea during the winter of 1854–1855 in the British press according to the pamphlet «Whom shall we hang». Due to the analyses of the text of this pamphlet and other journalistic texts devoted to the problem of the effectiveness of the quartermaster system of the British during the Crimean War, it was managed to clarify the question of the authorship and the reason for the creation of this historical source. As part of the public discussion caused by the problems of the British army in the Crimea in the winter of 1854-1855, a number of explanations of the causes of these problems were proposed. One authors claimed that these problems had been caused by mistakes of the government, but another journalists thought that high casualties during the winter had been caused by the difficulties, that where unavoidable in case of supplying the army at a great distance from the metropolis. The research shows that the British lawyer Peter Benson Maxwell (who held a pro-government position and who was a former member of the Hospital (Cunning-Maxwell) Commission that began its work in Scutari in November 1854) criticized through this pamphlet the results of the investigation of the parliamentary «Sebastopol Committee» (chaired by John Roebuck), that began its work in March 1855. This commission laid the main blame for the sufferings of the British troops during the winter on the government of Lord Aberdeen, and Peter Benson Maxwell was disagree with this interpretation of events and tried to rebut it.

Keywords: Crimean war; defense of Sevastopol; the British army; press; public opinion; journalism.

УДК 94(410).083+94(474.2)+ 94(47).084.3

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-3-58-71

РЕАКЦИЯ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ И ПАРЛАМЕНТЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА СОВЕТСКО-ЭСТОНСКИЕ МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ В 1919–1920 ГГ.

Кочегаров С. А.¹, Михайлов В. В.²

*¹ Северный институт предпринимательства
г. Архангельск, Российская Федерация
E-mail: sip-29@yandex.ru*

*² Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: batukom@mail.ru*

Делается акцент на противоречиях в британском истеблишменте в отношении продолжения военных действий против Советской Республики на северо-западе России в конце 1919 г. На материале английских архивов и стенограмм заседаний парламента показано, что после ряда военных неудач белых сил и провала формирования при непосредственном давлении со стороны британских военных и советников правительства Северо-Запада России для создания антибольшевистской коалиции под политическим управлением британских комиссионеров в Балтийских странах, настроение в парламенте и Военном совете Великобритании изменилось. Выступления либерально и антивоенно настроенных депутатов парламента на заседаниях осени 1919 г. и зимы 1919–1920 гг. отмечают, что вопрос о заключении мирного договора эстонского правительства с правительством РСФСР стал позитивно восприниматься и оцениваться в широких кругах британского общества. Премьер-министр Великобритании Д. Ллойд-Джордж выступал в Военном совете и парламенте за смену правительственного курса в отношении с большевиками и материальной поддержки военных действий против них со стороны пограничных государств. Критика «милитаризма» военных и правительства после заключения Тартуского мира в январе 1920 г. стала особенно острой, а твердость эстонского правительства, с лета 1919 года ведшего переговоры и заключившего мир с большевиками, несмотря на сильный нажим представителей Антанты приветствовалась депутатами Дж. Вествуд, П. Мэлоун, Дж. Кенурти и рядом других. Документы совещаний британского Имперского военного кабинета и Военного совета также показывают смену в течении осени 1919 г. политики активного вовлечения прибалтийских стран в антибольшевистскую борьбу на признание провала этой борьбы и невозможности ради ее возрождения тратить финансовые и материальные средства, необходимые для решения других проблем, возникших у правительства Великобритании после окончания Первой мировой войны.

Ключевые слова: политика Великобритании в отношении Эстонии, Эстонская республика, правительство Северо-Запада России, Тартуский мир 1920, Я. Поска, А. Пийп, Ф. Марш.

Начало переговоров о мире между большевистским правительством Советской России и правительством объявившей себя независимой Эстонии связано со сложной ситуацией на Северо-Западе России летом 1919 г. 15 июля советское правительство издало постановление о передаче Эстонии права самой решать свою

политическую судьбу. Единственным условием признания стало прекращение со стороны Эстонии всяких сношений и всякой поддержки белых армий [12, л. 29]. Через четыре дня Центральный Комитет РКП (б) Эстляндии выпустил манифест «О мире», призвав трудящихся и солдат начать борьбу за прекращение поддержки эстонским правительством антибольшевистской борьбы в России [7, с. 177–178]. В качестве гарантии своего искреннего стремления к миру, Реввоенсовет Красной армии 21 июля издал приказ, запрещающей большевистским войскам пересекать границу и вступать на территорию Эстонии [4, с. 385–386]. При этом, после ряда удачных военных операций весной 1919 г., белые силы Северной армии были остановлены, а на ряде участков фронта Красная армия перешла в июле в наступление [13, с. 281]. К середине августа положение белых сил было охарактеризовано командованием и представителями британской военной миссии в Прибалтике как катастрофическое [25, р. 267]. Комиссар Британии в Финляндии генерал-лейтенант сэр Хьюберт Гоф писал в начале августа генералу Н. Н. Юденичу: «Тот факт, что Россия не смогла объединить Эстонию, Латвию и латышей в одну демократическую единицу, затем сообща двинуться на красную Россию, не предвещает ничего хорошего в будущем... и приводит в уныние всех, желающих России добра» [1, с. 308].

В Эстонии после изгнания красных войск с ее территории все больше политиков негативно смотрело на продолжение военного союзничества с белым антибольшевистским движением и участие эстонских солдат в войне на русской земле. Кроме того, экономическое положение страны было чрезвычайно тяжелым, и правительство рассчитывало на то, что мир с Советами принесет ей определенные дивиденды. Во всяком случае, Россия могла предложить миру немало необходимых товаров, а поскольку Эстония не была признана в качестве независимого государства, она могла не участвовать в экономической блокаде большевистского государства, к которой были вынуждены были присоединиться не только воюющую с Советами, но и нейтральные страны.

Британские представители в Прибалтике, в первую очередь, заместитель военного комиссара Великобритании в Балтийских провинциях бригадный генерал Фрэнк Марш, свободно говоривший по-русски, в ультимативной форме потребовал от командования белыми силами в Прибалтике создать правительственный орган и вступить в официальные военно-политические отношения с эстонским правительством. В противном случае Ф. Марш пообещал русским полное прекращение военных поставок, он выразился предельно ясно: «мы вас будем бросать» [25, р. 268]. 10 августа 1919 г. было создано «марионеточное» правительство Северо-Запада России [1, с. 301–302]. На следующий день «генерал Марш встретился с представителями правительства Эстонии, уведомил их о создании нового русского правительства и столь же ультимативно потребовал подписать союзный договор, главными пунктами которого были вопросы совместной борьбы против большевиков, предусматривающие ведение боевых действий на российской территории» [8, с. 130].

В эстонском правительстве разразился политический кризис, вызванный разногласиями министров по поводу перспектив продолжения войны с Советской Россией, несколько членов правительства подали в отставку. Генерал Х. Гоф, 13 августа направил эстонскому министру иностранных дел эстонского правительства Яану Поска требование немедленно признать правительство Северо-Запада и начать с ним переговоры о совместных действиях против Советской России [18, р. 508]. 16 августа Я. Поска ответил на послание, поставив в качестве условий принятия английских предложений «полное признание независимости Эстонии» [18, р. 508–509].

Для Прибалтийских стран вопрос о признании их независимости стоял чрезвычайно остро, поскольку, несмотря на благоприятные условия и даже прямые указания в международных договорах, например, по условиям Брестского мира Советской России с Германией, независимость этих стран, в отличие от Финляндии, так и не была никем в мире признана. «Великобритания, Франция и Италия... в мае 1918 года де-факто признали эстонцев как народ и их представительный орган, но не как новое государство» [2, с. 60]. «Хотя в мае 1919 года эстонская делегация была допущена к работе т. н. Прибалтийской комиссии Парижской мирной конференции, однако признание независимости Эстонии... было поставлено в зависимость от решения правительства России (т. е. от Верховного правителя – Колчака)» [14, с. 43].

14 августа 1919 г. полковник Гарольд Пири-Гордон, бывший на момент отъезда полковника Стефена Талентса главным комиссаром Британии в Балтийских провинциях, телеграфировал из эстонской столицы председателю Палаты лордов парламента Дж. Керзону о создании нового правительства [18, р. 488–489], а на следующий день в дополнительном послании изложил свое видение ситуации: «создание правительства было совершенно необходимо, чтобы сохранить сотрудничество как можно большего числа войск... Более того, большевики пытаются начать переговоры с эстонским правительством, и я убежден, что если сопротивление на северо-западном фронте остановится из-за прекращения поддержки со стороны Эстонии, эстонцы и большевики придут к соглашению о взаимном признании» [18, р. 495]. В пространном докладе о ситуации в Эстонии от 18 августа Г. Пири-Гордон также предупреждал лорда Керзона и Военный совет о нежелательности признания эстонской независимости прежде, чем правительство Эстонии не даст гарантии поддержки антибольшевистской борьбы: «видя настроение эстонских министров, я настаиваю на том, что безусловное признание эстонской независимости Союзниками сразу же поставит крест на сотрудничестве Эстонии с русскими на Северо-Западе, поскольку министры скажут себе «зачем нам ставить под угрозу нашу популярность, создавая армию для войны между русскими, когда наша независимость уже признана?» [18, р. 504]

Создание правительства Северо-Запада России было негативно воспринято как самими его министрами [9, с. 23], так и представителями российского Политического совещания при Совете Антанты и в ставке Верховного правителя А. В. Колчака, так как противоречило стремлению объединить все белые силы в

России, а также создавало новую труднопреодолимую коллизию во взаимоотношениях белого движения с эстонским правительством, поскольку на территории независимой Эстонии вдруг оказалось правительство чужой страны, которое при этом не заявило о себе как о правительстве в изгнании. Представитель России в Великобритании В. Д. Набоков утверждал, что «...во всех кругах новое правительство вызывает либо негодование, либо смех» [15, с. 55–56], и передал британскому правительству от имени главы Политического совещания С. Д. Сазонова протест [18, р. 513].

Британское правительство и его представители в Совете Антанты были вынуждены признать, что генерал Ф. Марш самовольно произвел в Эстонии «государственный переворот», не согласуя свои действия с высшими властями. Полковнику С. Таллентсу в Таллинн (Ревель) было направлено послание лорда Дж. Керзона с выражением «крайнего удивления произошедшими резкими действиями, предпринятыми нашими представителями без обсуждения и согласия с нами» [18, р. 517]. После заседания Совета в Париже 20 августа 1919 г. генералы Х. Гоф и Ф. Марш были отозваны из Прибалтики. На пути в Париж в Латвии Ф. Марш попытался организовать более масштабный союз против большевиков с привлечением вооруженных отрядов П. Бермонта-Авалова, снабжаемых немцами, однако, снова безуспешно [17].

Позже, когда мирный договор эстонского правительства с большевиками в Тарту уже стал реальностью, в английском парламенте вспомнили этот «милитаристский эстонский эпизод». Член Палаты общин Дж. Кенуорти, военный моряк, на заседании 12 февраля 1920 г. заявил буквально следующее: «Я думаю, что виновные в разжигании войны в России после перемирия [Антанты с Германией – В. М.] и в течение последних шестнадцати месяцев также должны быть привлечены к суду. Я думаю, что большинство из нас доживет до этого. Если я правильно оцениваю настроение народа, то не думаю, что есть какой-либо вопрос, который возбуждает народ нашей страны больше, чем бессмысленная война с Россией» [23, col. 341–342]. 23 февраля другой представитель Палаты общин, подполковник П. Мэлоун, депутат от Лейтона, также осудил действия, направленные на разжигание войны между большевиками и их бывшими губерниями: «В Эстонии находится миссия, которая делает все возможное, чтобы продолжить войну между Эстонией и большевиками. В этом нет никаких сомнений. Эти миссии помогают малым странам вооружаться... И такие интриги продолжаются уже пятнадцать месяцев» [23, col. 1411].

31 августа 1919 г. правительство Советской России передало правительству Эстонии радиограмму с предложением вступить в мирные переговоры «на базисе неуклонного признания независимости Эстляндского государства» [5, с. 242]. Было решено провести переговоры в Пскове, и пропустить делегатов через линию фронта 10 сентября [5, с. 243].

4 сентября 1919 г. эстонские делегаты в Париже проинформировали о советском предложении членов мирной конференции, причем реакция союзников оказалась абсолютно негативной: представители Великобритании угрожали в этом

случае прекратить военные и гуманитарные поставки в Эстонию, а французские – не признавать ее независимость [3, с. 259]. В результате переговоры с большевиками были отложены до 15 сентября под предлогом того, что правительство Эстонии должно провести переговоры с соседними прибалтийскими правительствами и Финляндией. 18 сентября полковник Г. Пири-Гордон сообщил Дж. Керзону, что получил обещание Я. Поска не начинать переговоры с большевиками без разрешения Великобритании [18, р. 558]. Представителям Северо-Западного правительства Я. Поска обещал «симулировать переговоры или повести их так, что большевики откажутся сами» [7, с. 189], однако, требовал как можно быстрее начать новое военное наступление, поскольку долго затягивать мирные переговоры с большевиками он не сможет [6, с. 282]. Земское собрание Эстонии, при этом, по сообщению русской разведки, с энтузиазмом восприняло возможность прекратить военные действия. Оказавшийся на перепутье между настроениями в обществе и внешнеполитическим нажимом, Я Поска был вынужден подать в отставку, его место в правительстве занял А. Пийп.

25 сентября 1919 г. лорд Дж. Керзон сообщил британским представителям в Ревеле, Риге и Ковно, что вопрос о балтийских государствах был пересмотрен в самом широком его аспекте. Независимое существование этих государств фактически уже было признано, но вопрос о признании их независимости де-юре мог быть решен только Мирной Конференцией или Лигой наций. Британское правительство обещало использовать все влияние, чтобы обеспечить удовлетворение чаяний Эстонии, Латвии и Литвы в той мере, в какой это будет соответствовать окончательному и мирному урегулированию в Северо-Восточной Европе. Британское правительство, отмечал Керзон, было поставлено в тупик вопросом, может ли оно продолжать поставлять военные материалы в эти государства. Сокращение имеющихся запасов материальных средств, последовавшее за окончанием войны, и нехватка судов сделали продолжение поставок; однако в случае, если национальная свобода этих государств будет поставлена под угрозу большевистским вторжением, британское правительство было готово пересмотреть свое решение в отношении поставок военных материалов. Точно так же и в отношении предоставления кредита британское правительство не пожелало взять на себя на этом этапе полную финансовую ответственность. Британское правительство, следовательно, считало, что оно не вправе оказывать какое-либо давление на инициативы прибалтийских государств, правительства которых должны сами решать, следует ли им заключать какие-либо соглашения с советскими властями, и если они решат действовать совместно, то эффективный контроль над ситуацией должен был быть исключительно в их власти [21]. Руководствуясь этими соображениями министерства иностранных дел, британский Генеральный штаб 3 октября издал Меморандум, озаглавленный: «Использование русской Северо-Западной армии в случае заключения Балтийскими странами мира с большевиками». Военные предлагали перевести в этом случае боеспособные силы и штаб генерала Н. Н. Юденича в распоряжении генерала А. И. Деникина на юг России [18, р. 610].

Телеграфируя из Ревеля 2 октября 1919 г., полковник С. Таллентс сообщал, что в Дерпте 29 сентября началась и 1 октября закончилась балтийская конференция. На ней присутствовали представители трех балтийских государств и Финляндии. Была согласована программа, требующая ратификации в течение шести дней. Было решено, что Эстония, Латвия и Литва должны сообщить большевистскому правительству о своем желании заключить предварительный мирный договор, но дата предварительных переговоров не будет установлена до тех пор, пока финский сейм не даст свое решение, которое, как было решено, должно быть сделано к 23 октября. Далее было решено, что самоопределение и, как следствие, суверенная независимость Эстонии, Латвии и Литвы должны быть признаны большевиками. То же самое право на самоопределение должно быть признано за финнами Архангельского и Олонецкого правительств, а также, насколько это было возможно, за эстонскими и финскими жителями Ингерманландии. Большевики должны далее согласиться:

(1) не проводить и не поощрять большевистскую пропаганду ни в одном из четырех государств и

(2) установить нейтральную зону, управление которой должно быть организовано державами Антанты, которые также должны были бы контролировать, непосредственно или через Лигу наций, выполнение любого договора, который мог бы быть заключен. Четыре государства также согласились с тем, что ни одно из них не должно рассматривать вопрос о сепаратном мире, если до начала переговоров между ними была заключена военная конвенция [20].

1 октября 1919 г. ноту с предложением начать в конце октября «предварительные переговоры» о переговорах о мире в Тарту эстонское правительство передало народному комиссару иностранных дел Советской России Г.В. Чичерину. 6 октября Чичерин сообщил о нежелании своего правительства затягивать начало переговоров и предложил провести их в столице Эстонии, начиная с 12 октября [5, 254–255]. Правительство Эстонии, верное обещанию затягивать переговоры с большевиками, ответило на телеграмму Чичерина лишь 14 октября. В этой ноте МИД Эстонии требовал до заключения мира признать независимость «Эстляндии, Латвии и Литвы, затем установление нейтральной зоны и обязательства Советского правительства касательно недопущения большевистской пропаганды в балтийских странах» [5, с. 256].

Тем временем, 9 октября 1919 г. с территории Эстонии началась наступательная операция белой Северо-Западной армии на Петроград. «В ходе подготовки к наступлению Северо-Западная армия получила значительную помощь от стран Антанты боеприпасами и вооружениями. Среди прочего, от Британии были получены 6 танков Mk-V» [11, с. 107]. На этом фоне 10 октября британский представитель в Прибалтике заверил эстонское правительство в том, что «сейчас в критический и решающий момент, когда Эстония вместе с другими балтийскими странами закладывает прочный фундамент своего будущего, правительство Его Британского Величества единственное продолжает поддерживать их своими советами и рекомендациями. Этот факт дает британской нации несомненное право

озвучивать свои пожелания по всем важным вопросам, касающимся эстонской национальной жизни и вызывает не только к чувству благодарности эстонского народа британской нации, но и требует защиты политических и экономических привилегий Великобритании на территории Эстонской республики» [18, р. 590]. По сути, англичане требовали от Эстонии полного подчинения и, как следствие, поддержки всех сил, которых поддерживает британское правительство.

Такая двойственная позиция политиков вызвала определенные вопросы в английском парламенте. В Палате общин на заседании 22 октября 1919 г. полковник Джозайя Веджвуд, член Либеральной партии, попросил подтвердить заявление британского кабинета относительно свободы правительства Эстонии и других прибалтийских государств вести мирные переговоры с большевиками и «не будет ли со стороны Союзных держав препятствий этому» [22, col. 13]. Заместитель министра иностранных дел Великобритании и бывший министр по делам большевистской блокады Сесил Хармсворт ответил, что балтийские правительства поставили представителей Его Величества в известность о своем желании «рассмотреть вопрос об открытии мирных переговоров с русским Советским правительством. Никаких шагов по препятствию таким переговорам со стороны Союзных держав не предполагается, и они будут свободным решением самих договаривающихся государств» [22, col. 14].

После быстрых успехов наступления Северо-Западной армии, взятия 16 октября Гатчины и Красного Села под Петроградом, где были даже захвачены 6 большевистских аэропланов [16, с. 219], Красная армия сумела сперва выстроить оборону колыбели революции, а 23 октября перешла в наступление. Эстонские вооруженные силы в ходе белого наступления практически бездействовали, охраняя главные пути к своей границе – от Пскова к Нарве и вдоль линии Финского залива. Это было отмечено и руководством Красной армии в директиве от 17 октября: «Армия Юденича зарвалась. Его удар на Петроград не поддерживается ни Эстонией, ни Латвией» [4, с. 393]. 25 октября 1919 г., когда стало ясно, что наступление белых под Петербургом провалилось, эстонский МИД направил ноту, формально в качестве ответа на советское предложение от 6 октября: «...Эстонское Правительство не изменило своего отношения к вопросу о мире, и было бы готово вступить в переговоры после 25 октября. О точной дате встречи сообщим возможно скорее» [5, с. 256]. 26 октября Г. В. Чичерин телеграфировал А. Пийпу, попросив разъяснений «почему военные действия ваших войск происходят на территории, являющейся несомненно нашей» [5, с. 267–268]. Для нажима на эстонское правительство «6 ноября Политбюро ЦК РКП (б) приняло постановление, которое разрешало красноармейским частям вступать на территорию Эстонии для завершения разгрома белых» [11, с. 108].

9 ноября 1919 г. «эстонское правительство провело заседание, посвященное обсуждению советских мирных предложений и судьбы белых сил. Было решено прекратить все военные связи с Северо-Западной армией, на территорию Эстонии ее части не допускать, а солдат, перешедших границу – разоружать» [7, с. 207–208]. Военный министр Эстонии Йозеф Лайдонер оправдывал решение правительства

тем, что сам факт нахождения русских солдат на территории Эстонии возбудит недовольство населения, возможно, начнутся вооруженные конфликты [24, лк. 424]. В тот же день Г. В. Чичерин ответил А. Пийпу о согласии начать переговоры в означенный им срок, а 16 ноября в Ревеле состоялась личная секретная встреча Пийпа и уполномоченного советского НКВД М. М. Литвинова [3, 286].

Несмотря на миролюбивые заявления английского правительства и настроения в парламенте, британский флот продолжал находиться в Балтике и поддерживать наступление белых и эстонских сил на Петроград. Полковник Дж. Веджвуд на заседании Палаты общин 3 ноября 1919 г. в довольно оригинальной форме поставил вопрос о действиях британского флота в Балтике: «какие приказы будут отданы командующему флотом в Балтике адмиралу относительно использования британского флота против невооруженных русских или вооруженных русских, их судов, укреплений, которые не нападают на флот Британии?» [22, col. 1118]. Первый лорд Адмиралтейства Уолтер Лонг ответил, что «адмирал получил приказы применять силу в случае необходимости для предотвращения агрессии большевистских сил против балтийских стран и содействовать всеми средствами тем вооруженным силам, чьи страны воюют в согласии с целями Верховного Совета Антанты» [22, col. 1118].

Ввиду начавшихся переговоров с большевиками и возможных осложнений с державами, в эстонском правительстве произошла смена правительства. 18 ноября 1919 г. правительство социалиста Оскара Штрандманна подало в отставку. В новоизбранном коалиционном правительстве премьер-министром стал Яане Тыниссон, министром иностранных дел – Адо Бирка [3, с. 287]. Йозеф Лайдонер был заменен на посту военного министра Августом Ханко, который полностью прекратил связи с разгромленными и отступившими на территорию Эстонии белыми силами и приказал главнокомандующему белых сил генералу Н. Н. Юденичу начать разоружение армии.

19 ноября 1919 г. на заседании эстонского правительства было принято решение начать 1 декабря сепаратные переговоры о мире с Советской Россией без привлечения Латвии, Литвы и Финляндии. Я. Тыниссон, при этом, заявил, что «если Эстония не получит от Антанты признания де-юре и значительной военной помощи... придется принять пограничные условия большевиков» [3, с. 294]. 27 ноября эстонское правительство официально оповестило советское о согласии на начало мирных переговоров 2 декабря и назначении Я. Поска главой эстонской делегации [5, с. 300]. Главой делегации Советской России стал член Реввоенсовета Л. Б. Красин. 5 декабря в Тарту в режиме закрытых дверей мирные переговоры были открыты.

В своей речи открытии мирной конференции 5 декабря глава русской делегации Л. Б. Красин заявил, что «правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики склонно идти на весьма значительные уступки, если только ценою их может быть обеспечен действительный прочный мир...» [5, с. 303–304]. Основными условиями мирного соглашения стали признание независимости друг друга обоими государствами, ликвидация состояния

войны, от Эстонии требовалось гарантия прекращения союзных отношений с государствами и правительствами, воюющими с Советской Россией и интернирование и разоружение белых сил на территории Эстонии. Основные споры на переговорах вызвал пограничный вопрос [10, с. 35–43].

15 декабря переговоры были прерваны советской стороной для консультаций с Москвой. Л.Б. Красин передал главенство на переговорах А. А. Иоффе. 18 декабря Г. В. Чичерин телеграфировал Иоффе в Тарту: «Логика взаимных опасений и вытекающих из них мероприятий может повести к новому столкновению, для нас нежелательному; мы должны рассеять опасение эстонцев и в то же время показать, что мы хотим немедленного мира...» [5, с. 310–311]. После этого Чичерин дал указание согласиться на уступку Эстонии в вопросе о пограничных территориях, и, добившись гарантий разоружения белых сил, как можно быстрее остановить боевые действия [5, с. 311]. 22 декабря заседания мирной конференции возобновились. 31 декабря 1919 г. был подписан договор о перемирии и приостановке военных действий на семь суток между Эстонией и Советской Россией.

14–16 января 1920 года Верховный Совет Антанты провел ряд заседаний, на которых рассматривался вопрос об эффективности экономической блокады России. «На первом из заседаний Д. Ллойд-Джордж заявил: «...с точки зрения обмена и цен русские поставки жизненно необходимы». «16 января Совет принял решение о возобновлении торговых отношений с русскими посредством частных кооперативов, без участия правительства. Снятие блокады дало Эстонии ясный знак того, что мир с Советами не будет рассматриваться союзниками враждебно. 25 января на заседании эстонского правительства было принято решение подписать мир» [7, с. 219–220], и в Тарту представителям России было выслано соответствующее распоряжение. Параллельно прошло совещание Балтийских стран в Финляндии, на котором было заявлено, что «отношения с Советской Россией должны быть урегулированы, насколько это было возможно, в согласии с Антантой, однако, с учетом условий, жизненно важных для жизни отдельных государств... Жизненные интересы этих государств не должны быть принесены в жертву России, но и русский народ может создать свою собственную политическую жизнь» [21].

Британские лидеры на этот раз восприняли мирные инициативы Эстонии и Советов более позитивно, чем в начале осени. На заседании Имперского военного совета 27 января 1920 г. было принято министерское заключение, в котором говорилось: «наша политика в будущем должна состоять не в том, чтобы поощрять народы на границах России к борьбе с большевиками, а в том, чтобы советовать им заключить мир с Советским правительством, и мы ни в коем случае не должны делать ничего, что могло бы помешать им прийти к соглашению с этим правительством. В поддержку этой политики говорит то, что большевики, в конце концов, практически ничего не выиграют от захвата Польской Германии, Венгрии, Персии, Румынии, или даже Кавказа, за исключением того, что они могут получить контроль над нефтяными месторождениями в последнем регионе. Эти страны не могут предложить большевистским армиям ничего, кроме голода и тифа...» [19].

2 февраля 1920 года состоялось торжественное подписание мирного договора между правительствами РСФСР и Эстонской республики [5, с. 339–352].

В английском парламенте, в первую очередь, в демократической Палате общин приветствовали заключение мира в Прибалтике, несмотря на то, что некоторые депутаты желали продолжения войны с большевистским режимом в России. На заседании Палаты общин 10 февраля 1920 г. против агрессивной политики выступил премьер-министр Д. Ллойд-Джордж сказал: «Я уверен, что каждый в этой Палате понимает, что невозможно восстановить Европу, не принимая в расчет ресурсы России и силу России. Большевистские армии более грозные, более многочисленные, они имеют лучшее снабжение, имеют лучшее руководство и они лучше дисциплинированы. Здесь [в России] имеется много конфликтующих сил, чтобы продолжить гражданскую войну, идущую там в течение целого поколения, но кому это выгодно? Вы же не хотите превратить большевизм в милитаризм. Разве это то, чего хочет Европа? Но это будет неизбежно. Военная каста большевиков будет становиться все сильнее и сильнее, получит более твердую власть и обеспечит полный контроль над страной. Тогда вам действительно придется иметь дело с очень сложной ситуацией в Европе, как это было после якобинской революции во Франции...

Противники могут сказать: «если вы не сокрушите большевизм, большевики вторгнутся в Польшу и Центральную Европу и растопчут их. Но давайте посмотрим на факты. Россия пережила пять с половиной лет страшной войны. Она потеряла на ней миллионы людей и, вероятно столько же погибло в гражданской войне. Может ли нынешняя Россия вести войну за пределами своей территории? У нее нет транспорта. У нее нет вооружений...Она использует очень мало тяжелой артиллерии. У нее нет того, что необходимо, чтобы форсировать хотя бы километр линии фронта, подобного тому, что был у нас во Франции. Россия не может с имеющимся в ее распоряжении вооружением организовать армию, которая представляла бы угрозу для Западной Европы» [23, col. 40, 42–44].

Д. Ллойд Джордж довольно критично высказался и о действиях белых войск во время их наступления на Москву летом 1919 г.: «...нет сомнений, что по ряду причин, в которые я не буду вдаваться, Добровольческая армия в период своей оккупации значительных территорий Южной России вызвала к себе враждебность местного населения... я уверен в том, что большевики в своем новом наступлении учтут прошлые промахи, которые они совершили, взяв власть в первый раз, и не станут повторять их и восстанавливать против себя население» [23, col. 40-41].

Особенно негативно к военным действиям против Советской России относились депутаты от лейбористов. На заседании Палаты общин 12 февраля 1920 г. депутат Дж. Кенуорти, осуждая вопрос о возобновлении торговых отношений с большевиками, запросил премьера о том, «разрешено ли британским торговым представителям отправлять товары в эстонские порты для продажи в Советской России; запрещают ли это делать нейтральным торговцам; разрешают ли британским представителям ездить в Советскую Россию для осмотра товаров с целью покупки и ведения других дел; запрещают ли нейтральным торговцам ездить

с аналогичной целью; разрешена ли теперь торговля с Одессой?» [23, col. 211–213] При этом, в последующей дискуссии лейтенант-командор в предельно рациональном тоне указал, что «мы предполагаем, что хотим получить российские товары не для блага русского народа, а для нашей собственной выгоды...» [23, col. 342–343].

23 февраля 1920 г. милитаристская политика получила еще один отпор в Палате общин. Подполковник П. Мэлоун, депутат от Лейтона, в резком тоне раскритиковал попытки военного министерства подтолкнуть эстонское правительство к продолжению войны с большевиками. «Как сообщил нам сегодня один уважаемый член Совета Антанты, на прошлой неделе в Ревель было отправлено пять миллионов патронов. Были ли эти боеприпасы посланы с целью нападения на Россию? Было ли оно отправлено в соответствии с какой-то секретной сделкой? Было ли это сделано для того, чтобы способствовать делу мира в этом мире? Мы имеем право знать, с какой целью эти боеприпасы были отправлены в Ревель... 27 ноября в Ревеле состоялась конференция французских, английских и американских представителей, на которой они выработали общую политику и представили ее эстонскому правительству, выдвинув требования, которые были равносильны требованиям проведения агрессивной политики против русских... Мы не можем пройти мимо вопроса о прибалтийских государствах, не поздравив эту доблестную маленькую страну, Эстонию. При всех внутренних трудностях и внешних интригах, при всех низких, подрывных действиях извне, у этой страны хватило государственного ума и морального присутствия духа, чтобы заключить мир... по моему мнению, и по мнению очень многих уважаемых членов парламента, мы должны положить конец политике уколов булавок и политике риторических оскорблений, не только в нашем парламенте, но и в целом в стране... Настало время правительству взглянуть в лицо фактам и реалиям ситуации, касающейся нашей российской политики. У нашей страны есть моральный долг в Европе, и он заключается в том, чтобы нести мир, а все эти речи, коммюнике и другие действия являются одними из главных причин нарушения мира, из-за которых многие миллионы погибли в Великой войне» [23, col. 1411].

Тем не менее, официальное признание независимости Эстонии мировым сообществом продолжало оставаться делом будущего. Договор эстонского правительства с большевиками был резко отрицательно воспринят многими влиятельными политиками Западной Европы и США. 7 июля 1920 г. независимость Эстонии была признана Финляндией. Страны Антанты сделали это еще через год. Лишь в сентябре 1921 г. Эстония в качестве независимого государства была принята в Лигу Наций.

Список использованных источников и литературы

1. Архив русской революции. Т. 1. Берлин: Слово, 1921. 316 с.
Arkhirv russkoi revoliutsii. T. 1. Berlin: Slovo, 1921. 316 s.
2. Валге Я. Фазы независимости Эстонии 1905-1925 гг. // Прибалтийские исследования в России. 2017–2018. Сборник статей по итогам международной научной конференции «Войны и революции 1917–1920: становление государственности Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы»

(г. Санкт-Петербург, 23-25 октября 2017 г.). М.: Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2018. 192 с. С. 51–63.

Valge Ia. Fazy nezavisimosti Estonii 1905-1925 gg. // Pribaltiiskie issledovaniia v Rossii. 2017–2018. Sbornik statei po itogam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Voiny i revoliutsii 1917–1920: stanovlenie gosudarstvennosti Finliandii, Estonii, Latvii i Litvy» (g. Sankt-Peterburg, 23–25 oktiabria 2017 g.). М.: Assotsiatsiia knigoizdatelei «Russkaia kniga», 2018. 192 s. S. 51–63.

3. Граф М. Эстония и Россия 1917–1991: анатомия расставания. Таллинн: Арго, 2007. 536 с.

Graf M. Estoniya i Rossiya 1917–1991: anatomiya rasstavaniya. Tallinn: Argo, 2007. 536 s.

4. Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). Сб. документов. М.: Военное изд-во Министерства обороны СССР, 1969. 884 с.

Direktivy Glavnogo komandovaniia Krasnoi Armii (1917–1920). Sb. dokumentov. М.: Voennoe izd-vo Ministerstva oborony SSSR, 1969. 884 s.

5. Документы внешней политики СССР. Т. 2. (1 января 1919 г. – 30 июня 1920 г.). М.: Гос. изд-во политической лит-ры, 1958. 804 с.

Dokumenty vneshnej politiki SSSR. T. 2. (1 yanvarya 1919 g. – 30 iyunya 1920 g.). М.: Gospolitizdat, 1958. 804 s.

6. Кирдецов Г. У ворот Петрограда (1919–1920 гг.). Берлин: Изд-во «Петроград», 1921. 365 с.

Kirdetsov G. U vorot Petrograda (1919–1920 gg.). Berlin: Izd-vo «Petrograd», 1921. 365 s.

7. Кочегаров С. А. Военно-политические аспекты становления независимого Эстонского государства (1917–1920 годы): дисс... канд. ист. наук. СПб., 2018. 256 с.

Kochegarov S. A. Voенно-politicheskie aspekty stanovleniia nezavisimogo Estonskogo gosudarstva (1917–1920 gody): diss... kand. ist. nauk. SPb., 2018. 256 s.

8. Кочегаров С. А. Отношение Эстонии к созданию Северо-Западного правительства и подготовке наступления Н. Н. Юденича на Петроград в августе – сентябре 1919 г. // Клио. № 2017. 9(127). С. 128–135.

Kochegarov S. A. Otnoshenie Estonii k sozdaniiu Severo-Zapadnogo pravitel'stva i podgotovke nastupleniia N. N. Iudenicha na Petrograd v avguste – sentiabre 1919 g. // Klio. 2017. № 9(127). S. 128–135.

9. Кузьмин-Караваев В. Д., Карташев А. В., Суворов М. Н. Образование Северо-Западного правительства. Гельсингфорс: Акц. об-во «Аваунд и Петтерссон», 1920. 48 с.

Kuzmin-Karavaev E, A. V. Kartashev, M. Suvorov N. Obrazovanie Severo-Zapadnogo pravitel'stva. Gel'singfors: Akts. Obschestvo Avaund i Pettersson, 1919. – 48 s.

10. Маттисен Э. Эстония – Россия: История границы и ее проблемы. Таллинн: Ило, 1995. 209 с.

Mattisen E. Estoniia – Rossiia: Istoriia granitsy i ee problemy. Tallinn: Ilo, 1995. 209 s.

11. Михайлов А. А., Михайлов В. В. Крах планов командования Северо-Западной армии по захвату Петрограда в 1919 г. (по материалам архивов России и Эстонии) // Материалы международной научно-практической конференции «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг.». (Москва, 24–25 мая 2016 г.) М.: ЦМВС РФ, 2016. С. 102–110.

Mihajlov A. A., Mihajlov V. V. Krah planov komandovaniya Severo-Zapadnoj armii po zahvatu Petrograda v 1919 g. (po materialam arhivov Ros-sii i Ehstonii) // Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferentsii «Istoriya Grazhdanskoj vojny v Rossii 1917–1922 gg.». (Moskva, 24-25 maya 2016 g.) М.: CMVS RF, 2016. Ss. 102-110.

12. Переписка с Северным Бюро печати о борьбе в Эстонии. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб, Санкт-Петербург) Ф. Р-485. Оп. 1. Д. 9. Л. 29.

Perepiska s Severnym Biuro pechati o bor'be v Estonii. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga (TsGA SPb, Sankt-Peterburg) F. R-485. Op. 1. D. 9. L. 29.

13. Розенталь Р. Северо-Западная армия: хроника побед и поражений. Таллинн: Арго, 2012. 692 с.

Rozentalj R. Severo-Zapadnaya armiya. Khronika pobed i porazheniy. Tallinn: Argo 2012. 692 s.

14. Рупасов А. Становление независимости Эстонии: надежды и скепсис. 1905–1925 гг. // Прибалтийские исследования в России. 2017–2018. Сборник статей по итогам международной научной конференции «Войны и революции 1917–1920: становление государственности Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы» (г. Санкт-Петербург, 23–25 окт. 2017 г.). М.: Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2018. С. 38-50.

**РЕАКЦИЯ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ И ПАРЛАМЕНТЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
НА СОВЕТСКО-ЭСТОНСКИЕ МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ В 1919–1920 ГГ.**

Rupasov A. Stanovlenie nezavisimosti Estonii: nadezhdy i skepsis. 1905–1925 gg. // Pribaltiiskie issledovaniia v Rossii. 2017–2018. Sbornik statei po itogam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Voiny i revoliutsii 1917–1920: stanovlenie gosudarstvennosti Finliandii, Estonii, Latvii i Litvy» (g. Sankt-Peterburg, 23–25 okt. 2017 g.). M.: Assotsiatsiia knigoizdatelei «Russkaia kniga», 2018. S. 38–50.

15. Субботовский И. Союзники, русские реакционеры и интервенция. Л.: тип. газеты «Вестник Ленинградского Совета», 1926. 328 с.

Subbotovskii I. Soiuzniki, russkie reaktsonery i interventsiia. L.: tip. gazety «Vestnik Leningradskogo Soveta», 1926. 328 s.

16. Хайрулин М.А. Авиация Северо-Западной армии (октябрь 1918 – январь 1920 гг.) // Белая гвардия. Альманах. № 7, 2003. С. 213–220.

Khairulin M.A. Aviatsiia Severo-Zapadnoi armii (oktiabr' 1918 – ianvar' 1920 gg.) // Belaia gvardiia. Al'manakh. № 7, 2003. S. 213-220.

17. Anderson E. Towards the Baltic Union: the initial Phase // Lithuanian Quarterly Journal of Arts and Science. Vol. 14, No 1. Spring 1968. // [Электронный источник]: URL: www.lituanus.org/1968/68_1_02_Anderson.html (дата обращения 01.09.2020).

Anderson E. Towards the Baltic Union: the initial Phase // Lithuanian Quarterly Journal of Arts and Science. Vol. 14, No 1. Spring 1968. // [Elektronnyj istochnik]: URL: www.lituanus.org/1968/68_1_02_Anderson.html (data obrashcheniya 01.09.2020).

18. Documents on British Foreign Policy 1919–1939. First Series. Vol. III. London: His Majesty Stationary Office, 1919. 910 p.

19. Conclusions of a conference of ministers held at 10 Downing Street, S.W. on Tuesday, January 27th, 1920, at 11.30 a.m. // National (British) Archives. Imperial War Cabinet (NA IWC, Kew). Сав 23/20. Original References CC 1–17 (1920).

20. The Baltic States. Attitude of His Majesty's Government in regard to these States // National (British) Archives. War Cabinet (NA WC, Kew). Cab 24/154. Original Reference Foreign Countries Reports 1919–1921. No 1. 8th October 1919.

21. The Baltic. Border State Conference. Lord Acton telegraphing from Helsingfors on 26th January // NA WC. Cab 24/154. Original Reference Foreign Countries Reports 1919-1921. No. 9. 28th January 1920.

22. Parliamentary Debates. Fifth series. Volume 120. First Session of the Thirty First Parliament of the United Kingdom of Great Britain & Ireland. 10 George V. House of Commons. Ninth Volume of Session 1919. Comprising Period from Wednesday, 22th October, to Friday, 7th November, 1919. London, 1919.

23. Parliamentary Debates. Fifth series. Volume 125. Second Session of the Thirty First Parliament of the United Kingdom of Great Britain & Ireland. 9 George V. House of Commons. First Volume of Session 1920. Comprising Period from Tuesday, 10th February, to Friday, 27th February, 1920. 10th February, 1920.

24. Rosental R. Laidoner – väejuht. Tallinn: Argo, 2008. 691 p.

25. Ullman R. H. Anglo-Soviet Relations, 1917–1921. Vol. 2. Britain and the Russian Civil War, November 1918 – February 1920. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1968. 392 p.

Kochegarov S. A., Mikhailov V. V. Reaction in government and parliament of Great Britain on Soviet-Estonian peace negotiations in 1919-1920

The article focuses on the contradictions in the British regarding the continuation of military operations against the Soviet Republic at the end of 1919 and the participation of Estonia in the White struggle. Documents of British archives, and transcripts of proceedings of Parliament shows that after a series of military setbacks of the White forces, and the failure of formation with the direct pressure from the British military advisers of the government of the North-West Russia to create anti-Bolshevik coalition under the political control of the British commissioners in the Baltic countries, the mood in Parliament and the War Cabinet of Britain has changed. Speeches of liberal members of Parliament at the meetings of 1919-1920, note that the issue of concluding a Bolshevik-Estonian peace Treaty has become positively evaluated in wide circles of British society. Criticism of the «militarism» of the government became particularly acute after the peace of Tartu in January 1920, and the firmness of the Estonian government, which had making peace, was

welcomed by a number of deputies. Minutes of meetings of the British Imperial War Cabinet and documents of the War Council also shows a shift from the policy of active involvement of the Baltic countries in the anti-Bolshevik struggle to recognition of the failure of this struggle and the impossibility of its revival by spending the financial and material resources, which were strongly necessary to solve other problems that arose in the British government after the end of the First world war.

Keywords: Great Britain's policy towards Estonia, the Republic of Estonia, the government of the North-West Russia, Tartu Peace Treaty 1920, J. Poska, A. Piip, F. Marsh.

УДК 93/94

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-3-72-86

ПАМЯТНИКИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА НА ДВУХ СТАРЫХ БАХЧИСАРАЙСКИХ КЛАДБИЩАХ

Лейбенсон Ю. Т.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: BeyleGamarnik@yandex.ru*

Рассмотрены надгробные памятники и эпитафии XIX – начала XX века двух некрополей Бахчисарая – кладбища по ул. Партизанской и в Русской слободке. Они представляют собой яркий пример провинциальных христианских некрополей. Описаны история исследования некрополей, их текущее состояние и проблемные вопросы охраны. Уточнено время основания Бахчисарайского гражданского некрополя по ул. Партизанской – не позднее 1813 г. Приводятся наиболее интересные эпитафии, свидетельствующие о греках-служащих Балаклавского Греческого пехотного батальона, участниках Крымской войны. Даны переводы греческих эпитафий, в том числе, составленных в честь выходцев из Трапезунда и о. Хиос. Рассмотрены эпитафии, отражающие социальный статус, чины государственной гражданской службы погребенных в Бахчисарае. Проанализированы практики использования «ассортиментных» эпитафий и заимствований стихотворных текстов эпитафий на поздних надгробиях. Рассмотрены распространенные и редкие формы надгробных памятников.

Ключевые слова: некрополь, эпитафии, крымские греки, Крымская война.

Одним из ценнейших, однако иногда незаслуженно игнорируемых исследователями, групп источников по истории Крыма XIX – начала XX века, являются памятники некрополей. Они дают возможность проследить этноконфессиональный состав населения, его социальное положение и занятия. Кроме того, памятники некрополей характеризуют культурный фон эпохи.

С этой точки зрения весьма интересны два некрополя в г. Бахчисарае – Бахчисарайское гражданское кладбище по ул. Партизанской и некрополь в Русской слободке. В XIX – начале XX вв. они представляли собой яркий пример провинциальных христианских некрополей, в памятниках которых отражены как общероссийские веяния, так и местный колорит.

Некрополь по ул. Партизанской является до сих пор действующим и посещаемым. Наиболее ранние его памятники относятся к 1810-м гг., притом они были поставлены грекам. Кладбище устраивалось как христианское, практически все фамилии до 1920-х гг. – греческие или русские. В советский период это был гражданский общегородской некрополь, погребенными становились русские, украинцы, греки, евреи. Последние захоронения относятся к 2010-м годам. Единственным памятником этого некрополя, охраняющимся как объект культурного наследия регионального значения, признан склеп-часовня семьи Михайли (постановление Совета министров Республики Крым № 627 от

20.12.2-16 г.; № 1071), вся же территория кладбища специальной охране не подлежит и находится, в целом, в неудовлетворительном состоянии.

Впервые несколько надгробий Бахчисарайского гражданского кладбища опубликовал В. И. Чернопятов в 1910 г. [18, с. 21, 23, 46, 188, 203, 272]. Два надгробия, поставленные в начале XX в. выходцам из Трапезунда, заинтересовали А. Л. Якобсона, опубликовавшего их в 1981 г. [20, с. 47–49]. Полноценное обследование всей территории некрополя выполнил краевед В. Н. Борисов в 2016 г. Им были выявлены и реставрированы несколько памятников: участника Крымской войны И. С. Поцуева, советских партизан, подпольщиков¹[4, с. 1, 7–8]. Однако исследователь сделал неверный вывод касательно датировки кладбища, отнеся его появление ко второй половине XIX в. На самом же деле, наиболее ранние памятники (по крайней мере, те, чья сохранность позволяет установить дату) относятся к 1813 г. и 1814 г. Тем не менее исследование В. Н. Борисова остается на сегодня ценным свидетельством о состоянии некрополя и наиболее значимых его памятниках, особенно о тех, которые касаются военного и послевоенного периода.

Русская слободка (ул. Пушкина), до 1778 г. называвшаяся Эрмени-маале (Армянским кварталом), была местом проживания христианского населения Бахчисарая – греков и армян. От этой эпохи частично сохранились руины армянского позднесредневекового храма и несколько надгробий армянского кладбища [7]. После 1783 г. здесь формируется русский квартал. История некрополя начинается позднее – с братских могил времен Крымской войны. В 1896 г. над большой братской могилой была возведена часовня в честь архангела Михаила. Часовня имеет пирамидальную форму, построена по образцу Свято-Никольского храма на Братском кладбище Севастополя. Некрополь действовал более столетия – последние захоронения относятся к 1960-м годам. В последней четверти XIX – нач. XX в. здесь преобладали русские и греческие памятники. Часовня вместе с братской могилой являются памятником истории регионального значения (Постановление Совета министров Республики Крым № 627 от 20.12.2016 г., регистрационный номер объекта – 1084) и находятся на учете в Бахчисарайском историко-культурном и археологическом музее-заповеднике. Сегодня вопрос охраны некрополя, ухода за ним и его изучения затруднен рядом факторов, в том числе, юридическим и финансовым. Кроме того, на нем находится ряд родовых захоронений (живы потомки нескольких семей). Это накладывает на автора ограничения при публикации некоторых памятников некрополя, поэтому в отдельных эпитафиях из Русской слободки имена погребенных приводиться не будут.

Наиболее ценный материал двух рассматриваемых некрополей – это, безусловно, эпитафии. Так, в них содержатся сведения о крымских греках², особенно интересны эпитафии служащих Греческого Балаклавского пехотного

¹ А именно: комсомольцев-подпольщиков А. М. Прокоповича, Е. И. Сереженко, разведчицы И. А. Козловой, партизана Б. А. Эргле, комсомолки А. Н. Белодед.

² Это новое греческое население Крыма, происходившее из Мореи, островов Архипелага, Малой Азии, Фракии. Оно, можно сказать, пришло на смену крымским грекам, выселенным в Приазовье в 1778 г. Из последних лишь немногие смогли вернуться в Крым в начале XIX в. [1; 2, с. 208].

батальона, в том числе, участников Крымской войны. Первоначально Греческий полк был сформирован в 1779 г. Его составили выходцы из Османской империи, перешедшие на русскую службу. До 1783 г. полк располагался в Керчи и Еникале, с 1784 г. переведен в Балаклаву. В 1797 г. указом императора Павла I пехотный полк преобразован в Балаклавский Греческий пехотный батальон (3 роты, 396 человек) [2, с. 650; 6, с. 38–39]. В годы Крымской войны Балаклавский Греческий батальон оборонял Балаклаву и Южный берег Крыма. После Крымской войны, в 1859 г., батальон был расформирован [6, с. 38–39].

В 1835 г. упокоился на Бахчисарайском гражданском кладбище (по ул. Партизанской) кладбище по прапорщик Греческого пехотного батальона. Его эпитафия сообщает:

«INBI|NK KA|ENΘADE KYTETE O ΔΟΥΛΟΣ ΤΟΥ|ΘΕΟΥ ANTONION TENED
ΓΙΟΣ|ΠΡΑΠΟΡΙ 3 ΙΚΟΣ ΤΟΥ ΓΡΕΚΙΚΟΥ|ΜΠΑΤΑΛΙΟΝΙΟΥ ΕΓΕΝΙΘΙ-
1797|ΓΕΝΑΡΙΟΥ 14 ΕΝΤΑΦΙΑΣΘΗ 15|ΤΟΥ Ε·1835 ΑΠΡΙΛΙΟΥ 25».

Перевод: И(исус) Н(азорей) Ц(арь) И(удейский) побеждает. Здесь покоится раб Божий Антонион, сын Тенеда(?), прапорщик 3 роты Греческого батальона. Родился в 1797 января 14. Погребен 15 в г. 1835, апреля 25.

В эпитафии Антониона предпринята попытка передать русские слова «батальон» и «прапорщик» в греческой графике¹. При этом подразделение батальона передано словом ΙΚΟΣ (предположительно, так передано слово οίκος). Вероятнее всего, имелась в виду 3-я рота: из трех рот батальон состоял до 1814 г., а в 1814 г. к нему была добавлена четвертая. Третья рота называлась «ротой Васильева», так как в конце XVIII в. ею командовал Христофор Васильев, уроженец Морей. Командир роты служил в Крыму уже в 1774 г., затем принимал участие в штурме Очакова, воевал в Польше и во Франции [14, с. 180–182].

На этом же некрополе позднее был погребен участник Крымской войны, также служащий Греческого батальона. Эпитафия его составлена на русском языке:

«Здѣсь покоится тѣло | Бала: баталіона редавой | Дмитрія сынъ Самніонинъ Іго |
Ноября скончалось 1855 го: | Отъ роду Ему 25 годъ».

Сокращение «Бала:» – очевидно, от «Балаклавского».

Неподалеку от этой могилы установлен памятник еще одному участнику Крымской войны, но уже русского по происхождению:

¹ Если слово ΜΠΑΤΑΛΙΟΝΙΟΥ не вызывает никаких затруднений, то несколько сложнее с контекстом, в котором дано слово ΠΡΑΠΟΡΙ. Конструкция ΓΙΟΣ ΠΡΑΠΟΡΙ, кажется, допускает, что имеется в виду «сын прапорщика». У воина Греческого батальона в 1797 г. потомство могло появиться уже в Крыму, известно, что такие «служилые дети» сами заступали на службу в 1820-30-х гг. [14, с. 180–182]. Однако нам представляется, что раз резчик справился с родительным падежом слова «батальон», от него логично было бы ожидать генетива и в данном случае, например, ΓΙΟΣ ΤΟΥ ΠΡΑΠΟΡΟΥ. Поэтому мы склонны считать прапорщиком самого покойного, а слово «сын» – частью конструкции TENED ΓΙΟΣ. Такая фамилия известна в Бахчисарае в конце XIX в.: один из членов семьи Тенеда упокоился на кладбище в Русской слободке в 1889 г. Еще одно неясное место в надписи – два числа, 15 и 25 в дате погребения, что могло быть вызвано ошибкой резчика.

«Бомбардиръ| севастопольской| обороны| 1854-1855 г.| Иоанн Самсоновичъ| Поцуевъ| умеръ 25 октября 1889 г.| от роду 90 лѣтъ.| мир праху твоему| от сына».

Воином Греческого Балаклавского батальона или, по крайней мере, членом семьи грека на службе у России мог быть Пантелеймон Триандафил. В «Послужных списках Балаклавских греков» упоминаются архипелагские греки, сержанты Ставро и Засим Триандафил, служившие в 1770-90-х гг. [16, с. 200, 204]. Памятник Пантелеймону установлен на кладбище в Русской слободке. Эпитафия не содержит даты, но судя по окружающим надгробиям, это последняя четверть XIX в.:

«ΜΕΘ ΗΜΟΝ Ο ΘΕΟΣ| ΕΝΘΑΔΕ Ε| ΕΝ ΗΡΕΙΝΗ| ΑΝΑΠΑΒΕΙ ¹ | ΤΡΗΑΝΤΑΦΗΛ| ΠΑΝΤΕΛΗΜΟΝ».

Перевод: С нами Бог. Здесь в мире упокоился Триандафил Пантелеймон.

Служащими Греческого батальона или членами их семей, вероятнее всего, нужно считать и похороненных на некрополе по ул. Партизанской Ксенофонта Кича и Илиаса Сотириса. Их эпитафии гласят:

«Σ ΧΣ ΝΙ ΚΑ| Ω ΔΕ ΚΑΤΩΘΕΝ| ΚΕΙΤΕ Ο ΔΟΥΛΟΣ ΤΟΥ ΘΕ| ΗΛΙΑΣ| ΣΟΤΗΡΙΣ| 1821 ΜΑΙΟΥ» (Рис. 1).

Перевод: И(исус) Х(ристос) побеждает. Здесь (внизу) лежит раб Божий Илиас Сотирис, (умер) 1821, в мае.

«На сѣмѣ месте покоится прахъ| Раба божия Ксенофонзъ | Синъ Кича| скончавшися 1860 ок[т]ября 14 дня пожившего 40 лѣтъ».

В «Послужных списках Балаклавских греков» упоминаются сержант Христо Сотыри, капрал Дмитрий Сотыри; а также Димитрей Кичи. Все они служили в последней трети XVIII в., происходили с островов Архипелага. Все они, за исключением Д. Сотыри, участвовали в сражениях Русско-турецкой войны 1787—1791 гг. [16, с. 220, 252, 287]. Достаточно оснований предположить в них родственников наших погребенных в Бахчисарае.

Интересны содержащиеся в эпитафиях указания на социальный статус, чин гражданской службы умерших. Это характерно и для других русских и крымских кладбищ второй половины XIX – начала XX в. [напр.: 18, с. 40, 41].

Так, на некрополе в Русской слободке в одной из эпитафий указано, что скончавшаяся – «дочь губернского секретаря» (ум. 1954 г. в возрасте 2-х лет). Губернский секретарь – это всего лишь 12-й класс согласно «Табели о рангах», он не обеспечивал чиновнику даже личного дворянства. Однако чин давал личное почетное гражданство. Близкие умершего младенца, явно не будучи людьми высокого происхождения, гордились и таким положением отца семейства. Другая эпитафия из Русской слободки повествует, что умершая – «вдова чиновника 8 класса» (ум. 1855 г.), что соответствует чину коллежского асессора. Если супруг умершей получил этот чин до 1845 г., он приобрел потомственное дворянство. В случае же, если 8-й класс был присвоен ему после указа Николая I «О порядке

¹ Эпитивы очень часты как в русских, так и греческих эпитафиях. В обоих языках они возникали из-за отличия орфографической нормы от фонетической. Отсюда – «миллой» вместо «милый», «не топчители мой прах», *αναπαβεи* вместо *αναπαβεи*, *ηρεινη* вместо *ειρηνη* и т.д.

приобретения дворянства службою», только личное [13, с. 450–451]. Как бы то ни было, чиновник 8-го класса для провинциального Бахчисарая не был фигурой незначительной.

Рис. 1. Надгробие Илиаса Сотириса, 1821 г. Бахчисарайское гражданское кладбище по ул. Партизанской.

Одна из эпитафий Бахчисарайского гражданского кладбища (по ул. Партизанской) сообщает:

«Здѣсь покоится прахъ жены титулярнаго совѣтника Елисаветы Мошковой Скончавшейся 11го Юня 1888 года, 77ми лѣтъ отъ роду».

Титулярный советник, чиновник 9-го класса «Табели о рангах», после 1845 г. получал личное дворянство и право потомственного почетного гражданства для потомков.

Некоторые эпитафии указывали на факт проживания в том или ином крымском городе. Даже если погребенный был бахчисарайским мещанином, это иногда находили нужным отметить. Одна из эпитафий некрополя по ул. Партизанской упоминает об этом так:

«Здѣсь Погребено тело Параскови Орловской Бахчисарайской житѣльки Предавшей душу свою въ руки Божии лѣтъ 25 в 1852 г.».

Выше приведены эпитафии воинов Балаклавского батальона, погребенных в Бахчисарае. В эпитафиях XIX в. приведены сведения и о севастопольских мещанах, по каким-то причинам похороненных в Бахчисарае:

«На семь месте покоится| Прахъ рабы Божія Севасто|польская мещанка Анна| Коновалова скончала жизнь въ| 1861го году февраля 8 дня| 38 леть от роду».

«Здѣсь покоится прахъ| раба Божія| Севастопольскаго мѣща| Архипа| Коновало|ва Умеръ 1 Апр. 1884 г.| на 58 году».

Отмечалось в эпитафиях и иностранное происхождение погребенного – традиция древняя, прослеживающаяся, по меньшей мере, с античной эпохи [напр.: 12, №№ 124, 129, 134, 144, 173, 188, 194, 195, 208; в XIX в. – 18, с. 41].

Двое погребенных на Бахчисарайском гражданском некрополе происходили из Трапезунда.

ΓΡΗΓΟΡΙΟΥ ΚΟΥΤΟΥΝΙΔΟΥ|ΕΝΟΡΙΑ ΑΒΛΙΑΝΑ|ΣΟΥΜΕΛΑ.ΑΠΟ ΝΟΜΩΝ ΤΡΑΠΕΖΟΥΝΤΟΣ|ΕΓΕΝΙΘΗ 6 ΑΥΓΟΥ 1900|ΑΠΕΒΙΩΣΕ 5 ΣΕΠΤΕΜΒΡΙΟΥ 1918.

Перевод: Григория Кутуниды из прихода Авлиана, из Сумелы. Из области Трапезунда. Родился 6 авг. 1900 г. Скончался 5 сентября 1918 г.

Ενθαδε|ΚΕΙΤΑΙ Ο ΔΟΥΛΟΣ|ΣΟΥ ΠΑΝΤΕΛΕ|ΗΜΩΝ ΘΕΟΔΩ|ΡΙΔΗΣ ΕΓΕΝΝΗ|ΘΗ ΤΟ 1920 ΚΑΙ|ΑΠΕΘΑΝΕ ΤΟ 19|24 ΑΥΓΟΥΣΤΟΥ 21|ΚΑΤΗΓΕΤΟ ΕΚ ΤΟ|ΝΟΜΟΥ ΤΡΑΠΕΖ|ΕΠΑΡΧΙΑΣ ΧΑΛΔΙ|ΑΣ ΧΩΡΙΟΝ ΓΟΝΑ

Перевод: Здесь лежит раб Твой Пантелеимон Феодоридис. Родился в 1920 г. и умер в 1924 г. августа 21-го. Происходил из области Трапез(унда), епархии Халдийской, из села Гона.

Впервые эти два памятника были опубликованы А. Я. Якобсоном в 1981 г. [20, с. 47], мы приводим текст по его чтению и прорисовке. К сожалению, состояние надгробий к нашему времени ухудшилось и эпитафия Григория Кутуниды полностью уже не читается (Рис. 5–9).

Из Трапезунда происходит также один из погребенных на некрополе в Русской слободке:

ΕΝΘΑΔΕ ΚΙΤΕ|ΤΕ Ο ΔΟΥΛΟΣ ΤΟΥ|ΘΕΟΥ (ο δείνα) ΕΚ ΤΗΣ ΠΟΛΙ|Σ ΤΡΑΠΕΖ|ΟΥΝΤΑΣ ΑΝΑ|ΠΑΥΣΟΝ ΚΥΡΙΕ] (Рис. 2).

Перевод: Здесь лежит раб Божий (имя погребенного) из города Трапезунд. Упо[кой, Господи].

Дата упокоения не указана в эпитафии. Можно лишь с осторожностью ориентироваться по участку, где расположено надгробие – соседние памятники установлены в последней четверти XIX в.

Отдельные выходцы из Трапезунда были известны в Крыму на протяжении нескольких веков. Это могло быть вызвано переходом крымских византийских владений под власть Трапезунда после падения Восточной Римской империи в 1204 г. и последующими связями между северным и южным берегами Черного моря [17]. Так, к примеру, известны в с. Стиля (Лесниково) надписи о посещении этих мест в 1750–60-х гг., оставленные на стене греческой церкви иеромонахом Гервасием из трапезундского монастыря Сумела [20, с. 46]. О колоритном выходе из Трапезунда, «оптимате» Чуковове, еще мальчишкой пришедшем на работу на табачных плантациях в Крыму около середины XIX в., а в конце века уже владевшем своими плантациями, упоминал А. Л. Бертье-Делагард [3, с. 164].

Рис 2. Надгробие выходца из Трапезунда. Кладбище в Русской слободке.

Здесь же, в Русской слободке, установлено надгробие еще одному иностранцу, прибывшему в Крым с о. Хиос. Его эпитафия:

ΞΕΝΟΣ| ΕΝΤΑΥΘΑ ΚΕΙΜΑΙ| ΕΚ ΤΗΣ ΝΗΣΟΥ| ΧΙΟΥ ΕΙΜΑΙ| ΞΕΝΕ ΑΝ
ΘΕΛΗΣ| ΤΟ ΟΝΟΜΑ ΜΟΥ (ο δείνα) ΕΙΜΑΙ| ΕΓΕΝ.1838| ΑΠΕΒΙ.1918

Перевод: Чужестранец здесь лежу я, с острова Хиос. Странник, коль желаешь (знать), имя мое – (имя погребенного) я. Род. 1838. Ум. 1918.

В Крыму известны выходцы с Хиоса во второй половине XIX в. [19]. Остров Хиос, бывший одним из многочисленных «яблок раздора» между Османской империей и Грецией, стал принадлежать последней в 1912 г. Но мы можем предположить, что переселение в Крым человека, позднее упокоившегося на кладбище в Русской слободке, произошло после этой даты или незадолго до нее. Возможно, переселение уже пожилого человека в Крым было связано с событиями Первой мировой войны.

Нередки в эпитафиях, в том числе крымских, указания на обстоятельства смерти (от болезни, убит разбойником [18, с. 19, 107, 114, 207]). Примечательна эпитафия на надгробии из Русской слободки:

«Здѣсь покоится| унт:-офиц: I эскад:| Крымск: Девизи: (*имя погребенного*) скончав: 6 янва: 1882 го| отъ выстрела изъ охот: | ничья оружья | произве: деннаго нечая| но его товарище: | другомъ».

Культурный фон эпохи, литературные запросы и предпочтения среднего крымского мещанина середины XIX – начала XX вв. пусть не в полной мере, зато достаточно ярко демонстрируют стихотворные эпитафии или отдельные стихотворные цитаты в эпитафиях. Такие надгробные стихи иногда принадлежали авторству знаменитых поэтов, но быстро становились расхожими, «ассортиментными эпитафиями» [15, с. 80].

Показательный пример – эпитафия «Покойся, милый прах, до радостного утра!..». Эта лаконичная, но проникновенная эпитафия принадлежит перу Н. М. Карамзина, составившего ее в 1798 г. по просьбе анонимной матери, потерявшей свою маленькую дочь [11, с. 112]. «Ассортиментной» эпитафия стала уже в первой четверти XIX в.: в 1819 г. она была помещена на надгробии Платона Пушкина (брата великого поэта, умершего в младенчестве), а годом ранее – на надгробии русского младенца на кладбище Пер-Лашез в Париже [10, с. 5].

В Крыму популярная эпитафия встречается на протяжении всего XIX в. [18, с. 36, 78, 79, 111, 112], есть она и среди бахчисарайских эпитафий некрополя по ул. Партизанской (здесь речь также идет об умершем ребенке):

«Покойся ты милой | Прахъ до радостнаго| утра Григори Дими| триевъ сын Волкова| родился 1852 февраля| 10го упокоилась 2 году| своей жизни 1854го 2 Юня| 28 дня».

Еще одной популярной «ассортиментной» эпитафией стал текст (может приводиться с вариациями): «Прохожий, не топчи мой прах – я уже дома, а ты в гостях». Считается, что он восходит к стихотворению Павла Сумарокова «Эпитафия самому себе», изданному в 1802 г.:

Прохожий! Ты идешь, но ляжешь так как я.
Постой и отдохни на камне у меня;
Взгляни, что сделалось со тварью горделивой,
Где делся человек? – И прах порос крапивой.
Сорви ж былиночку, вспомни о судьбе,
Я дома, ты в гостях. – Подумай о себе [5, с. 133–145].

Таких эпитафий в Бахчисарае обнаружено три. Одна – на гражданском некрополе по ул. Партизанской:

«Здѣсь покоится Юн-|ный прахъ Афанасия| Щеголевъ|Прошу друзья ненаступай-| те мой прахъ я дома а| Вы въ гостяхъ сконч.| 19-го 1885 г. Юня».

Две подобные эпитафии – из Русской слободки. С формулировкой «Друзья не топчите| мой прахъ я дома| А вы въ гостяхъ» – эпитафия женщины, упокоившейся в 1886 г., с той же формулировкой (но при этом с грамматической ошибкой: «не топчители») – эпитафия юноши, скончавшегося в 1903 г. Две эти могильные плиты

находятся рядом, и очевидно, что более поздняя эпитафия скопирована с более ранней, что также представляет собой распространенную практику.

Понравившийся текст, с изменениями или без них, переносили с плиты, поставленной ранее на том же некрополе. Примечательно, что это происходило не только в рамках пары десятилетий. Иногда дореволюционные эпитафии конца XIX в. копировались на советских надгробиях и даже на более поздних памятниках, установленных в 1990-х, 2000-х гг. Много примеров этому дают московские и петербургские кладбища [напр.: 15, с. 150, 194]. В Крыму копирование стихотворных эпитафий также можно обнаружить в кладбищенской практике разных городов. Так, например, стихи, посвященные погребенному в 1891 г. на Севастопольском еврейском некрополе Шломо Кукулевичу, в 1930-е гг. несколько раз переносили на памятники подросткам, похороненным на том же кладбище¹.

Есть подобный яркий пример трансляции текстов и на Бахчисарайском кладбище по ул. Партизанской. Наиболее ранняя дореволюционная эпитафия гласила:

«Здѣсь покоится прахъ дѣ-
вицы Христины Каракаш
Умерш. 3 февр. 1880 года
на 21 году отъ роду.
Тебѣ ужъ нѣтъ. Тебя не стало
Прощай любимое дитя.
Как розы цвѣтъ ты вдругъ увяла
И горько тихо плачу я.
Когда со мною ты простилась
Дрожали слезы на глазахъ
И въ лучший міръ переселилась
С молитвой Богу на устахъ».

Спустя 16 лет стихи были скопированы на надгробии, находящемся на том же некрополе (немного поодаль, в нескольких десятках метров):

«Тебя ужъ нѣтъ
Тебя нѣ стало пра
щай любимой мужъ
какъ розы цвѣтъ ты

¹ Эпитафия Ш. Кукулевича была трехязычной: текст, состоящий из традиционных формул, на иврите, стихи (по смыслу идентичные) на русском и французском языках. Разумеется, в советское время переписывали только стихи на русском:

«Спи спокойно, сынъ родной
Мы тѣбя не позабудемъ
И конецъ твой роковой
Вспоминать мы вѣчно будемъ
Хотя скрыть ты под землѣй
Но душа твоя вѣтаеть
И родителямъ твоимъ
О тѣбе напоминаетъ».

увяль и горько плачу
я. И сынъ твой милай
дождалъ тебя
Илья 1896 г. февр. 29
млад. Василий 15 д.
Фиктистовъ».

Наконец, в метре от захоронения Христины Каракаш, прямо на участке середины XIX в. устроено захоронение 1962 г. (трагически погибшая девушка). Первое четверостишие с соседнего надгробия, установленного почти на столетие ранее, с небольшими изменениями было перенесено в ее эпитафию:

«Тебя уж нет
Тебя не стало
Прощай любимое дитя
Как розы цвет ты вдруг увяла
И тихо горько
Плачем мы
Папа Мама Лида».

Конечно, второе четверостишие исходного стихотворения, выразившее христианское представление о душе, отправляющейся в «лучший мир» «с молитвой Богу на устах» копировать в 1962 г. не стали.

Следует сказать также о форме надгробий на двух некрополях г. Бахчисарая. Наиболее ранними формами надгробных памятников являются камни в форме поставленного вертикально равноконечного креста или прямоугольные плиты с таким же рельефным равноконечным крестом. Такие памятники ставили как грекам, так и русским (Рис. 1). С середины XIX в. распространяются массивные горизонтально лежащие плиты с рельефными изображениями крестов на верхней стороне памятника (Рис. 3). На одной из таких плит, поставленной на надгробии в 1877 г., обнаружены сделанные в камне углубления для воды, что находит параллель с татарскими и караимскими надгробиями XIX в. и более раннего времени [9, с. 41].

Среди памятников конца XIX – нач. XX в. встречаются «деревья скорби», многоступенчатые надгробия (Рис. 4).

Особенно оригинальны надгробия в виде миниатюрной точной копии крестово-купольных храмов – так выглядят памятники нач. XX в. выходцам из Трапезунда, Григорию Кутуниду и Пантелеимону Феодоридису (Рис. 5–8).

ПАМЯТНИКИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА НА ДВУХ
СТАРЫХ БАХЧИСАРАЙСКИХ КЛАДБИЩАХ

Рис. 3–4. Формы надгробий XIX – нач. XX вв.

Рис. 5–6. Надгробия Г. Кутунда и П. Феодоридиса, состояние памятников в 1981 г. (по А. Л. Якобсону) [20, fig. 2–3].

Рис. 7–8. Надгробия Г. Кутуниды и П. Феодоридиса, современное состояние.

Интересно, что подобное надгробие в виде копии крестово-купольного храма, датирующееся XIII в., в было найдено при исследованиях «пещерного города» Эски-Кермен (Рис. 9) [20, с. 47].

Рис. 9. Надгробие в виде крестово-купольного храма, XIII в. (по А. Л. Якобсону) [20, fig. 4].

Фотографии практически не встречаются на памятниках этого периода. Одним из первых надгробий, содержащих фотопортрет погребенного, стало надгробие Деспины Константиновны Пачаджи (ум. в 1898 г.), матери известного бахчисарайского предпринимателя и мецената, Дмитрия Ильича Пачаджи [8]. Ее обновленная фотография и сегодня сохраняется на памятнике (установлен на некрополе по ул. Партизанской, рис. 10).

Рис. 10. Памятник Д. К. Пачаджи, 1898 г.

Итак, на двух христианских кладбищах Бахчисарая мы встречаем достаточно интересные памятники XIX – нач. XX вв., отражающие этнический состав жителей города, из происхождение и культурные предпочтения. Конечно, с помощью текста эпитафии не всегда возможно точно установить, откуда происходил и чем занимался тот или иной погребенный. Материалы некрополей представляется перспективным дополнить архивными данными на следующем этапе исследования.

Список использованных источников и литературы

1. Араджиони М. А. Возвращение в Крым старожильческого христианского населения после эмиграции 1778 г. // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. – 2001. – Вып. VIII. – С. 485–501.
Aradzhioni M. A. Vozvrashchenie v Krym starozhil'cheskogo hristianskogo naseleniya posle emigracii 1778 g. // *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*. – 2001. – Вып. VIII. – С. 485–501.
2. Араджиони М. А. Крымские греки // *От киммерийцев до крымчаков (народы Крыма с древнейших времен до XVIII в.)*. – Симферополь: «Доля», 2004. – С. 192–208.
Aradzhioni M. A. Krymskie greki // *От киммерийцев до крымчаков (народы Крыма с древнейших времен до XVIII в.)*. – Симферополь: «Доля», 2004. – С. 192–208.
3. Бертъе-Делагард А. Л. Керменчик – крымская глушь // *Бертъе-Делагард А. Л. Избранные труды по истории средневекового Крыма: в 3-х т.* – Симферополь: «Доля», 2012. – Т. III. – С. 154–176.
Bert'e-Delagard A. L. Kermenchik – krymskaya glush' // *Bert'e-Delagard A. L. Izbrannye trudy po istorii srednevekovogo Kryma: v 3-h t.* – Симферополь: «Доля», 2012. – Т. III. – С. 154–176.
4. Борисов В. Н. Захоронения героев народного сопротивления немецко-румынской оккупации 1941–1944 годов и первой обороны г. Севастополя 1854–1855 годов на городском кладбище в г. Бахчисарае по ул. Партизанская (По материалам натуральных и архивных исследований): в 2-х т. – Бахчисарай, 2016. – 31+65 с.
Borisov V. N. Zahoroneniya geroev narodnogo soprotivleniya nemecko-rumynskoj okkupacii 1941–1944 godov i pervoj oborony g. Sevastopolya 1854–1855 godov na gorodskom kladbishche v g. Bahchisarae po ul. Partizanskaya (Po materialam naturnyh i arhivnyh issledovanij): v 2-h t. – Bahchisaraj, 2016. – 31+65 s.
5. Веселова В. Эпитафия – формульный жанр // *Вопросы литературы*. – 2006. – № 2. – С. 133–145.
Veselova V. Epitafiya – formul'nyj zhanr // *Voprosy literatury*. – 2006. – № 2. – С. 133–145.
6. Греки России и Украины / Отв. ред. Ю. В. Иванова. – СПб.: Алетейя, 2004. – 624 с.
Greki Rossii i Ukrainy / Отв. ред. Ю. В. Иванова. – СПб.: Алетейя, 2004. – 624 с.
7. Днепровский Н. В., Чореф М. М. К вопросу о локализации и датировке армянского наземного храма в Бахчисарае // *Историческое наследие Крыма*. – Симферополь. – 2007. – Вып. 20. – С. 18–25.
Dneprovskij N. V., Choref M. M. K voprosu o lokalizacii i datirovke armyanskogo nazemnogo hrama v Bahchisarae // *Istoricheskoe nasledie Kryma*. – Симферополь. – 2007. – Вып. 20. – С. 18–25.
8. Дом Пачаджи // *Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник [Электронный ресурс]*. – URL: <https://handvorec.ru/dom-pachadzhi/>
Dom Pachadzhi // *Bahchisarajskij istoriko-kul'turnyj i arheologicheskij muzej-zapovednik [Elektronnyj resurs]*. – URL: <https://handvorec.ru/dom-pachadzhi/>
9. Ельяшевич В. А. Караимское кладбище Феодосии: История, запечатленная в камне / Под ред. М. Б. Кизилова. – Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2018. – 176 с.
El'yashevich V. A. Karaimskoe kladbishche Feodosii: Istoriya, zapечатlennaya v kamne / Pod red. M. B. Kizilova. – Симферополь: GAU RK «Mediacentr im. I. Gasprinskogo», 2018. – 176 с.
10. Жаткин Д. Н., Васильев Н. Л. «Покойся, милый прах, до радостного утра!» О семантике и литературной судьбе эпитафии Н.М. Карамзина // *Русская речь*. – 2017. – № 5. – С. 3–10.
Zhatkin D. N., Vasil'ev N. L. «Pokojsya, milyj prah, do radostnogo utra!» O semantike i literaturnoj sud'be epitafii N.M. Karamzina // *Russkaya rech'*. – 2017. – № 5. – С. 3–10.
11. Карамзин Н. М. Эпитафии // *Карамзин Н. М. Стихотворения*. – Л.: Советский писатель, 1966. – 424 с.
Karamzin N. M. Epitafii // *Karamzin N. M. Stihotvoreniya*. – L.: Sovetskij pisatel', 1966. – 424 с.
12. Корпус боспорских надписей / Под ред. В.В. Струве. – М.; Л.: «Наука», 1965. – 951 с.
Korpus bosporskih nadpisej / Pod red. V.V. Struve. – М.; Л.: «Nauka», 1965. – 951 с.
13. О порядке приобретения дворянства службою // *Полное собрание законов Российской империи*. – СПб.: Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1846. – Т. XX. – С. 450–451. [Электронный ресурс]. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

O poryadke priobreteniya dvoryanstva sluzhboyu // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. – SPb.: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii, 1846. – Т. XX. – S. 450–451. [Elektronnyj resurs]. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

14. Пинчук С. А. Балаклавский греческий пехотный батальон в первой четверти XIX века // Архіви України. – 2013. – № 1. – С. 171–196.

Pinchuk S. A. Balaklavskij grecheskij pekhotnyj batal'on v pervoj chetverti XIX veka // Arhivi Ukraїni. – 2013. – № 1. – S. 171–196.

15. Покойся прахъ души безцѣнной: Московская стихотворная эпитафия XX века из коллекции Н. Пропирного и А. Яшина. – М: ООО «Сам Полиграфист», 2017. – 224 с.

Pokojsya prah dushi bezcennoj: Moskovskaya stihotvornaya epitaifiya XX veka iz kolekcii N. Propirnogo i A. Yashina. – M: ООО «Sam Poligrafist», 2017. – 224 s.

16. Послужные списки Балаклавских греков. Избранные мат-лы из коллекции А.Ю. Донского // Греки и Россия, XVII - XX вв. / Сост. И. Николопулос; отв. ред. Г. Л. Арш. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. – С. 185–288.

Posluzhnye spiski Balaklavskih grekov. Izbrannye mat-ly iz kolekcii A.Yu. Donskogo // Greki i Rossiya, XVII - XX vv. / Sost. I. Nikolopulos ; отв. red. G. L. Arsh. – Sankt-Peterburg: Aletejya, 2007. – S. 185–288.

17. Степаненко В. П. Византия и Крым в постфемный период (конец XI – XII вв.): к постановке проблемы // Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. – 2018. – Вып. XXIII. – С. 713–720.

Stepanenko V. P. Vizantiya i Krym v postfemnyj period (konec XI – XII vv.): k postanovke problemy // Materialy po istorii, arheologii i etnografii Tavrii. – 2018. – Вып. XXIII. – S. 713–720.

18. Чернопятов В. И. Некрополь Крымского полуострова. – М.: Тип. Л. В. Пожидаевой, 1910. – 313+VII с.

Chernopyatov V. I. Nekropol' Krymskogo poluostrova. – M.: Tip. L. V. Pozhidaevoy, 1910. – 313+VII s.

19. Янници Ф. Из истории моей семьи // Греки Балаклавы и Севастополя. – М.: Индрик, 2013. – С. 241–244.

Yannici F. Iz istorii moej sem'i // Greki Balaklavy i Sevastopolya. – M.: Indrik, 2013. – S. 241–244.

20. Yakobson A. L. A propos des relations entre les régions littorales au Nord et au Sud de la Mer Noire // Bizantinoslavica. – 1981. –Т. XLII. – Fasc. 1. – P. 43–51.

Leybenzon. Yu. T. Gravestones of the XIX – early XX centuries of two old Bakhchysarai cemeteries.

The article is devoted to the study of tombstones of the XIX – early XX centuries in the city of Bakhchysarai originating from two necropolises from the cemetery on Partisanskaya Street and from the so-called Russian Settlement. They are a vivid example of provincial Christian cemeteries. The author describes the history of the study of necropolises, their current state and problematic protection issues. It is important to note that during the work the time of foundation of the Bakhchysarai civil necropolis (on Partizanskaya Street) was specified – no later than 1813. The most interesting epitaphs are also given, testifying to the Greek employees of the Greek Battalion of Balaklava and participants in the Crimean War. An important feature is that the article contains translations of Greek epitaphs, including those compiled in honor of immigrants from Trebizond and the Chios island. The author considers epitaphs reflecting the social status, ranks of the state civil service of persons buried in Bakhchysarai. The practice of using common epitaphs and borrowing poetic texts of epitaphs on later tombstones was analyzed. Frequent and rare forms of gravestone monuments are considered too.

Keywords: necropolis, epitaphs, Crimean Greeks, Crimean War.

УДК: 94 (41/99)

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-3-87-98

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИИ В ПОСТБИПОЛЯРНОМ МИРЕ

Петросян Д. В.

*Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: jemma95@mail.ru*

Современная Федеративная Республика Германия – лидер Европейского союза, от которого в большей степени зависит развитие Евросоюза и европейско-трансатлантических отношений. ФРГ определяет основное содержание и направление политики ЕС в отношении Российской Федерации. Российско-германские связи оказывают существенное влияние на решение множества мировых проблем, являются одним из определяющих факторов глобальной политики, напрямую связаны с европейским миропорядком, следовательно изучение философии и характера внешней политики Германии в постбиполярном мире, является актуальной и важной задачей для специалистов. Объединение в конце 20 вв. двух государств, – Федеративной Республики Германии и Германской Демократической Республики – стало одним из величайших и значимых событий в истории Германии и мировой политики. Создание единого германского государства способствовало изменению как экономического, так и политического положения Германии в Европе и в международных отношениях. В статье рассмотрены внутренние и внешние условия и факторы, влияющие на внешнюю политику ФРГ в постбиполярном мире.

Ключевые слова: политика, Российская Федерация, Федеративная Республика Германия, германо-российские отношения, европейская политика, «восточная политика» Германии, Европейский союз.

Федеративная Республика Германия является одним из ведущих игроков на международной арене и от ее позиции по выстраиванию взаимодействия с тем или иным государством (группой государств) во многом зависят климат отношений и их субстантивное наполнение в конкретном географическом регионе мира и вокруг него.

Изучение характера внешней политики Германии в постбиполярном мире, является актуальной и важной задачей для специалистов. Современная Федеративная Республика Германия – лидер Европейского союза, от которого в большей степени зависит развитие Евросоюза и европейско-трансатлантических отношений. ФРГ определяет основное содержание и направление политики ЕС в отношении Российской Федерации. Российско-германские связи оказывают существенное влияние на решение множества мировых проблем, являются одним из определяющих факторов глобальной политики, напрямую связаны с европейским миропорядком.

В конце 1980-х в начале 1990-х годов на мировой арене произошли кардинальные изменения, что привело к логическому завершению биполярной системы международных отношений и переходу к постбиполярному миропорядку.

Постбиполярная система международных отношений – система международных отношений, сложившаяся в мире после распада Организации стран Варшавского договора и СССР и характеризующаяся существованием одного центра силы (НАТО) и одной супердержавы (США).

Новая модель международных отношений формировалась в условиях: окончания холодной войны, изменения политической карты мира (распались СССР, Югославия, Чехословакия), передела сфер геополитического влияния.

Как отмечает В. Батюк, в биполярном мире ФРГ являлась всего лишь государством с фактически ограниченным суверенитетом, отягощенным проблемами восстановления единства и обеспечения национальной безопасности в условиях глобального противостояния социалистического и капиталистического лагерей [1]. Ситуация кардинально изменилась после объединения ФРГ и ГДР в 1990 г. Германия, которая и ранее играла важную роль в НАТО и Европейском экономическом сообществе, смогла существенно нарастить свой вес в политической и экономической сферах и предстать на мировой арене в новом качестве.

После обретения ФРГ нового международного статуса, немецкая политическая элита поставила перед собой три главные задачи: во-первых, трансформировать социально-экономический строй в новых федеральных землях и путём экономического развития бывшей ГДР завершить переход от формального объединения к реальному единству государства и нации; во-вторых, добиться определенных результатов в вопросе объединения Европы; в-третьих, определиться с линией поведения в постбиполярном мире.

В результате объединения Германии, увеличился и ее экономический потенциал. Однако для христианско-либеральной коалиции оказалась достаточно сложной задача «срачивания» бывшей социалистической страны с крупной капиталистической державой. Данный процесс потребовал больше времени и средств, чем предполагалось. Для превращения экономики бывшей ГДР в функционирующую систему социальных рыночных отношений потребовались огромные финансовые усилия всей ФРГ.

Перед немецкой политической элитой встала двуединая задача: трансформировать социально-экономический строй в новых федеральных землях и определиться с линией поведения в постбиполярном мире. В то же время немцы столкнулись со сложной психологической ситуацией: они начали испытывать страх перед самими собой, перед собственной возросшей мощью [13] и опасения о том, что их начнут бояться их союзники и партнеры оказались небеспочвенными. Ряд европейских стран и их союзники по НАТО Великобритания и Франция придерживались того мнения, что объединение Германии послужит прологом к появлению «Четвертого рейха». Чтобы развеять эти опасения, правительство Коля сразу провозгласило преимущество внешнеполитического курса Боннской

республики, который станет составной частью политики безопасности Европейского союза и стран Запада в целом.

Период канцлерства Г. Коля условно можно обозначить «адаптационным периодом» для Германии. Попытки достижения гегемонии на континенте сменились «культурой сдержанности» (связанной с исторической ответственностью Германии) и стремлением к интеграции в западное сообщество государств.

Для адаптации к реалиям постбиполярного мира, немецкое правительство выделило четыре главных внешнеполитических приоритета:

углубление европейской интеграции и расширение ЕС;

укрепление германо-американской дружбы с целью сохранения присутствия США в Европе;

обеспечением расширенного поля действия для Германии в рамках многосторонней дипломатии, прежде всего в международных организациях, как, например, ООН;

строительство партнерских и дружественных отношений с Россией.

При канцлере Г. Коле Федеративная Республика Германия еще только начала обретать свою национально-государственную целостность, определять внешнеполитические интересы.

В первые годы после объединения Германии, одной из основных целей внешней политики ФРГ являлось стремление доказать международному сообществу и своим собственным гражданам «нормальность» избранного курса. Это трактовалось, прежде всего, как приверженность общегуманистическим либерально-демократическим ценностям, реализована исключительно в системе западных союзов при четком соблюдении норм международного права. Под этим термином подразумевалось также естественное состояние полностью независимого и суверенного национального государства. Призывы «нормализовать» внешнюю политику ФРГ предполагали, в том числе, и отказ от ряда самоограничений, обусловленных особенностями исторического развития страны.

На протяжении 1990-х гг. велись дискуссии о пересмотре внешнеполитических традиций, присущих прежней ФРГ в силу ее ограниченного суверенитета и неприемлемых для Германии в ее новом качестве. Стали выдвигаться требования четкой национальной ориентации внешней политики, которая выступала бы не только от имени Европы и Запада, но и от собственного лица [7].

После объединения ФРГ и ГДР во внешнеполитической доктрине Федеративной Республики произошла смена внешнеполитических приоритетов. Раньше на первом месте в качестве самостоятельной величины находилась «германская политика», то есть взаимоотношения двух государств, что в настоящее время, переместилась из списка приоритетов в каталог внутриполитических и внутриэкономических проблем [10, с. 21].

В 1994 году правительство Г. Коля опубликовало «Белую книгу безопасности Федеративной Республики Германии», в которой если и не были сформулированы национальные интересы страны, то, во всяком случае, даны некоторые намеки на их системное структурирование [10, с. 344]. В частности, было указано, что политика

в области безопасности и обороны Германии базируется на пяти «центральных интересах» [18, с. 42–44]. Это:

1) обеспечение свободы, безопасности и процветания граждан Германии и целостности ее государственной территории;

2) интеграция совместно с европейскими демократиями в Европейский союз;

3) прочный трансатлантический союз с Соединенными Штатами как мировой державой, основанный на единых ценностях и общих интересах;

4) ориентирование на примирение и партнерство в отношениях с соседними восточными государствами, их подключение к западным структурам и формирование, таким образом, нового всеобъемлющего кооперативного порядка в области безопасности;

5) соблюдение в мировом масштабе международного права и прав человека и базирующийся на правилах рыночного хозяйства справедливый мировой экономический порядок.

Немецкий историк К. Хакке отмечает, что несущими элементами этой конструкции внешнеполитических ориентиров являются диалог, кооперация, готовность к обороне и мультилатерализм [16, с. 543].

В конце 1990-х годов, то есть к концу канцлерства Г. Коля, ФРГ удалось определить свою роль в мировой политике. Она заключалась в более активном участии в международных процессах при сохранении принципа мультилатерализма как основы внешней политики. Многосторонние институты оставались основным инструментом для проецирования своего влияния. Элита ФРГ как до, так и после объединения Германии положительно оценивала интеграцию ФРГ в многосторонние институты. Но после объединения Германии в дискурсе о мультилатерализме произошли изменения. С одной стороны, немецкие элиты после объединения Германии говорили о мультилатерализме как о мере укрепления доверия или «неотъемлемой части» внешней политики ФРГ, с другой стороны немецкие политики стали гораздо чаще говорить о мультилатерализме в контексте национальных интересов, увеличения политического веса Германии на международной арене и проецирования своего влияния. Немецкие ученые-международники, в целом, разделяли такое же видение в 1990–1991 гг. Например, профессор Института исследований во имя мира во Франкфурте-на-Майне К.-Д. Вольф писал, что самым разумным решением для объединенной Германии было бы увеличение роли ФРГ и развитие мультилатерализма [19, с. 247–260].

Мультилатерализм можно было рассматривать в качестве новой философии международной жизни, которая опиралась на реальности эпохи глобализации, противоречивой в своей основе. С одной стороны, она породила глубокую взаимозависимость государств и регионов, но с другой вела к возникновению конфликтов на этнической и конфессиональной почве.

Мультилатерализм стал основой внешней политики ФРГ. Однако значительно возросший потенциал страны не мог не отразиться и на восприятии мультилатерализма немцами. Во-первых, теперь мультилатерализм стал в полном

смысле самостоятельным выбором ФРГ. Во-вторых, высокопоставленные государственные деятели Германии стали использовать мультилатерализм как инструмент отстаивания национальных интересов, что также сопровождалось более активным участием ФРГ, включая применение военной силы в рамках международных коалиций. Мультилатерализм начали использовать в ФРГ как способ продвигать свои интересы, зачастую с формой «мягкого» распространения влияния.

Характеризуя внешнюю политику ФРГ до объединения, одной из главных задач следует выделить создание и сохранение прочной системы безопасности перед «военной угрозой советского блока», но в конце 20 в. можно говорить о смене акцентов во внешнеполитическом курсе ФРГ, а именно с военного на экономический. Это обусловлено тем, что более важным и необходимым аспектом внешней политики становится защита экономических интересов.

Значительным достижением на западноевропейском направлении было создание в 1993 году единого внутреннего рынка ЕС, в который изначально вошли 12 государств, был принят немецкий вариант единой валюты – «евро», а Франкфурт-на-Майне стал резиденцией Европейского центрального банка.

Если на начальном этапе объединенная Германия действовала довольно нерешительно в ходе международных кризисов, то в 1995 г. Роман Херцог (ХДС), президент ФРГ, опубликовал программную статью, в которой изложил свое видение новой внешнеполитической стратегии Германии. По его мнению, ФРГ достигла такого состояния, когда она способна использовать свою возросшую силу: политическую, экономическую и военную – и должна этим воспользоваться. Приоритетом становится доказательство способности германского бундесвера реализовать положения пятой статьи Североатлантического договора, предусматривавшей осуществление совместных действий для оказания помощи любому члену НАТО, на которого напал агрессор.

К стратегически важным и соответствующим национальным интересам ФРГ направлениям внешней политики относилась активная европейская интеграция, что позволившая создать в Европе пространство безопасности, параллельно увеличивая набор инструментов воздействия на обстановку в других регионах.

27 октября 1998 года пост федерального канцлера занял Герхард Шредер. Новое правительство провозгласило преемственность ранее выбранного внешнеполитического курса – страна все так же продолжила определять будущее своей страны в рамках европейской концепции. Г. Шрёдер проводил политическую линию социал-демократического прагматизма, что в свою очередь привело к конфликтам с партнёром по коалиции.

И Гельмут Коль, и Герхард Шредер часто выделяли главной чертой их внешней политики «мирную направленность». Канцлер Герхард Шредер в правительственном заявлении от 10 ноября 1998 г. указал, что главной целью внешнеполитического курса его кабинета является «всяческое содействие мирному процессу во всем мире, так как ФРГ осознает свою ответственность и задачи, вытекающие из значения и авторитета объединенной Германии в мировом

масштабе. Германская внешняя политика есть и остается политикой мира, мы решительно заявляем о своей готовности участвовать в мерах по установлению и поддержанию мира» [6, с. 571].

Для того чтобы подтвердить данное направление было подписано Коалиционное соглашение «Прорыв и обновление – путь Германии в XXI столетие». О внешнеполитическом курсе в рамках установившихся западных стандартов свидетельствуют цели внешней политики ФРГ, изложенные в коалиционном договоре, в котором отмечается:

- одной из основных задач является включение Германии в ЕС как неотъемлемой части этого сообщества и расширение ЕС за счет стран Центральной и Восточной Европы. Правительство Шредера рассматривало ЕС как «европейский дом», где все государства не только проживают на одной территории, но и имеют общие интересы и заботы. Более того, не следует забывать и то, что быстрые темпы глобализации повлекли за собой новые проблемы и вызовы безопасности, с которыми ни одно государство не способно справиться в одиночку [2];

- расширение сотрудничества с НАТО с целью сохранения стабильности и безопасности Европы;

- Североатлантический альянс остался основой политики безопасности ЕС, как и отношения с США. Отмечается, что США, основываясь на совместных ценностях и интересах, является важнейшим партнером Германии вне Европы;

- важной задачей является политическое и финансовое укрепление ООН и приобретение статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН. Характеризуя внешнеполитический курс Германии с момента объединения, можно сделать вывод, что ООН стала для «красно-зеленой» коалиции центром ее многосторонней внешней политики. Для Берлина ООН является центральной организацией, отвечающей за глобальный мир, безопасность и прогресс [10, с. 65];

- важной составляющей внешней политики также является достижение стабильности со всеми соседями Германии [14, с. 51].

Новое правительство сохранило внешнеполитические приоритеты правительства Коля и, несмотря на защиту и продвижение национальных интересов страны, продолжила проводить свою внешнюю политику в рамках европейской интеграции.

Правительство Г. Шредера видела в расширении европейской интеграции инструмент для увеличения политического влияния и расширения рынков для немецкого экспорта. Еще в 1999 г. глава Союза немецких промышленников Г.-О. Хенкель заявил, что дальнейшее расширение ЕС на Восточную Европу будет способствовать более динамичному росту германской экономики за счет расширения европейского рынка, на котором ФРГ определенно будет доминировать. Вступление стран Балтии в ЕС, по его мнению, было стратегической задачей экономики ФРГ.

Европа продолжает оставаться в центре немецких внешнеполитических интересов, и кабинеты Г. Шредера, а в дальнейшем и Меркель пытаются сохранить за Германией роль ее «локомотива и интеграционного ядра».

Идея объединения европейских государств в экономический и политический союз, прослеживается у многих представителей немецкой классической философии. В некоторых случаях это было связано с желанием преодолеть политическую раздробленность Германии, что можно проследить в публикации И. Г. Фихте «Речи к немецкой нации» [11]. Еще одним мотивом интеграции является попытка предотвращения военных конфликтов, о чем пишет в своем трактате «К вечному миру» родоначальник немецкой классической философии И. Кант [8]. Идеи немецких философов во многом повлияли на позицию гражданского общества и политических деятелей ФРГ, связанную с европейской интеграцией. А также, следует отметить, что структура ЕС и его базовые ценности во многом основаны на идеях коллективной безопасности И. Гердера [3, с. 209] и идеях Г. В. Ф. Гегеля [4, с. 368] о гражданском обществе.

Существует ряд причин, объясняющих, почему Германия придерживается и в будущем продолжит придерживаться концепции «общеевропейского дома»:

- 1) трагический опыт двух мировых войн;
- 2) в основе германского государства не лежит национальная идея, как, например, во Франции;
- 3) формирование европейской идентичности в различных областях;
- 4) вызовы и угрозы, связанные с процессами глобализации, которым невозможно противостоять в одиночку.

В немецкой научной литературе для описания внешнеполитического курса красно-зеленой коалиции под руководством Г. Шредера зачастую используется понятие «Normalität», дословный перевод на русский язык – «нормальность», что означает состояние страны, при котором она является «нормальным», полноценным членом международного сообщества, отстаивающим свои национальные интересы, не пытаясь при этом перестроить систему международных отношений. Немецкий философ П. Слотердайт назвал Г. Шредера первым канцлером «нормальности».

Во времена нацистского режима Германия играла роль гегемона-поработителя, после объединения ФРГ была вынуждена встраиваться в систему западного блока на неравных условиях и следовать в фарватере западного блока под руководством США. После объединения Германии в 1990 г. правительство Г. Коля использовало внешнеполитический потенциал ФРГ не в полной мере. Например, это проявилось в нерешительном со стороны ФРГ признании независимости Хорватии и Словении в 1991 году и ограниченном участии в войне в Персидском заливе (ФРГ только финансово поддержала операцию Международной коалиции ООН). Причиной такой сдержанности в начальный период после объединения служили, во-первых, масштабные социальные и экономические задачи, связанные с объединением Германии в 1990 г., которые выдвинули внутреннюю политику на первый план. Во-вторых, личностный фактор министра иностранных дел (1992–1998 гг.) Кинкеля, при котором снизилась роль внешнеполитического ведомства ФРГ и который не смог вписаться в международный дипломатический корпус.

После прихода к власти «красно-зеленой» коалиции под руководством Г. Шредера ситуация резко поменялась, причем вскоре вступления Г. Шредера на

пост канцлера. В США заметили надвигающийся сдвиг во внешней политике ФРГ в сторону более активной роли еще в ходе предвыборной гонки 1998 года. Так, американский исследователь Р. Целлик писал, что «Отдельные германские политические лидеры [имелся в виду Г. Шредер] начали прививать своим соотечественникам мысль о том, что Германия должна играть более активную роль» [12].

В период канцлерства Г. Шредера, уже на начальном этапе в США заметили надвигающийся сдвиг во внешней политике ФРГ в сторону более активной роли. И высказывания Г. Шредера о «германском пути» и «особой ответственности» Германии, вызывавшие неоднозначную реакцию, для некоторых свидетельствовали о «невыносимом высокомерии» и «стремлении избавиться от исторической ноши», а другие пришли к выводу, что «берлинская политика достигла более высокой ступени разумности», чем, в частности, политика Вашингтона.

Политика ФРГ на международной арене в период постбиполярного мироустройства активнее начала проявляться в начале 21 в., что можно связать с развитием глобализации и постепенным укреплением режима многополярности в политике. Глобализация – это процесс, в результате которого мир становится более связанным и более зависимым от его субъектов. Глобализация затрагивает все основные сферы человеческой деятельности – экономику, культуру, политику и т.д. – и напрямую влияет на политику государств.

После поражения в 2005 г. Социал-демократической партии Германии, приходом на должность канцлера А. Меркель и образованием «большой коалиции» (ХДС/ХСС-СДПГ) начинается новый этап в истории внешней политики ФРГ, направленный на усиление атлантического вектора. 25 октября 2006 г. во время выступления на заседании Германского атлантического общества, глава правительства отметила: «Наряду с европейской интеграцией трансатлантические отношения остаются незыблемой опорой германской внешней политики и политики в области безопасности. Доверительные и дружественные отношения с Соединенными Штатами Америки имеют для нас, немцев, с исторической точки зрения совершенно особенное значение. Но это сохранится и в будущем» [9].

Христианско-демократический и Христианско-социальный союзы с момента своего формирования были ориентированы на западные федералистские структуры. Поэтому у них никогда не было ни попыток играть на стороне Востока, то есть Советского Союза, ни, тем более, серьезных намерений разыгрывать «восточную карту», включая Китай. Ни один из серьезных политиков из рядов ХДС и ХСС не поддерживал идею нейтралитета Германии. И если во вне, то есть по отношению к окружающей среде, эти партии выступали единым целым, то внутри христианских демократов существовали и продолжают существовать различные течения (например, «голлисты» и «атлантисты» в середине 60-х годов), которые отражали и отражают, скорее, акцентирование разных аспектов обеспечения безопасности страны. То же самое можно сказать и по поводу «восточных договоров» начала 70-х годов. В 80-е годы канцлер Коль успешно продолжил «восточную политику» своих

предшественников и содействовал консолидации собственных рядов в вопросе, который успешно был решен ко всеобщему удовлетворению 3 октября 1990 года.

В программных установках и политике ведущих партий ФРГ внешней политике придается различное значение. ХДС на протяжении десятилетий был классической партией – сторонницей партнерства с Западом и олицетворял краеугольные принципы внешнеполитических государственных интересов Федеральной Республики. В 60-е и 70-е годы он обнаружил свое бессилие в сфере политики разрядки. Однако при канцлере Коле ХДС стал ведущей партией, в решающей мере активизировавшей «германскую политику».

Христианско-демократический союз Германии – партия Конрада Адэнауэра – всегда разделял консервативные ценности. Собственно, идеология ее политических взглядов изначально базировалась на двух плитах: христианская демократия и либеральный консерватизм. И это продолжалось более пяти десятилетий. Но в период руководства партией А. Меркель следует отметить существенные противоречия, в политической платформе ХДС. Вместо традиционных ценностей – возведенный в абсолют культ всевозможных меньшинств, что совершенно не сочетается с христианскими взглядами. Вместо традиционного правого консерватизма в экономике – левый социализм. Вместо традиционной национальной прогерманской ориентации – четкий курс на глобалистские ценности, поддержка евробюрократии и определение интересов Германии исключительно через ее принадлежность к ЕС, НАТО и другим западным интеграционным проектам.

Коалиционный договор от 18 ноября 2005 «Совместно за Германию – с мужеством и человечностью» включал в себя вопросы, связанные с европейским блоком, позиция Германии в евро-атлантической связке, а также дальнейшее развитие российско-германских отношений. Во внешнеполитическом разделе в коалиционном договоре подчёркивалось, что «европейское объединение и атлантическое партнерство не являются своими противоположностями, а составляют важнейшие основы» внешней политики Германии и ее отношений, в особенности тесной дружбы и сотрудничества с Францией, с Польшей и другими ее соседями, с Соединенными Штатами Америки, а также с Россией [17, с. 190].

В «Белой книге безопасности Федеративной Республики Германии и перспектив развития бундесвера» 2006 г. канцлер подчеркивает, насколько важную роль играют НАТО и Германия в сохранении стабильности и безопасности: «Степень стабильности и мира, которые были созданы НАТО и ЕС в их географическом окружении, являются образцовыми» [18, с. 159].

Меркель считает Европу и Германию единым европейским пространством («Der gemeinsame Europaraum») и выделяет четыре основные угрозы: международный терроризм; распространение оружия массового поражения; возникновение все новых и новых региональных конфликтов и организованная преступность.

При сравнительном анализе коалиционных договоров Германии от 2013 и 2018 г. можно наблюдать приоритетный курс политики Берлина на расширение

евроинтеграции и развитии сильного Евросоюза, который будет гарантом для безопасности Германии. Политика ХДС/ХСС и СДПГ направлена на:

- сохранение единства ЕС;
- вовлечение Германии в дебаты о будущем евроинтеграции и трансатлантических взаимоотношений;
- восстановление доверия граждан к ЕС;
- создание новых рабочих мест в ЕС, укрепление социально ориентированной рыночной экономики;
- поддержку европейских инвестиционных программ, закрепление шансов на будущее для молодежи;
- разработку рамочных условий для минимального уровня оплаты труда, расширение прав наёмных работников [15].

Европейское направление Германии напрямую связано с ее политикой в мировой системе координат, с упором на политико-дипломатические методы в урегулировании конфликтов и использование политических и экономических возможностей ЕС, что в свою очередь способствует усилению доверия к ЕС.

Современная внешняя политика Германии (период канцлерства А. Меркель) тесно связана с обеспечением стабильности и безопасности в мире, а также деятельностью ООН и ЕС. Большое влияние на внешнюю политику Германии оказывают мировые проблемы, к которым можно отнести и вооруженные конфликты, и нестабильность на Ближнем Востоке, проблемы с беженцами, нарастающий национализм в разных странах и другие глобальные вопросы.

На основании этого, к основным задачам внешнеполитического курса ФРГ можно отнести следующее:

- развитие процесса евроинтеграции и сильного Евросоюза;
- прочные связи со всеми соседними государствами;
- укрепление международных позиций;
- усиление европейской политики в сфере безопасности;
- заинтересованность в укреплении трансатлантических связей;
- сотрудничество с Россией при условии соблюдения Минских договоренностей;
- содействие урегулированию конфликтов в других странах.

Список использованных источников и литературы

1. Батюк В. Постбиполярная ретроспектива мирового порядка // Международные процессы. URL: <http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/769/Batyuk-23.pdf> (дата обращения: 03.05.2020).
Batyuk V. Postbipolyarnaya retrospektiva mirovogo poryadka // Mezhdunarodnye protsessy. URL: <http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/769/Batyuk-23.pdf> (data obrashcheniya: 03.05.2020).
2. Белякова Т. В. Политика Германии в отношении Европейского союза после прихода к власти кабинета Г. Шрёдера // АПЕ. 2000. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-germanii-v-otnoshenii-evropeyskogo-soyuza-posle-prihoda-k-vlasti-kabinet-a-g-shryodera> (дата обращения: 04.05.2020).
Belyakova T. V. Politika Germanii v otnoshenii Evropeiskogo soyuza posle prihoda k vlasti kabinet-a G. Shredera // APE. 2000. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-germanii-v-otnoshenii-evropeyskogo-soyuza-posle-prihoda-k-vlasti-kabinet-a-g-shryodera> (data obrashcheniya: 04.05.2020).

3. Гердер И. Г. Письма для поощрения гуманности // Трактаты о вечном мире / сост. И. С. Андреева, А.В. Гулыга. М., 1963. С. 118–211.
Gerder I. G. Pis'ma dlya pooshchreniya gumannosti // Traktaty o vechnom mire / sost. I. S. Andreeva, A. V. Gulyga. M., 1963. S. 118–211.
4. Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем.; ред. и сост. Д. А. Керимов, В. С. Нерсесянц; авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянц. М., 1990. – 524 с.
Gegel' G. V. F. Filosofiya prava / per. s nem.; red. i sost. D. A. Kerimov, V. S. Nersesyants; avt. vstup. st. i primech. V. S. Nersesyants. M., 1990. – 524 s.
5. Гринин Л. Е. Глобализация и национальный суверенитет // История и современность. 2005. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-i-natsionalnyu-suverenitet> (дата обращения: 07.05.2020).
Grinin L. E. Globalizatsiya i natsional'nyi suverenitet // Istoriya i sovremennost'. 2005. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-i-natsionalnyu-suverenitet> (data obrashcheniya: 07.05.2020).
6. Из Правительственного заявления федерального канцлера Г. Шредера в бундестаге (10 ноября 1998 г.). История Германии. Том 3. Документы и материалы. М.: КДУ, 2008. – 592 с.
Iz Pravitel'stvennogo zayavleniya federal'nogo kantslera G. Shredera v bundestage (10 noyabrya 1998 g.). Istoriya Germanii. Tom 3. Dokumenty i materialy. M.: KDU, 2008. – 592 s.
7. Имангалиев Р. Н. Новая Германия в меняющемся мире: международное положение и внешняя политика Германии на рубеже XX–XXI вв. Казань: Новое знание, 2006. – 252 с.
Imangaliev R. N. Novaya Germaniya v menyayushchemsya mire: mezhdunarodnoe polozhenie i vneshnyaya politika Germanii na rubezhe XX–XXI vv. Kazan': Novoe znanie, 2006. – 252 s.
8. Кант И. К вечному миру. 1795. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.K_vechnomu_miru.pdf (дата обращения: 01.05.2020)
Kant I. K vechnomu miru. 1795. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.K_vechnomu_miru.pdf (data obrashcheniya: 01.05.2020)
9. Павлов Н. В. В поисках «нового начала». Об американско-германских отношениях // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/110> (дата обращения: 01.05.2020)
Pavlov N. V. V poiskakh «novogo nachala». Ob amerikano-germanskikh otnosheniyakh // Mezhdunarodnaya zhizn'. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/110> (data obrashcheniya: 01.05.2020)
10. Павлов Н. В., Новиков А. А. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шредера. – М., ЗАО «Московские учебники – СиДиПресс», 2005. – 608 с.
Pavlov N. V., Novikov A. A. Vneshnyaya politika FRG ot Adenauera do Shredera. – M., ZAO «Moskovskie uchebniki – SiDiPress», 2005. – 608 s.
11. Фихте И. Г. Речи к немецкой нации / И. Г. Фихте; пер. А. А. Иваненко. – СПб.: Наука, 2009. – 349 с.
Fikhte I. G. Rech'i k nemetskoj natsii / I. G. Fikhte; per. A. A. Ivanenko. – SPb.: Nauka, 2009. – 349 s.
12. Целлик Р. Б. Прощание с самоограничением. Германская внешняя политика глазами США // Internationale Politik. 1998. - N 12. - С. 28 -36.
Tsellik R. B. Proshchanie s samoogranicheniem. Germanskaya vneshnyaya politika glazami SShA // Internationale Politik. 1998. - N 12. - S. 28 -36.
13. Шёльген Г. Страх перед силой. Немцы и их внешняя политика / Пер. с нем. – М.: АО «Буклет», 1994. – 96 с.
Shel'gen G. Strakh pered siloi. Nemtsy i ikh vneshnyaya politika / Per. s nem. – M.: AO «Buklet», 1994. – 96 s.
14. Aufbruch und Erneuerung: Deutschlands Weg ins 21. Jahrhundert; Koalitionsvereinbarung zwischen der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands und Bündnis 90/Die Grünen; Bonn, 20. Oktober 1998. – 51 S. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/bibliothek/download/koalitionsvertrag1998.pdf> (дата обращения: 04.05.2020)

15. Europapolitik bei Union und SPD unter Dach und Fach. URL: <https://www.dw.com/de/europapolitik-bei-union-und-spd-unter-dach-und-fach/a-42457507> (дата обращения: 01.05.2020)

16. Hacke C. Die Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland von Konrad Adenauer bis Gerhard Schroder. - Frankfurt/M — Berlin: Ullstein Verlag, 2003. – 652 s.

17. Gemeinsam für Deutschland – mit Mut und Menschlichkeit. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. – Berlin, 11.11.2005. – 190 s.

18. Weissbuch zur Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland, 1994, hrsg. vom Bundesministerium der Verteidigung. – Bonn, 1994. - S. 159.

19. Wolf K. Das neue Deutschland: eine neue «Weltmacht»? URL: https://www.jstor.org/stable/23984249?seq=1#metadata_info_tab_contents (дата обращения: 03.05.2020)

Petrosyan D. V. Foreign policy attitudes of the Federal Republic of Germany in the Postbipolar world

The Contemporary Federal Republic of Germany is the leader of the European Union, on which the development of the European Union and European-transatlantic relations largely depends. The Federal Republic of Germany determines the main content and direction of the EU policy towards the Russian Federation. Russian-German relations have a significant impact on the solution of many world problems. The unification of two states at the end of the 20th century – the Federal Republic of Germany and the German Democratic Republic - became one of the greatest and most significant events in the history of Germany and world politics. The creation of a unified German state contributed to the change of both the economic and political situation of Germany in Europe and in international relations. They are one of the determining factors of global politics and directly related to the European world order, therefore, the study of the philosophy and nature of German foreign policy in the postbipolar world is a topic and important task for specialists. The article considers the internal and external conditions and factors affecting the foreign policy of Germany in the postbipolar world.

Keywords: policy, Russian Federation, the Federal Republic of Germany, German-Russian relations, European policy, «Eastern policy» of Germany, European Union.

УДК 94 (470) «1944/2021»

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-3-99-112

САПУН-ГОРА КАК «МЕСТО ПАМЯТИ»: ДИНАМИКА И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МЕМОРИАЛИЗАЦИИ¹

Попов А. Д.

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: rushistcfu@mail.ru*

Охарактеризованы этапы и формы мемориализации Сапун-горы, как одного из важнейших «мест памяти» города-героя Севастополя, начиная с мая 1944 г. и до наших дней. На основе широкого круга источников описано развитие мемориала на Сапун-горе в контексте основных тенденций советской и постсоветской исторической памяти о Великой Отечественной войне. Показана полифункциональность данного комплекса, который благодаря вхождению в его состав большого количества элементов (памятники, музей-диорама, экспозиция боевой техники под открытым небом, сохраненные оборонительные сооружения военного времени, храм-часовня и др.) успешно выполнял и продолжает выполнять не только коммеморативную, но и политико-идеологическую, мобилизационную, информационную, воспитательную, рекреационную, эстетическую, статусную, сакральную функции.

Ключевые слова: историческая память, политика памяти, город-герой, коммеморация, мемориальный комплекс, Вечный огонь, Великая Отечественная война, Севастополь, Сапун-гора.

В начале 1950-х гг. впервые прозвучала ставшая впоследствии широко известной песня «Сапун-гора» (музыка Б. Боголепова, слова А. Сальникова), где были такие строки: «Сапун-гора, Сапун-гора, как много связано с тобою!». Уже тогда, спустя 10 лет после освобождения Севастополя, было очевидно, что локальный топоним «Сапун-гора», наряду с Мамаевым курганом в Сталинграде, стал одним из ключевых обозначений на символической «карте памяти» о событиях Великой Отечественной войны. На протяжении второй половины XX – начала XXI вв. не только расширялся и развивался мемориальный комплекс на Сапун-горе, но и регулярно создавалась многочисленная культурная продукция (стихотворения, песни, книги, произведения изобразительного искусства, пьесы, кинофильмы), посвященная этому месту. Поэтому Сапун-гору можно отнести к числу классических «мест памяти» в трактовке французского классика *memory studies* Пьера Нора, который использовал этот термин для обозначения территориально локализованных или абстрактно-символических пространств, в которых «память кристаллизуется и находит свое убежище» [25, с. 17, 26]. Однако, до сих пор не существует комплексного исследования, основной целью которого являлась бы характеристика процесса превращения Сапун-горы в очень известное,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Севастополя в рамках проекта № 20-411-920005.

многокомпонентное и полифункциональное «место памяти», хотя основные этапы её мемориализации представлены в ряде научных исследований [2; 7; 21; 24; 34 и др.] и на страницах довольно многочисленных туристско-краеведческих изданий, главным образом – путеводителей [1; 12; 30; 32; 38; 39 и др.].

Прежде всего, следует охарактеризовать основные этапы мемориализации Сапун-горы с мая 1944 г. и до наших дней. Очевидцы, побывавшие на Сапун-горе через несколько дней после её штурма в мае 1944 г., так описывали увиденное: «Все три километра склона были изрыты, всё было в свежих огромных ямах. Земля здесь вся перевернута травой вниз... бродя по склону [мы] натыкались на торчащие из земли руки и нога, на стволы орудий, заваленные камнями, на прутья арматуры дотов» [36]. Но на фоне этого «апокалиптического» пейзажа выделялись советские штурмовые флаги – первые появившиеся здесь символы боевой славы и Победы: «На срезанной вершине Сапун-горы, откуда простирается вид на Севастополь, колыхались на ветру десятки красных флагов, водружённых теми, кто первый в бою поднялся сюда» [19, с. 2].

Однако уже спустя несколько месяцев на Сапун-горе возникли первые крупные мемориальные сооружения. В июне 1944 г. здесь был сооружен памятник-obelisk, посвященный погибшим воинам 51-й армии (реконструирован в 2004 г. по проекту севастопольского архитектора А.Л. Шеффера). Примечательно, что obelisk был увенчан сделанным из металла красным флагом с обозначением «51А». Конкретное место установки бойцами этой армии первого штурмового флага на Сапун-горе также было отмечено небольшой мемориальной композицией с металлической копией штурмового флага [31, с. 442]. Так недолговечные формы мемориализации трансформировались в долговременные.

Несколько позже, в октябре 1944 г., на вершине Сапун-горы появляется ещё один, более крупный по размеру 28-метровый памятник-obelisk, первоначально посвященный памяти погибших воинов Приморской армии. В источниках разных лет традиционно сообщается, что он был построен по проекту лейтенанта А. Д. Киселева, хотя к его созданию мог иметь отношение известный советский архитектор М. Я. Гинзбург, который по инициативе командования Приморской армии участвовал в проектировании других мемориальных объектов на месте боев за Керчь и Севастополь [21, с. 29–30]. Практически синхронное появление двух крупных памятников-obeliskов на Сапун-горе, на наш взгляд, является подтверждением фактора «корпоративности», присущего исторической памяти. Создателям данных монументов важно было не просто увековечить героев штурма Сапун-горы, но и связать память о них с конкретным воинским подразделением. Впоследствии именно такой подход очень часто применялся при создании новых монументов на всей территории Севастополя, которые были призваны отражать вклад в освобождение города и Победу над врагом конкретных воинских частей, родов войск или категорий военных специалистов, а также различных севастопольских предприятий. Как проявление этой тенденции, в том числе, можно рассматривать и создание в 1974 г. на одном из склонов Сапун-горы мемориала в память о погибших воинах 77-й Симферопольской Краснознаменной ордена

Суворова имени Серго Орджоникидзе стрелковой дивизии (скульптор О. Эльдаров, архитекторы Ф. Сеид-заде, Р. Шарифов). Он был сооружен к 30-летию легендарного штурма по инициативе республиканских органов власти Азербайджанской ССР, поскольку в составе дивизии было много военнослужащих-азербайджанцев [20, с. 196–198].

Однако позже могла наблюдаться и противоположная тенденция. В 1964 г., при реконструкции памятника-обелиска воинам Приморской армии, он был не только обновлен, но и определенным образом видоизменен в плане художественно-архитектурного оформления, чтобы соответствовать уже новой концепции и символизировать память обо всех воинах, освобождавших Севастополь – именно так он воспринимается и в наши дни. Аналогичным образом, например, открытый летом 1944 г. в центре Симферополя памятник погибшим воинам 19-го Краснознаменного Перекопского танкового корпуса постепенно трансформировался в памятник всем защитникам и освободителям Крыма во время Великой отечественной войны [см.: 11].

Дальнейшей активной мемориализации Сапун-горы способствовало появление здесь небольшого военно-полевого музея (по паспорту 1950 г. – «полевого музея»). Первоначально постановлением Военного совета Отдельной Приморской армии от 1 ноября 1944 г. предполагалось создание трех «домиков-музеев», которые должны были располагаться возле созданных к тому времени силами Приморской армии крупных памятников-обелисков: на горе Митридат в Керчи, на Сапун-горе и на мысе Херсонес. Их концепция в тексте этого документа была описана следующим образом: «в схемах, картах, диаграммах, фотоснимках и т.д. показать боевые события и героическую борьбу воинов Приморской армии против немецко-фашистских полчищ...» [9, л. 6]. Примерно в то же время все три упомянутых памятника-обелиска были переданы в ведение Совета народных комиссаров Крымской АССР с просьбой к гражданским властям обеспечить их сохранение и благоустройство [9, л. 12].

В феврале 1945 г. Военный совет Отдельной Приморской армии принял ещё одно решение – о приуроченном ко Дню Советской Армии и Флота (23 февраля) открытии музея при памятнике на Сапун-горе, посвященного героям-приморцам, погибшим в борьбе за освобождение Крыма и Севастополя [9, л. 43] – он стал единственным реально созданным музеем из трех запланированных. В действительности его торжественное открытие состоялось 9 мая 1945 г. и было приурочено ко Дню Победы и первой годовщине освобождения Севастополя. Начальником музея был назначен майор Д. С. Бельфор, руководивший созданием его первой экспозиции. Однако вскоре данное учреждение также было передано на баланс муниципальных властей [2, с. 57].

Не сохранившееся до наших дней здание музея, созданное по проекту и под руководством военного инженера, лейтенанта А. Д. Киселева, представляло собой двухэтажное сооружение из инкерманского камня, которое было оформлено в едином стиле с памятником-обелиском воинам Приморской армии и соединено с ним специальным переходом [10, л. 1–1об.]. Небольшое по своим размерам (всего

около 60 кв. м.) здание музея, видимо из-за низкого качества строительных работ, постоянно требовало текущего ремонта, финансовые средства и материалы для которого в сложных условиях восстановительного периода выделялись в очень незначительных объемах. Несмотря на это, музей на Сапун-горе вызывал большой интерес, пик которого приходился на первую декаду мая. Как сообщалось в одном из источников 1952 года «у здания музея – огромная очередь. Сотни людей благоговейно рассматривают документы, отражающие историю славного штурма, останавливаются перед портретами героев, запечатлевая их в своей памяти» [цит. по: 2, с. 58]. За первые 10 лет существования «полевого музея», то есть до середины 1950-х гг., его посетило более 750 тыс. чел. [32, с. 70].

Параллельно с описываемыми процессами по начальной мемориализации данного «места памяти» тема штурма Сапун-горы также нашла свое отражение в литературе и искусстве. В качестве примера можно привести кинофильм «Третий удар» (1948, режиссер И. Савченко) и пьесу «Южный узел» (1949), созданные на основе литературных произведений советского писателя А. А. Первенцева. В результате Сапун-гора окончательно превратилась в один из общесоюзных символов боевого героизма, проявленного в годы Великой Отечественной войны. Поэт-фронтовик из Горьковской области Владимир Каныгин так отразил её значимость в своем стихотворении: «Я все-таки досаую немного / Что не гремело здесь мое ура. Что на моих простреленных дорогах / Не встретила своя Сапун-гора» [16].

Решение о сооружении диорамы «Штурм Сапун-горы в мае 1944 г.» было принято исполнительным комитетом Севастопольского городского совета 6 сентября 1958 г., спустя 4 года после восстановления панорамы «Оборона Севастополя». Для этих целей первоначально было выделено 800 тыс. руб., из которых 350 тыс. руб. – на строительство здания для диорамы и 450 тыс. руб. – на создание живописного полотна [4, л. 18]. Полотно диорамы создано группой военных художников студии имени М. Б. Грекова под руководством П. Т. Мальцева, уже создавшего в 1956–1957 гг. батальную картину «Штурм Сапун-горы» и поэтому хорошо знакомого с местными условиями, а также исторической основой события [1, с. 57]. В процессе работы над диорамой около 150 непосредственных участников штурма Сапун-горы побывали в мастерской грековцев и дали ценные консультации художникам, а главным военным консультантом являлся Герой Советского Союза, капитан 1 ранга в отставке Г. В. Терновский. Также эскиз полотна был выставлен на общественное обозрение и обсуждение не только в Севастополе, но и в московской Академии Генерального штаба [7, с. 57; 34, с. 41]. В завершённом виде ширина полотна диорамы составляла 25 метров, а высота – 5,5 метров. На момент своего открытия она была крупнейшей по размерам диорамой не только в Советском Союзе, но и в мире [18, с. 46].

Диорама была размещена на втором этаже здания полукруглой формы, специально построенного для неё по проекту архитектора В. П. Петропавловского, в то время как на первом этаже разместилась музейная экспозиция. Эта экспозиция, размещенная в нескольких залах и вестибюле здания, тематически и

хронологически охватывала более широкий спектр событий, нежели сюжет самой диорамы. Здесь были отражены такие темы, как предвоенное развитие Севастополя; боевой и трудовой героизм в период обороны города 1941–1942 гг.; сущность фашистского оккупационный режим и противостоящая ему деятельность партизан и подпольщиков; важнейшие события по освобождению Крыма и Севастополя; дальнейший боевой путь отличившихся здесь воинских соединений на пути к Великой Победе; история формирования и развития самого мемориального комплекса [см.: 32, с. 8–78]. Первая полноценная музейная экспозиция здесь была создана в 1960 г., а её обновления проводились в 1961, 1966, 1972, 1990, 1995, 1999, 2004 гг. [24, с. 53].

Выполненная на высоком художественном уровне, диорама стала точкой притяжения не только для севастопольцев, но и для многочисленных гостей города-героя. После торжественного открытия Диорамы 4 ноября 1959 г. до конца года количество её посетителей составило около 52,5 тыс. чел., а в следующем 1960 г. – уже почти 450 тыс. чел. К концу 1980-х гг. общее количество посетителей Диорамы на Сапун-горе достигло 22 млн. чел. [34, с. 42].

В 1960 г. был создан Государственный музей героической обороны и освобождения Севастополя, в состав которого были включены Панорама «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.», Диорама «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 г.» и ряд других объектов, что, по мнению исследователей, имело позитивные последствия [см.: 24]. В 1969–1974 гг. на Сапун-горе были сооружены обрамляющие плац мемориальные стены с именами Героев Советского Союза, удостоенных этих званий и наград в ходе боев за освобождение Севастополя, а также перечнем соединений и частей, удостоенных названия «Севастопольских» и награжденных орденами Красного Знамени, Суворова и Красной Звезды [31, с. 442].

Вечный огонь на Сапун-горе был зажжен 9 мая 1970 г., в день празднования 25-летия Победы в Великой Отечественной войне. Источником священного пламени стал Вечный огонь на Малаховом кургане, а в ритуальной эстафете доставки огня приняли участие Герои Советского Союза Л. М. Павличенко и Ф. И. Матвеев, военнослужащие Черноморского военно-морского флота, рабочие-передовики и учащиеся Севастополя, что должно было символизировать преемственность поколений, а также неразрывную связь боевой и трудовой славы [8, с. 113].

Появление на Сапун-горе второго в Севастополе Вечного огня говорило как об особой значимости этого места в системе мемориальных координат, так и об усилении мемориально-символического статуса Великой Отечественной войны в целом, поскольку Вечный огонь, зажженный ещё в 1958 г. на Малаховом кургане, был посвящен памяти всех «воинов, погибших в боях за Родину» [3, л. 80]. Начиная с мая 1970 г. на протяжении нескольких лет уже упоминавшаяся песня «Сапун-гора» звучала каждые 5 минут как «музыкальная эмблема» расположенного здесь мемориального комплекса с Вечным огнем. Но затем на довольно длительное время она была заменена песней «Заветный камень» (1943, музыка Б. Мокроусова, слова

А. Жарова), сюжетно также связанной с Севастополем, но не конкретно с Сапун-горой [1, с. 64].

Одним из важных направлений сохранения и охраны культурного наследия является консервация военно-исторического ландшафта мест сражений различных исторических эпох [подробнее см.: 22, с. 48–53]. В этом контексте примечательно, что при формировании первоначального ядра мемориальных сооружений на Сапун-горе в 1940–1950-е гг. был сознательно оставлен в нетронутом виде участок оборонительных сооружений немецкой армии образца весны 1944 г., который в документах того времени назывался «заповедником оборонительных сооружений фашистской армии» [цит. по: 34, с. 42]. В путеводителях более позднего периода уже уточнялось, что это элементы советской линии оборонительных сооружений периода обороны 1941–1942 гг., которые были дополнительно укреплены немецкими захватчиками во время оккупации и штурмовались воинам Красной Армии в мае 1944 г. [39, с. 90–92]. Этот участок укреплений сохранен до наших дней и используется для проведения ежегодных исторических реконструкций штурма Сапун-горы 7 мая 1944 г. Кроме того, в 1960–1980-е гг. на Сапун-горе была сформирована постоянно пополняемая новыми образцами экспозиция советской и трофейной военной техники и артиллерийских орудий периода Великой Отечественной войны.

В настоящее время по личному поручению Президента Российской Федерации В.В. Путина на Сапун-горе ведутся масштабные работы по реконструкции и благоустройству (включая обновление инженерных сетей, замену мощения, озеленение, создание новых малых архитектурных норм и проч.). Также в соответствии с нормами обеспечения безопасности общественных пространств территория мемориала впервые была ограждена. В начале августа 2021 г. здание диорамы было закрыто на реконструкцию до мая 2022 г. За эти же сроки предполагается провести также реставрацию самого живописного полотна диорамы [33].

В середине 1970-х гг. севастопольские архитекторы В. М. Артюхов и А. И. Баглей в своей книге, посвященной городской архитектуре, называли Сапун-гору «основным комплексным мемориалом, посвященным освобождению Севастополя» [5, с. 59]. Отмеченная ими «комплексность» мемориала проявлялась не только в описанном выше разнообразии архитектурно-художественных элементов, объединенных в единое целое, но и в том широком наборе социальных функций, которые он выполнял и продолжает выполнять. Как показано в одной из публикаций автора данной статьи, такая полифункциональность была характерна для всех крупных мемориальных комплексов СССР, создававшихся в послевоенный период [см.: 26]. В более поздних по времени создания мемориальных комплексах Москвы, Киева, Новороссийска, Севастополя и многих других городов она была заложена уже на уровне начального архитектурного проекта, в то время как Сапун-гора является интересным примером поэтапного развития, логика которого как раз и объяснялась необходимостью обеспечения полифункциональности. Кратко охарактеризуем основные из этих функций.

Политика-идеологическая функция являлась следствием реализации государственной исторической политики, направленно на легитимацию публичной власти и поддержания её авторитета. С первых лет после освобождения Севастополя появилась традиция ежегодного проводить на Сапун-горе многотысячные митинги, посвященные Дню Победы и очередной годовщине освобождения Севастополя. Церемония начиналась с возложения венков и цветов к расположенным здесь мемориальным объектам. Затем перед собравшимися выступали руководители исполнительных органов власти и городской партийной организации, представители командования Черноморского военно-морского флота и Таврического (позже – Одесского) военного округа, а также непосредственные участники происходивших здесь боевых действий [2, с. 59]. Военнослужащие армии и флота всегда составляли значительную часть участников таких митингов, а 9 мая 1945 г. здесь также был проведен военный парад. Судя по фотографиям, до сооружения здания Диорамы во время митингов в качестве трибуны использовалось многоступенчатое основание памятника-обелиска воинам Приморской армии [см., например: 23]. В своих отзывах посетители Сапун-горы благодарили «Партию и Правительство за великую заботу об увековечении этого тяжелого, но легендарного периода», а также называли боевые успеха Красной Армии и Флота доказательством силы ленинских идей и мощи социалистического строя [38, с. 79]. Позже, в связи с ростом населения города и более массовым характером таких митингов, их проведение было перенесено на площадь Нахимова. Именно там, например, в 1985 году состоялся митинг в честь 40-летия Великой Победы и 41-й годовщины освобождения Севастополя [37]. Но различные официальные памятные мероприятия на Сапун-горе с участием первых лиц города продолжали регулярно проводиться, сохраняется эта традиция и на современном этапе.

Любая регулярно повторяемая коммеморативная практика приобретает ритуальную форму. *Ритуальная функция* мемориала на Сапун-горе реализовывалась не только во время массовых мероприятий, но и в рамках групповых и индивидуальных посещений. Возложение венков и цветов, минута молчания, оставление записей в книгах отзывов и поминовение погибших стали практически обязательным атрибутом пребывания здесь. Ритуализованные коммеморативные практики, связанные с памятью о событиях 1941–1945 гг., во многом формировались на основе армейских ритуалов, поэтому органично включали в себя салюты, почетные караулы, чествование знамен и проч. Так, в наши дни на Сапун-горе ежегодно проводится военно-патриотическая акция «Знамена Славы», суть которой заключается в том, что во время празднований у Вечного огня на Сапун-горе торжественно проносят знамена воинских соединений, хранящиеся в фондах Музея обороны Севастополя. Эта акция в определенной степени преемственна и мемориальным традициям позднесоветского времени, когда в Севастополе проводили «вечера памяти боевых знамен и флагов» [35, с. 15].

Героика Великой Отечественной войны в позднесоветский период активно использовалась как один из моральных факторов трудовой мобилизации для стимулирования увеличения производительности труда [подробнее см.: 29]. Сапун-

гора не могла быть исключена из этой практики, также выполняя *мобилизационную функцию*. Так, в ноябре 1959 г. на страницах газеты «Слава Севастополя» были опубликованы такие характерные слова одного из первых посетителей диорамы: «Здесь на века запечатлено мужество советского народа. И честный труд, добросовестное отношение к своим обязанностям – вот лучшая благодарность тем, кому воздвигнут этот памятник искусства» [17].

Другой посетитель оставил в книге отзывов такую запись: «Эмоциональное воздействие диорамы огромно... Сердца зрителей наполняются чувством величайшей благодарности тем, кто, презрев смерть, бесстрашно смотрел ей в лицо, совершил бессмертные подвиги во имя жизни будущих поколений» [30, с. 59], что свидетельствует и о *воспитательной функции* данного «места памяти». Кроме того, территория Сапун-горы в послевоенные годы использовалась для гражданско-патриотического, но и трудового, а также экологического воспитания. Парк площадью более 10 гектар на вершине Сапун-горы был заложен севастопольцами в 1958–1959 гг. [38, с. 8]. С тех пор уже более полувека при активном участии общественности, особенно молодежи, здесь регулярно происходит озеленение и благоустройство территории, в том числе современная акция «Сирень Победы». Однако главным результатом реализации здесь воспитательной функции все же являлись патриотизм и уважение к героическому прошлому [подробнее см.: 28].

Информационно-познавательная функция мемориального комплекса на Сапун-горе реализуется посредством знакомства с размещенной здесь музейной экспозицией, диорамой, надписями на памятниках-obelisks и мемориальных стенах, в процессе осмотра экспозиции военной техники. Этот эффект дополнительно закрепляет прочтение текстов многочисленных путеводителей по Сапун-горе разных лет издания, лучшие из которых были подготовлены музейными сотрудниками [см.: 1; 30; 32; 38; 39].

В советское время Сапун-гора регулярно использовалась для проведения «Зарниц», в 1967 г. её впервые «штурмовали» участники финального этапа этой общесоюзной военно-спортивной игры [14]. На современном этапе на Сапун-горе ежегодно, в начале мая, проходит реконструкция штурма горы 7 мая 1944 г., в которой участвуют сотни любителей исторической реконструкции. Таким образом, информационно-познавательная и воспитательная функции тесно переплетаются с *рекреационно-аттрактивной функцией*. Сформировалась распространенная практика семейного посещения Сапун-горы в праздничные и выходные дни, в том числе для участия в различных аттракциях или знакомства с ними в качестве зрителей. В частности, очень популярным среди севастопольцев нескольких поколений был приуроченный к дате 9 мая мотокросс по окрестностям Сапун-горы, впервые проведенный ещё в 1962 г.

Помимо получения знаний, формирования этических ценностей и включенности в различные аттракции, посещение мемориального комплекса на Сапун-горе создает условия для реализации *эстетической функции*. С одной стороны, со смотровой площадки открывается прекрасная панорама юго-восточной части окрестностей Севастополя, включая Балаклавскую долину. С другой стороны,

эстетическое удовольствие вызывает осмотр расположенных здесь произведений искусства – памятников архитектуры и полотна диорамы. Как написал один из первых посетителей данного художественно-мемориального объекта: «думаю, что диорама, показывающая штурм вершины Сапун-горы, является вершиной советской батальной живописи» [38, с. 79].

Мемориальный комплекс на Сапун-горе выполняет и *статусную функцию*. Такого рода масштабный и разноплановый объект, особенно после открытия крупнейшей в стране диорамы, всегда являлся предметом гордости муниципального руководства и постоянно демонстрировался всем почетным гостям города-героя, будь то советские лидеры, руководители зарубежных государств и участники различных иностранных делегаций, легендарные советские космонавты Ю. Гагарин и Г. Титов и прочие *vip*-посетители.

В условиях советской государственной политики, основанной на принципах атеизма, сформировался своеобразный «светский культ» памяти о Великой Отечественной войне, предполагавший сакрализацию её памятных мест, символов, героев. Сапун-гора в этом контексте также воспринималась как священное место, что обуславливало реализацию *сакральной функции*. В 1985 г. газета «Слава Севастополя» опубликовала подборку писем читателей под общим заголовком «На священном месте». Их авторы предлагали полностью запретить курение и употребление спиртных напитков на территории Сапун-горы [26, с. 59]. О сакральном восприятии этого места свидетельствует также отзыв одного из посетителей Сапун-горы в 1980-е гг.: «Работники Диорамы делают великое дело своим отношением, своим трепетным вниманием к святыням. Спасибо Вам огромное за ваш благородный труд. Вы – служители памяти человеческой...» [цит. по: 7, с. 435]. В постсоветский период возникли условия для того, чтобы светская сакральность сменилась религиозной сакральностью. 7 апреля 1995 г. на Сапун-горе был освящен и начал действовать Храм-часовня во имя святого великомученика Георгия Победоносца. Это является не только актуальной мемориальной тенденцией, но и возвращением к традициям, поскольку православные храмы и часовни создавались на некоторых полях сражений ещё в дореволюционный период [см., например: 22, с. 52].

Севастополь не зря называют «город-памятник» – его территория отличается колоссальной концентрацией разнообразных мемориальных объектов. Мемориальный комплекс на Сапун-горе, создание, развитие и использование которого описано в данной статье, нельзя назвать главной мемориальной доминантой города (в отличие, например, мемориал на Мамаевом кургане в Волгограде). Однако он, безусловно, ярко выделяется своей мемориальной спецификой и своеобразием среди других «мест памяти» Севастополя. Выбор в 1944 г. военным руководством 51-й и Приморской армий Сапун-горы как места создания двух значительных монументов в память о павших подтверждает тот факт, что именно её штурм рассматривался ими как кульминационный эпизод битвы за освобождение Севастополя. Вместе с тем, коммеморативная ситуация сложилась таким образом, что не менее ожесточенные и кровопролитные бои за

расположенную рядом высоту Горная, оказались прославленными и увековеченными в меньшей степени [подробнее см.: 6].

В 1954 г. на страницах газеты «Крымский комсомолец» была опубликована статья Е. И. Жидилова «Сапун-гора – место трех сражений». Автор обоснованно обращал внимание на тот факт, что бои за Сапун-гору велись не только в мае 1944 г. при освобождении города, но также во время первой обороны Севастополя в 1854–1855 гг. и второй обороны 1941–1942 гг. [13]. О том, что бои за Сапун-гору происходили и в период второй обороны Севастополя, напоминает расположенный на одном из её южных отрогов небольшой памятный знак на месте командного пункта 7-й бригады морской пехоты, которой командовал полковник (впоследствии генерал-лейтенант) Е. И. Жидилов [12, с. 121].

Примечательно, что один из руководителей обороны Севастополя в 1941–1942 гг. Ф. С. Октябрьский критически высказывался о том, что ключевым мемориальным символом битвы за Севастополь в период Великой Отечественной войны к концу 1950-х гг. стала именно Сапун-гора. Очевидно, что он субъективно считал освобождение города в 1944 г. менее героической и значимой страницей истории, чем его оборону в 1941–1942 гг. Так, во время своей встречи с музейными работниками и экскурсоводами в декабре 1958 г., бывший командующий Черноморского военно-морского флота заявил: «нельзя оставлять в тени, заслонять великую славу Севастопольской обороны такими вещами, как диорама Сапун-горы. Не так давно я сказал руководству горкома партии: «Вы поддались на уговоры некоторых товарищей, которые наживают капитал на этом. Вы послушались каких-то консультантов-художников». Говоря о штурме Сапун-горы, мы [отодвинем] оборону на второй план... Эпизод, штурм Сапун-горы, был героическим, может быть, его тоже нужно как-то и когда-то отразить, но давайте сначала освещать оборону Севастополя» [15, с. 300]. Гипертрофированное внимание к штурму Сапун-горы в мае 1944 г. Ф. С. Октябрьский объяснял амбициями бывшего руководства Отдельной Приморской армии, в первую очередь – Маршала Советского Союза А. И. Ерёменко [15, с. 300]. Современный исследователь И. В. Сибирякова называет иную причину. По его мнению, усиление внимания в 1950-е гг. к успешному штурму Сапун-горы было обусловлено тем, что в этот период память о Великой Отечественной войне приобретала все большее значение в деле гражданско-патриотического воспитания. И в связи с этим естественным был акцент на победы, а не на поражения, ведь после героической обороны 1941–1942 гг. город все же был захвачен врагом [34, с. 41].

Уже исторически сложилось, что на культурно-ментальной карте памяти города-героя Севастополя Сапун-гора занимает очень важное, но все же не центральное положение – как в пространственном, так и в символическом измерении. В первую очередь это связано с тем, что в системе мемориальных координат также очень активно представлено «место памяти» Малахов курган, которое в отличие от Сапун-горы отличается ярко выраженным дуализмом и связано не только с событиями Великой Отечественной, но и Крымской войны. А тесная связь, преемственность героики двух севастопольских оборон – одна из

основ исторической памяти Севастополя [подробнее см.: 7]. Символично, что именно на Малаховом кургане в 1958 г. был зажжен первый в Севастополе Вечный огонь, тогда как Вечный огонь на Сапун-горе появился более 20 лет спустя.

Кроме того, относительная удаленность Сапун-горы от центральной части города привела к тому, что в различных коммеморативных практиках оказался более активно задействован не только уже упоминавшийся Малахов курган, но и торжественно открытая в 1967 г. Мемориальная стена в честь героев второй обороны Севастополя на площади Нахимова. Не случайно именно здесь, а не на Малаховом кургане или Сапун-горе, был создан школьно-комсомольский Пост №1. В большинстве других городов-героев Пост №1 был локально «привязан» к местонахождению Вечного огня. Но в Севастополе Пост №1 на площади Нахимова стал действовать с 1973 г., а Вечный огонь здесь появился лишь в 1999 г. [8, с. 113; 12, с. 89].

Ещё один мощный «мемориальный кластер», связанный с памятью о Великой Отечественной войне, был сформирован в 1970–2000-е гг. на мысе Хрустальный. Несмотря на монументальность расположенных здесь сооружений (обелиск Штык-парус, мемориальная композиция Солдат и Матрос), он менее задействован в проведении различных официальных мероприятиях, чем другие упоминавшиеся выше мемориальные объекты. В будущем его значение может возрасти, если в рамках комплексного развития данной территории здесь действительно будет создан новый музей второй героической обороны Севастополя [подробнее см.: 27]. Однако в любом случае Сапун-гора, как «место памяти», уже на протяжении более 70 лет активно присутствует в физическом и духовной-символическом пространстве. Не вызывает сомнений, что и в будущем, благодаря своей комплексности и функциональности, оно будет являться очень значимым элементом в коллективной памяти о Великой Отечественной войне для последующих поколений.

Список использованных источников и литературы

1. Авраменко М. П., Кравец А. Т. Сапун-гора. Путеводитель. 3-е изд., доп. – Симферополь: Таврия, 1990. – 64 с.
Avramenko M. P., Kravets A. T. Sapun-gora. Putevoditel'. 3-e izd., dop. – Simferopol: Tavriya, 1990. – 64 s.
2. Агишева И. Ю. История создания военно-полевого музея на Сапун-горе // III Таврические научные чтения: Сб. материалов. – Симферополь, 2003. – С. 56–60.
Agisheva I. Yu. Istoriya sozdaniya voenno-polevogo muzeya na Sapun-gore // III Tavricheskie nauchnye chteniya: Sb. materialov. – Simferopol, 2003. – S. 56–60.
3. Архив города Севастополя (АГС), ф. Р-79, оп. 2, д. 250.
Arkhiv goroda Sevastopolya (AGS), f. R-79, op. 2, d. 250.
4. АГС, ф. Р-79, оп. 2, д. 592.
AGS, f. R-79, op. 2, d. 592.
5. Баглей А. И., Артюхов В. М. Город-герой Севастополь. – М.: Стройиздат, 1975. – 206 с.
Baglei A. I., Artyukhov V. M. Gorod-geroi Sevastopol. – M.: Stroiiizdat, 1975. – 206 s.
6. Вакулова Т. В. Высота Горная: горькая правда // Крымская наступательная операция. Значение. Итоги. Правда и ложь: материалы Всероссийской научно-практической конференции

**САПУН-ГОРА КАК «МЕСТО ПАМЯТИ»:
ДИНАМИКА И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МЕМОРИАЛИЗАЦИИ**

(Севастополь, 25–27 апреля 2019 г.). – Севастополь: ФГБУК «Севастопольский военно-исторический музей-заповедник», 2020. – С. 120–127.

Vakulova T. V. Vysota Gornaya: gor'kaya pravda // Krymskaya nastupatel'naya operatsiya. Znachenie. Itogi. Pravda i lozh': materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Sevastopol, 25–27 aprelya 2019 g.). – Sevastopol: FGBUK «Sevastopol'skii voenno-istoricheskii muzei-zapovednik», 2020. – S. 120–127.

7. Волков Е. В., Журавлева Н. С., Сибиряков И. В. «Ленинграда черноморский брат»: Севастополь в советской культурной памяти. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2021. – 499 с.

Volkov E. V., Zhuravleva N. S., Sibiryakov I. V. «Leningrada chernomorskii brat»: Sevastopol' v sovetskoj kul'turnoi pamyati. – Chelyabinsk: Izdatel'skii tsentr YuUrGU, 2021. – 499 s.

8. Голикова Л. В., Агишева И. Ю. Вечный огонь // Севастополь: энциклопедический справочник / ред.-сост. М. П. Апошанская. – Севастополь: НМГООС, 2008. – С. 112–113.

Golikova L. V., Agisheva I. Yu. Vechnyi ogon' // Sevastopol: entsiklopedicheskii spravochnik / red.-sost. M. P. Aposhanskaya. – Sevastopol: NMGOOS, 2008. – S. 112–113.

9. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. Р-3287, оп. 1, д. 30.

Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym (GARK), f. R-3287, op. 1, d. 30.

10. ГАРК, ф. Р-3512, оп. 2, д. 34.

GARK, f. R-3512, op. 2, d. 34.

11. Гуркович В. Н. Как в Симферополе был уничтожен памятник павшим воинам 19 Краснознамённого Перекопского танкового корпуса // IV Таврические научные чтения: сб. материалов / ред.-сост. Е. Б. Вишневецкая. – Симферополь, 2004. – С. 42–51.

Gurkovich V. N. Kak v Simferopole byl unichtozhen pamyatnik pavshim voynam 19 Krasnoznamennogo Perekopskogo tankovogo korpusa // IV Tavricheskie nauchnye chteniya: sb. materialov / red.-sost. E. B. Vishnevskaya. – Simferopol, 2004. – S. 42–51.

12. Доронина Э. Н., Яковлева Т. И. Памятники Севастополя. – Симферополь: Таврия, 1978. – 144 с.

Doronina E. N., Yakovleva T. I. Pamyatniki Sevastopolya. – Simferopol: Tavriya, 1978. – 144 s.

13. Жидилов Е. И. Сапун-гора – место трех сражений // Крымский комсомолец. – 1954. – 9 мая.

Zhidilov E. I. Sapun-gora – mesto trekh srazhenii // Krymskii komsomolets. – 1954. – 9 maya.

14. «Зарницы» у Сапун-горы // Правда. – 1967. – 20 июня.

«Zarnitsy» u Sapun-gory // Pravda. – 1967. – 20 iyunya.

15. Из стенограммы встречи коллектива работников «Панорамы обороны Севастополя 1854–1855 гг.» и Ялтинского экскурсионного бюро с Героем Советского Союза адмиралом Ф. С. Октябрьским (18 декабря 1958 г.) // Москва – Севастополь: Архивно-краеведческий альманах. Вып. 1. – М., 2016. – С. 299–306.

Iz stenogrammy vstrechi kolektiva rabotnikov «Panoramy oborony Sevastopolya 1854–1855 gg.» i Yaltinskogo ekskursionnogo byuro s Geroem Sovetskogo Soyuza admiralom F. S. Oktyabr'skim (18 dekabrya 1958 g.) // Moskva – Sevastopol: Arkhivno-kraevedcheskii al'manakh. Вып. 1. – М., 2016. – S. 299–306.

16. Каныгин В. Сапун-гора // Известия. – 1962. – 17 мая.

Kanugin V. Sapun-gora // Izvestiya. – 1962. – 17 maya.

17. Кияшко Г. От всего сердца // Слава Севастополя. – 1959. – 22 ноября.

Kiyashko G. Ot vsego serdtsa // Slava Sevastopolya. – 1959. – 22 noyabrya.

18. Клавдиев С. М. Русские панорамы («Оборона Севастополя», «Бородинская битва»). – М.: Сов. Россия, 1972. – 136 с.

Klavdiev S. M. Russkie panoramy («Oborona Sevastopolya», «Borodinskaya bitva»). – М.: Sov. Rossiya, 1972. – 136 s.

19. Кожевников В. Севастополь // Огонек. – 1944. – №17–18 (май). – С. 1–2.

Kozhevnikov V. Sevastopol' // Ogonek. – 1944. – №17–18 (mai). – S. 1–2.

20. Крым. Памятники славы и бессмертия / Сост. С. Н. Шаповалова. 2-е изд., доп. – Симферополь: Таврия, 1985. – 240 с.

Krym. Pamyatniki slavy i bessmertiya / Sost. S. N. Shapovalova. 2-e izd., dop. – Simferopol: Tavriya, 1985. – 240 s.

21. Манаев А. Ю. Мемориализация событий Великой Отечественной войны в Крыму: памятникоохранный аспект (1944–1991) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2018. – Т.4(70), № 4. – С. 25–39.

Manaev A. Yu. Memorializatsiya sobytii Velikoi Otechestvennoi voyny v Krymu: pamyatnikookhrannyi aspekt (1944–1991) // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – 2018. – T.4(70), № 4. – S. 25–39.

22. Манаев А. Ю. Поле сражения как особая категория наследия: к проблеме сохранения культурных ландшафтов в Республике Крым // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2015. – Т. 1(67), № 2. – С. 48–62.

Manaev A. Yu. Pole srazheniya kak osobaya kategoriya naslediya: k probleme sokhraneniya kul'turnykh landshaftov v Respublike Krym // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – 2015. – T. 1(67), № 2. – S. 48–62.

23. Митинг на Сапун-горе // Огонек. – 1949. – № 21 (май). – С. 5.

Miting na Sapun-gore // Ogonek. – 1949. – № 21 (mai). – S. 5.

24. Никитина И. В. Музей героической обороны и освобождения Севастополя. История становления и развития музейного комплекса // Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 116. – С. 50–55.

Nikitina I. V. Muzei geroicheskoi oborony i osvobozhdeniya Sevastopolya. Istoriya stanovleniya i razvitiya muzeinogo kompleksa // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – 2007. – № 116. – S. 50–55.

25. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. Пюимеж, Ж. Винок. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. С. 17–50.

Nora P. Mezhdru pamyat'yu i istoriei. Problematika mest pamyati // Frantsiya-pamyat' / P. Nora, M. Ozuf, Zh. Pyuimezh, Zh. Vinok. SPb.: Izd-vo SPb. un-ta, 1999. S. 17–50.

26. Попов А. Д., Романько О. В. Памятники Великой Отечественной войны в поздний советский период: многообразие социальных функций и практик // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: «Исторические науки и археология». – 2019. – № 2. – С. 55–62.

Popov A. D., Roman'ko O. V. Pamyatniki Velikoi Otechestvennoi voyny v pozdnii sovetskii period: mnogoobrazie sotsial'nykh funktsii i praktik // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: «Istoricheskie nauki i arkheologiya». – 2019. – № 2. – S. 55–62.

27. Попов А. Д. Неоднозначный монумент: прошлое, настоящее и будущее мемориального комплекса на мысе Хрустальный в Севастополе // Российские регионы: взгляд в будущее. – 2019. – Т. 6, № 2. – С. 18–37.

Popov A. D. Neodnoznachnyi monument: proshloe, nastoyashchee i budushchee memorial'nogo kompleksa na myse Khrustal'nyi v Sevastopole // Rossiiskie regiony: vzglyad v budushchee. – 2019. – T. 6, № 2. – S. 18–37.

28. Попов А. Д. «С памятью в сердце»: патриотическое воспитание и мемориальные традиции в городах-героях Севастополь, Керчь и Новороссийск (1950–1980-е гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2019. – Т. 5(71), № 4. – С. 80–90.

Popov A. D. «S pamyat'yu v serdtse»: patrioticheskoe vospitanie i memorial'nye traditsii v gorodakh-geroyakh Sevastopol', Kerch' i Novorossiisk (1950–1980-e gg.) // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – 2019. – T. 5(71), № 4. – S. 80–90.

29. Попов А. Д. Память о Великой Отечественной войне как мобилизационный ресурс: советский опыт 1960–1980-х гг. // СССР во Второй мировой войне (1939–1945 гг.): проблемы исторической памяти: сборник трудов Междунар. науч.-образоват. конф. (Санкт-Петербург, 15–16 окт 2020 г.) – СПб.: Свое издательство, 2020. – С. 396–402.

Popov A. D. Pamyat' o Velikoi Otechestvennoi voine kak mobilizatsionnyi resurs: sovetskii opyt 1960–1980-kh gg. // SSSR vo Vtoroi mirovoi voine (1939–1945 gg.): problemy istoricheskoi pamyati: sbornik trudov mezhdunarodnoi nauchno-obrazovatel'noi konferentsii (Sankt-Peterburg, 15–16 oktyabrya 2020 g.) – SPb.: Svoe izdatel'stvo, 2020. – S. 396–402.

30. Репков Л. Г., Авраменко М. П., Игумнова Е. М. Сапун-гора. Путеводитель. – Симферополь: Таврия, 1974. – 72 с.

- Repkov L. G., Avramenko M. P., Igumnova E. M. Sapun-gora. Putevoditel'. – Simferopol: Tavriya, 1974. – 72 s.
31. Савченко Ю.Н. Сапун-гора // Севастополь: энциклопедический справочник / ред.-сост. М. П. Апошанская. – Севастополь: НМГООС, 2008. – С. 442–443.
- Savchenko Yu.N. Sapun-gora // Sevastopol: entsiklopedicheski spravochnik / red.-sost. M. P. Aposhanskaya. – Sevastopol: NMGOOS, 2008. – S. 442–443.
32. Сапун-гора: Путеводитель. – Севастополь: ФГБУК «ГМГООС», 2018. – 112 с.
- Sapun-gora: Putevoditel'. – Sevastopol: FGBUK «GMGOOS», 2018. – 112 s.
33. Севастопольская Диорама закрылась на реконструкцию. Следующая на очереди – Панорама [электронный ресурс]. URL: <https://crimea-news.com/society/2021/08/07/823878.html> (дата обращения: 8.08.2021 г.).
- Sevastopol'skaya Diorama zakrylas' na rekonstruktsiyu. Sleduyushchaya na ocheredi – Panorama [elektronnyi resurs]. URL: <https://crimea-news.com/society/2021/08/07/823878.html>.
34. Сибиряков И. В. Картины героического прошлого Севастополя: панорама «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.» и диорама «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 г.» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2016. – Т. 16, № 2. – С. 40–43.
- Sibiriyakov I. V. Kartiny geroicheskogo proshlogo Sevastopolya: panorama «Oborona Sevastopolya 1854–1855 gg.» i diorama «Shturm Sapun-gory 7 maya 1944 g.» // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki». – 2016. – T. 16, № 2. – S. 40–43.
35. Смолянинов А. П. «Всегда ты будешь живым примером» // Равнение на подвиг: Сборник. – Симферополь: Таврия, 1988. – С. 3–21.
- Smolyaninov A. P. «Vsegda ty budesh' zhyvym primerom» // Ravnenie na podvig: Sbornik. – Simferopol: Tavriya, 1988. – S. 3–21.
36. Соболев Л. Дорогами побед. Севастополь // Правда. – 1944. – 7 июня.
- Sobolev L. Dorogami pobed. Sevastopol // Pravda. – 1944. – 7 iyunya.
37. Стецюк М. Подвигу жить в веках // Слава Севастополя. – 1985. – 9 мая.
- Stetsyuk M. Podvigu zhit' v vekakh // Slava Sevastopolya. – 1985. – 9 maya.
38. Яковлева Т. И., Шебек Н. В., Войтенко С. М. Сапун-гора. Путеводитель по заповеднику. – Симферополь: Крымиздат, 1963. – 88 с.
- Yakovleva T. I., Shebek N. V., Voitenko S. M. Sapun-gora. Putevoditel' po zapovedniku. – Simferopol: Krymizdat, 1963. – 88 s.
39. Яковлева Т. И., Шебек Н. В., Войтенко С. М. Сапун-гора. Путеводитель по заповеднику. 3-е изд., доп. – Симферополь: Крым, 1967. – 93 с.
- Yakovleva T. I., Shebek N. V., Voitenko S. M. Sapun-gora. Putevoditel' po zapovedniku. 3-e izd., dop. – Simferopol: Krym, 1967. – 93 s.

Popov A. Mount Sapun as «The Place of Memory»: dynamics and main trends of memorialization

The article describes the stages and forms of memorization of Mount Sapun, as one of the most important «places of memory» of the hero city of Sevastopol, from May 1944 to the present day. On the basis of a wide variety of sources, the development of the memorial on Mount Sapun is described in the context of the main trends of the Soviet and post-Soviet historical memory of the Great Patriotic War. At the same time the polyfunctionality of this complex which thanks to including in its structure a large number of elements (monuments, the museum, the diorama, an exposition of military equipment, the saved defensive fortifications of wartime, the temple chapel, etc.) successfully carried out and continues to carry out not only commemorative, but also political and ideological, mobilization, information, educational, recreational, esthetic, status, sacral functions is shown.

Keywords: historical memory, politics of memory, Hero City, commemoration, memorial complex, Eternal Flame, Great Patriotic War, Sevastopol, Mount Sapun.

УДК 069:93:504.06(571.53)

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-3-113-121

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ ВЫСТАВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ БАЙКАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Сартакова А. В.

*Восточно-Сибирский государственный институт культуры,
г. Улан-Удэ, Российская Федерация
E-mail: sartakova.ann@mail.ru*

Выставочная деятельность стала традиционной формой работы особо охраняемых природных территорий в рамках реализации эколого-просветительской деятельности. В данной статье рассматривается формирование и современное развитие выставочной деятельности природоохранных зон Байкальского региона. Кроме того, в статье уделено внимание разнообразным формам выставочной деятельности от традиционных выставок до виртуальных и бизнес-выставок. На основе архивных документов в статье приводится количественная и качественная характеристика выставочной деятельности ООПТ региона. В статье представлено краткое описание наиболее крупных и значимых выставок и экспозиций заповедных территорий региона в ретроспективе. Автор обращает внимание на особое значение стационарных выставок и экспозиций музеев и визит-центров ООПТ в выставочной деятельности региона, на обеспечение сохранности уникальных экспонатов. В заключительной части статьи сделаны обобщения и выводы, обозначены как положительные, так и проблемные моменты.

Ключевые слова: выставка, экспозиция, фотовыставка, визит-центр, экспонаты, особо охраняемая природная территория, Байкальский регион.

Согласно федеральному плану особо охраняемые природные территории (далее ООПТ) обладают высоким потенциалом для формирования экологической культуры, развития экологического образования и воспитания. Экологическое просвещение населения является одной из основных задач ООПТ России, которая законодательно закреплена в статьях Федерального закона «Об особо охраняемых природных территориях» и в федеральном плане мероприятий по реализации стратегии, включающего перечень ООПТ федерального значения, запланированных к созданию до конца 2030 г. Практически с момента создания и начала работы заповедных территорий выставочная деятельность стала устоявшейся формой работы с посетителями в рамках осуществления задач по экологическому просвещению и актуализации природоохранных зон.

Ежегодно дирекциям заповедных территорий с момента их учреждения на государственном уровне поступают от Министерства экологии и природных ресурсов госзадание, в разделе «Экологическое просвещение населения» которого предусмотрен пункт о проведении стационарных и передвижных выставок, которые ООПТ должны реализовать. Число выставок, которые должны быть организованы

природоохранной зоной, составляет в среднем от 6 до 8 в год. Кроме того, существует ряд и других документов, определяющих количество и тематику проводимых заповедной территорией выставок. К примеру, согласно плану основных мероприятий по проведению в 2017 г. в Российской Федерации «Года особо охраняемых природных территорий» проведено 23 фотовыставки, проходившие на базе международных аэропортов «Домодедово» и «Внуково», железнодорожных вокзалов, библиотек, школ и учреждений культуры субъектов Российской Федерации. Масштабными по организации и проведению стали «Заповедная Россия», «Заповедники России: 100 лет истории», «История заповедного дела в России» и «Дикая природа России» [15, с. 474].

В настоящее время в Байкальском регионе располагается 280 особо охраняемых природных территорий [12–14]. История их выставочной деятельности берет свое начало в 1923 г., когда Баргузинский государственный охотничий заповедник принял участие во Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке [10, с. 20]. В последующие годы заповедник осуществлял эколого-просветительскую функцию по средствам временных передвижных выставок фотографий, сделанных научными сотрудниками природоохранной зоны.

С момента открытия музея природы в 1953 г. в поселке Давша, у заповедника появилась первая постоянная экспозиция, претерпевшая небольшие изменения от своего первоначального облика, а точнее она пополнялась. В настоящее время данная экспозиция не соответствует современным стандартам выставочной деятельности, поэтому объединенной дирекцией Баргузинского государственного природного заповедника и национального парка «Забайкальский» («Заповедное Подлесье») был разработан проект эколого-просветительского музейного комплекса «Заповедный берег» и в ближайшее время намечена его реализация. Данный проект предполагает создание интерактивной обновленной экспозиции на основе научной базы заповедника в поселке Давша с применением ансамблевого и ландшафтного методов построения [15, с. 475].

Следует отметить, что с начала 1968 г. и до распада Советского союза Баргузинский государственный природный заповедник (с 1986 г. биосферный), наравне с Байкальским заповедником и Забайкальским национальным парком активно принимал участие в выставках достижений народного хозяйства СССР [5].

Современное состояние выставочной деятельности Баргузинского заповедника представлено организацией различных выставок. Например, в юбилейный 2017 г. в рамках мероприятий, посвященных столетию Баргузинского заповедника, прошла уникальная выставка «Машина времени» на базе естественно-научного центра ГАУК РБ «Национальный музей Республики Бурятия». На выставке были представлены фотохроника работы заповедника с момента открытия и до наших дней, личные вещи егерей, специализированное оборудование и полевые дневники научных сотрудников, чучела животных [8].

Также примечательно экспозиционное пространство визит-центра «Дом соболя», созданное в честь 105-летия с момента высадки первой соболиной экспедиции на территории полевой базы заповедника «Давша» и открытое для

посетителей 14 июля 2019 г. Выставка была спроектирована и смонтирована дизайнерами и сотрудниками ФГБУ «Заповедное Подлесье» и является уникальной в регионе, так как посвящена истории соболя. В рамках разделов экспозиции были воссозданы лаборатории ученых, представлены редкие документы, специализированное оборудование, научные труды сотрудников 1930-х гг., а также создана интерактивная зона в виде трона и костюма Ивана Грозного, который чрезвычайно ценил баргузинского соболя [6].

Ежегодно практически с первых лет своей работы природоохранные зоны Байкальского региона, такие как Государственный природный биосферный заповедник «Байкальский», Государственный природный биосферный заповедник «Даурский», Государственный природный биосферный заповедник «Сохондинский», Национальный парк «Алханай», Национальный парк «Тункинский», Государственный природный заповедник «Джергинский» и Государственный природный заповедник «Витимский» организуют и проводят различного вида выставки на базе муниципалитетов, районных центров, учреждений культуры и образования, а также за пределами региона [15, с. 476].

Например, государственный природный заповедник «Байкальский» был открыт в 1969 г., а уже в 1973 г. научным отделом заповедника был создан музей природы и его постоянная экспозиция, спроектированная при использовании ландшафтного метода, который позволил отразить все природные комплексы, расположенные на ООПТ через экспонаты в виде чучел и макетов животных. После ряда пожаров в главных усадьбах заповедника старая экспозиция была утрачена, а вместо нее создана обновленная, которая располагается в небольшом помещении нынешней главной усадьбы заповедника в поселке Тонхой [15, с. 476].

На данный момент в истории развития выставочной деятельности Байкальского региона самое большое количество организованных и проведенных выставок было в 1991 г., когда научные сотрудники Байкальского заповедника подготовили и представили 360 тематических выставок. Примечательно и то, что были созданы 2 масштабные комплексные передвижные фотовыставки экологической направленности, демонстрировавшиеся в городах, а также в районных центрах и селах Кабанского и Прибайкальского районов Республики Бурятия [3].

В конце XX – начале XXI вв. выставочная деятельность ООПТ Байкальского региона стала самостоятельным направлением работы с посетителями, позволяющим наглядно, достоверно и информативно актуализировать природное и историко-культурное наследие заповедных территорий, а также дало возможность привлечь туристов. Однако, планирование и организация выставочной деятельности заповедных территорий все также возложена на ее научных сотрудников [15, с. 475].

С 2000-х гг. одним из самых распространенных и удобных форматов общения ООПТ с социумом являются фотовыставки, так как позволяют зрителю увидеть первозданную красоту природы и порождают желание увидеть ее собственными глазами, посетив заповедную территорию. Для привлечения туристов на свои территории, а также в рамках реализации эколого-просветительских функций

научные сотрудники природоохранных зон разрабатывают и проводят фотовыставки на природоохранные темы, основной замысел которых бережное отношение к природе. Так, например, из анализа раздела по экологическому просвещению Летописей природы (ежегодный отчетный документ заповедника) и отчетов о проделанной работе ООПТ региона можно сделать вывод о том, что спросом у населения и туристов пользуются фотовыставки, демонстрирующие посетителям прекрасные и профессиональные фотографии редких и удаленных участков экосистем заповедных зон Байкальского региона и редких видов животных, занесенных в Красную книгу, сделанных научными сотрудниками заповедных территорий. Например, фотовыставки «Сохраним заповедный Байкал», «Заповедное ожерелье Байкала», «Этот прекрасный, заповедный мир» и «Заповедное ожерелье Амура» [2].

Подчеркнем, что в истории выставочной деятельности Байкальского региона у государственного природного заповедника «Байкало-Ленский» был сформирован особый подход к организации выставок и экспозиций, выраженный в создании постоянных выставок на базе различных учреждений. Например, в 2002 г. научными сотрудниками заповедника были спроектированы и открыты для публики 8 постоянных экспозиций в областных библиотеках, школах и музеях [15, с. 477]. Кроме того, ранее в 2001 г. заповедник располагал собственным музеем природы в главной усадьбе, расположенной в г. Иркутск, где были созданы действовавшие до закрытия музея в 2012 г. постоянные экспозиции, воссоздающие уникальные экосистемы Байкало-Ленского заповедника, привлекавшие большое количество посетителей из числа местного населения, так и туристов Иркутской области своей доступностью удаленных участков нетронутой природы заповедника [2].

Уникальной в своем роде является выставочная деятельность и других особо охраняемых природных территорий, таких как ботанические сады Иркутского государственного университета и Забайкальского края. Она получила свое развитие только в начале XXI в. Именно сотрудники ботанических садов проектируют и воссоздают живые экспозиции для посетителей с целью пропаганды бережного отношения к природе. Первым, кто создал и открыл для посетителей живую экспозицию в Байкальском регионе, стал Забайкальский ботанический сад. Так, в мае 2005 г. сотрудниками Забайкальского ботанического сада была организована первая живая экспозиция «Растения тропических и субтропических областей». Сегодня на территории сада расположено 7 экспозиций, из них 3 закрытого грунта, а остальные открытого грунта [11]. Несмотря на то, что ботанический сад Иркутского государственного университета был создан в 1940 г., но первоначальной и основной его целью создания было научное исследование растений и только с реорганизацией в 2015 г. ботанический сад стал уделять внимание вопросам экологического просвещения, тем самым организовывать живые экспозиции и другого вида выставки на своей территории с целью сохранения уникальной природы Байкальского региона [7].

Особой популярностью уже 20 лет пользуются детские выставки творческой направленности, проводимые ООПТ Байкальского региона. Например, с момента

своего открытия в 1992 г. национальный парк «Тункинский» ежегодно организует передвижные выставки детских поделок и рисунков. На выставках помимо основных экспонатов обычно также представлена информация о национальном парке, сувенирная и полиграфическая продукция нацпарка [15, с. 477]. В данном направлении организации выставочной деятельности также работает объединенная дирекция национального парка Прибайкальский и Байкало-Ленского государственного природного заповедника «Заповедное Прибайкалье». Ежегодно проводятся выставки детского творчества в различных общественных учреждениях силами отдела экологического просвещения объединенной дирекции «Заповедное Прибайкалье» [16, с. 138–139].

Особое место в истории выставочной деятельности ООПТ Байкальского региона с начала XXI в. заняли бизнес-выставки международного, всероссийского, межрегионального и регионального уровней. Этот факт подтверждает то, что в 2003 г. государственный природный заповедник «Байкало-Ленский» был награжден дипломом I степени за содержательную экспозицию на бизнес-выставке «Байкал: экология, экономика, охрана, спасение, безопасность». По мнению сотрудников эффективный и востребованный вид эколого-просветительской работы заповедника – участие в бизнес-выставках [15, с. 477]. Именно данные выставки решают ряд финансовых проблем заповедных территорий, так как позволяют выполнить не только непосредственно свои функции, но и заработать денег, путем привлечения туристов и инвесторов. На данный момент времени заповедники, национальные парки и организации по управлению заказниками принимают ежегодное участие в бизнес-выставках регионального значения «Туризм и отдых в Бурятии», «Baikal Travel Mart», «Интурмаркет», «Байкалтур», что стало неотъемлемой частью их выставочной деятельности.

Во втором десятилетии XXI в. управление заказниками и заповедниками регионального значения Республики Бурятия и Забайкальского края стали проводить ежегодно фотовыставки в общественных местах с целью пропаганды природоохранных мероприятий заповедных территорий и привлечения внимания общественности к экологическим проблемам современности.

Еще одной из форм выставочной деятельности ООПТ Байкальского региона появившаяся более 20 лет назад стала совместная организация экспозиционного пространства региональных музеев совместно с природоохранными зонами. Данный факт подтверждает Летопись природы за 2002 г. государственного природного заповедника «Байкало-Ленский», в котором повествуется об организации постоянной экспозиции на базе областного краеведческого музея г. Иркутска, которая отражает природную среду Иркутской области, так и ее заповедных территорий [4]. Именно такого рода выставки позволяют охватить большую аудиторию, популярны и более информативны, так как создаются в сотрудничестве музейных специалистов и научных сотрудников ООПТ, осведомленных в естественно-научной тематике и проблематике, а также данные выставки предметны и доступны, потому что проходят в основном на базе городских или районных музеев. Так, например, в 2017 г. Национальный музей

Республики Бурятия совместно с ООПТ Республики Бурятия представили публике выставку «Музей природы Бурятии. Экология без границ». Данная выставка рассматривала вопросы истории формирования, развития и интерпретации в современном мире экосистем озера Байкал и заповедных территорий Бурятии, а также вопросы сохранения редких и исчезающих видов животных республики [15, с. 478].

Современный и инновационный вид выставок, набирающий популярность сегодня – мультимедийные выставки. Данное нововведение не обошло стороной и работу заповедных территорий с населением и потенциальными туристами, так в 2019 г. государственный природный биосферный заповедник «Байкальский» в честь своего 50-летия провел мультимедийную выставку «Байкальский заповедник. Полвека сохраняя природу» на базе президентской библиотеки имени Б. Н. Ельцина (г. Санкт-Петербург). В экспозиции были представлены динамичные и уникальные экспонаты на основе фотоархива, собранных сотрудниками заповедника [9].

С марта 2020 г. в виду объявленной пандемии получило развитие еще одно из направлений выставочной деятельности ООПТ Байкальского региона – виртуальные выставки. Так на официальных сайтах заповедников и национальных парков были организованы подобные выставки. Однако, стоит отметить, что ранее данный формат выставок также применялся ООПТ повсеместно. Например, на сайте Национальной библиотеки Республики Бурятия с 2017 г. размещена виртуальная выставка «Баргузинский государственный природный биосферный заповедник» (к 100-летию со дня основания). Она знакомит посетителей с имеющимися в распоряжении библиотеки научными, научно-популярными и публицистическими произведениями и предназначена для специалистов в области охраны природы, экологов, натуралистов, и всех, кто любит животных и природу родного края [1].

В настоящее время ведется постоянная работа по поиску инновационных форм и подходов к экспозиционной работе ООПТ региона. Результатом чего является проектирование и монтаж наряду с тематическими природоохранными выставками – выставок художественных работ, на которых осуществляется показ собранных заповедных территорий региона, в особенности Байкальским заповедником коллекции живописи и графических произведений художников-любителей и профессиональных художников, посвященных красоте природы заповедных территорий и работе их сотрудников, фотографии. [15, с. 478]. Также представители эколого-просветительных центров ООПТ Байкальского региона принимают участие в акции «Ночь музеев», посвященной Международному празднику «День музеев» со своими выставками, интерактивом и сувенирной продукцией.

Таким образом, выставочная деятельность, реализуемая сотрудниками ООПТ Байкальского региона, является наиболее эффективной формой работы в рамках экологического просвещения населения, так как выставки могут быть передвижными и мобильно монтироваться в установленном месте. Они охватывают большое количество населения, являются основной формой популяризации ООПТ.

Однако, следует отметить, что часто для создания передвижных выставок используют уникальные экспонаты, находящиеся в экспозиционном пространстве музеев или визит-центров природоохранных зон региона, что отрицательно сказывается на их сохранности.

В заключение отметим, что с первых лет выставочная деятельность заповедных территорий Байкальского региона и до появления первых музеев и визит-центров природоохранных зон региона выполняла функцию экологического просвещения. Однако музейные институции не смогли полностью исключить организацию выставок и экспозиций, в связи с чем данный вид деятельности не только не прекратил свое существование, но и продолжает развиваться, приобретая новые черты и формы.

Список использованных источников и литературы

1. Виртуальная выставка «Баргузинский государственный природный биосферный заповедник» (к 100-летию со дня основания). – URL: <http://nrb.ru/?p=25494>, (дата обращения 31.03.2021).
Virtual'naya vystavka «Barguzinskii gosudarstvennyi prirodnyi biosfernyi zapovednik» (k 100-letiyu so dnya osnovaniya). – URL: <http://nrb.ru/?p=25494>, (data obrashcheniya 31.03.2021).
2. Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-3516. О. 2. Д. 26. Л. 148.
Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti. F. R-3516. O. 2. D. 26. L. 148.
3. Государственный архив Республики Бурятия. Ф. Р-2024. О. 1. Д. 7. Л. 188.
Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buryatiya. F. R-2024. O. 1. D. 7. L. 188.
4. Государственный архив Республики Бурятия. Ф. Р-2025. О. 1. Д. 144. Л. 9.
Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buryatiya. F. R-2025. O. 1. D. 144. L. 9.
5. Государственный архив Республики Бурятия. Ф. Р-562. О. 1. Д. 193. Л. 1-2.
Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buryatiya. F. R-562. O. 1. D. 193. L. 1-2.
6. Инфраструктура. Визит-центр «Дом соболя» [Электронный ресурс]: официальный сайт ФГБУ «Заповедное Подлеморье». – URL: <https://zapovednoe-podlemorye.ru/travel/infrastructure/>, (дата обращения 06.04.2021).
Infrastruktura. Vizit-tsentri «Dom sobolya» [Elektronnyi resurs]: ofitsial'nyi sait FGBU «Zapovednoe Podlemor'e». – URL: <https://zapovednoe-podlemorye.ru/travel/infrastructure/>, (data obrashcheniya 06.04.2021).
7. История сада [Электронный ресурс]: официальный сайт Ботанического сада Иркутского государственного университета. – URL: <http://bg.isu.ru/ru/about/history> (дата обращения 10.05.2021).
Istoriya sada [Elektronnyi resurs]: ofitsial'nyi sait Botanicheskogo sada Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. – URL: <http://bg.isu.ru/ru/about/history/>, (data obrashcheniya 10.05.2021).
8. «Машина времени»: К столетию Баргузинского заповедника в Улан-Удэ открыли уникальную выставку [Видеофрагмент]: официальный сайт телеканала АригУс. – URL: https://arigus.tv/video/VE/2017/01/11_vistavka.mp4, (дата обращения 31.03.2021).
«Mashina vremeni»: K stoletiyu Barguzinskogo zapovednika v Ulan-Ude otkryli unikal'nyuyu vystavku [Videofragment]: ofitsial'nyi sait telekanala ArigUs. – URL: https://arigus.tv/video/VE/2017/01/11_vistavka.mp4, (data obrashcheniya 31.03.2021).
9. Мультимедийная выставка «Байкальский заповедник. Полвека сохраняя природу» [Электронный ресурс]. – URL: <https://ulanude.bezformata.com/listnews/vistavka-bajkalskij-zapovednik/77912370/>, (дата обращения 12.05.2021).
Mul'timediinaya vystavka «Baikal'skii zapovednik. Polveka sokhranyaya prirodu» [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://ulanude.bezformata.com/listnews/vistavka-bajkalskij-zapovednik/77912370/>, (data obrashcheniya 12.05.2021).
10. Николаева Л. Баргузинский заповедник [фотоальбом]. – Москва: Советская Россия. 1973. – 192 с.

Nikolaeva L. Barguzinskii zapovednik [fotoal'bom]. – Moskva: Sovetskaya Rossiya. 1973. – 192 s.

11. О саде [Электронный ресурс]: официальный сайт Забайкальского ботанического сада. – URL: <http://zabsadchita.ru/o-sade.html>, (дата обращения 10.05.2021).

О саде [Elektronnyi resurs]: ofitsial'nyi sait Zabaikal'skogo botanicheskogo sada. – URL: <http://zabsadchita.ru/o-sade.html>, (data obrashcheniya 10.05.2021).

12. Об особо охраняемых природных территориях в Забайкальском крае [Электронный ресурс]: официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Забайкальского края. – URL: <https://minprir.75.ru/deyatel-nost/osobo-okhranyaemye-prirodnye-territorii>, (дата обращения 21.04.2021).

Ob osobo okhranyaemykh prirodnykh territoriyakh v Zabaikal'skom krae [Elektronnyi resurs]: ofitsial'nyi sait Ministerstva prirodnykh resursov i ekologii Zabaikal'skogo kraya. – URL: <https://minprir.75.ru/deyatel-nost/osobo-okhranyaemye-prirodnye-territorii>, (data obrashcheniya 21.04.2021).

13. Приказ Министерства природных ресурсов и экологии Иркутской области №26-мпр от 18.06.2020 «Об утверждении Перечня особо охраняемых природных территорий регионального и местного значения Иркутской области по состоянию на 01.05.2020 года» [Электронный ресурс]: официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Иркутской области. – URL: <https://irkobl.ru/region/ecology/Приказ%2026-мпр%20об%20утверждении%20перечня.pdf>, (дата обращения 21.04.2021).

Prikaz Ministerstva prirodnykh resursov i ekologii Irkutskoi oblasti №26-mpr ot 18.06.2020 «Ob utverzhdenii Perechnya osobo okhranyaemykh prirodnykh territorii regional'nogo i mestnogo znacheniya Irkutskoi oblasti po sostoyaniyu na 01.05.2020 goda» [Elektronnyi resurs]: ofitsial'nyi sait Ministerstva prirodnykh resursov i ekologii Irkutskoi oblasti. – URL: <https://irkobl.ru/region/ecology/Prikaz%2026-mpr%20ob%20utverzhdenii%20perechnya.pdf> (data obrashcheniya 21.04.2021).

14. Приказ Министерства природных ресурсов и экологии Республики Бурятия от 13. 01. 2020 г. №5-ПР «Об утверждении Перечня особо охраняемых природных территорий регионального и местного значений Республики Бурятия по состоянию на 01. 01. 2020» [Электронный ресурс]. – URL: <https://egov-buryatia.ru/upload/iblock/556/5568895e3c9111685a7e77d2bd64671c.pdf>, (дата обращения 20.04.2021).

Prikaz Ministerstva prirodnykh resursov i ekologii Respubliki Buryatiya ot 13. 01. 2020 g. №5-PR «Ob utverzhdenii Perechnya osobo okhranyaemykh prirodnykh territorii regional'nogo i mestnogo znachenii Respubliki Buryatiya po sostoyaniyu na 01.01.2020» [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://egov-buryatia.ru/upload/iblock/556/5568895e3c9111685a7e77d2bd64671c.pdf>, (data obrashcheniya 20.04.2021).

15. Сартакова А. В., Мишакова О. Э. История и современность выставочной деятельности особо охраняемых природных территорий Байкальского региона // Байкальские встречи – X: Культурная память и культурная идентичность в условиях глобализации : материалы международной научно-практической конференции, 20-22 сентября 2018 г., Республика Бурятия, г. Улан-Удэ – оз. Байкал. – Улан-Удэ : Издательско-полиграфический комплекс ФГБОУ ВО ВСГИК, 2018. – С. 473–480.

Sartakova A. V., Mishakova O. E. Istoriya i sovremennost' vystavochnoi deyatelnosti osobo okhranyaemykh prirodnykh territorii Baikal'skogo regiona // Baikal'skie vstrechi – Kh: Kul'turnaya pamyat' i kul'turnaya identichnost' v usloviyakh globalizatsii : materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 20-22 sentyabrya 2018 g., Respublika Buryatiya, g. Ulan-Ude – oz. Baikal. – Ulan-Ude : Izdatel'sko-poligraficheskii kompleks FGBOU VO VSGIK, 2018. – S. 473–480.

16. Сартакова А. В. Становление и развитие музейных институций особо охраняемых природных территорий Иркутской области // // Ученые записки крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. - Симферополь : Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2020. – Том 6(72). – №1. – С.137–142

Sartakova A. V. Stanovlenie i razvitie muzeinykh institutsii osobo okhranyaemykh prirodnykh territorii Irkutskoi oblasti // // Uchenye zapiski krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – Simferopol' : Krymskii federal'nyi universitet imeni V. I. Vernadskogo, 2020. – Tom 6(72). - №1. – S. 137–142

Sartakova A. V. Formation and development of Museum institutions of specially protected Natural territories in the Irkutsk region

Exhibition activities have become a traditional form of work in specially protected natural areas in the framework of environmental education activities. This article examines the formation and modern development of exhibition activities in nature conservation zones in the Baikal region.

In addition, the article focuses on various forms of exhibition activities from traditional exhibitions to virtual and business exhibitions. On the basis of archival documents, the article provides a quantitative and qualitative characteristic of the exhibition activities of specially protected natural areas of the region. The article presents a brief description of the largest and most important exhibitions and exposure of protected areas in the region, in retrospect. The author draws attention to the particular importance of stationary exhibits and displays of museums and visitor centers of protected areas in the exhibition activities in the region, to ensure the preservation of unique exhibits. In the final part of the article, generalizations and conclusions are made, both positive and problematic points are indicated.

УДК 93 (091)

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-3-122-132

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФИНАНСОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ КРЫМА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Сеитова Э. И.

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: elvina_seitova@mail.ru*

Рассмотрены аспекты финансового положения Крыма в один из самых сложных и драматичных периодов в истории – Гражданской войны. Особое внимание уделено созданию Таврического коммерческого банка. Идейными вдохновителями организации банка были представители одной из самых известных династий финансистов России – Рябушинские. Выделяются характерные особенности основ существования данного банка. Воссоздана картина проведенного первого заседания акционеров, показаны сложнейшие условия работы коммерческого учреждения в столь нестабильных условиях. Обобщен новый материал по исследуемой теме, вводятся в научный оборот ценные сведения из официальной переписки региональных отделений Госбанка с Крымским краевым банком. Отражена переписка таврического губернатора Никиты Алексеевича Татищева, который занял эту должность по назначению генерала А. И. Деникина, с финансовым отделом при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России.

Ключевые слова: Крым, Гражданская война, Таврический коммерческий банк, Рябушинские, Крымское краевое правительство

Крым в годы Гражданской войны стал ареной бурных военных и политических событий. Небольшой полуостров оказался оплотом как борьбы противоборствующих сил внутри самого государства, так и объектом притязаний иностранных сил. Истории этих событий посвящено множество фундаментальных и специальных трудов [9; 10, 13–15, 18]. Однако для нас особый интерес представляют особенности организации финансовой жизни в регионе. Большой вклад в разработку данного направления внесла ветеран Государственного банка СССР В. А. Коломийцева [11; 12] и главный эксперт Департамента международного сотрудничества и общественных коммуникаций Банка России М. Г. Николаев [16]. Через призму особенностей регионального продовольственного рынка в Крыму в годы Гражданской войны рассматривают общее экономическое положение в регионе доктор исторических наук, профессор Московского педагогического государственного университета В. Ж. Цветков и кандидат экономических наук, доцент Московского педагогического государственного университета Е. А. Цветкова [19].

Итак, осенью 1918 года на основании устава было учреждено Акционерное общество для открытия банка в Ялте под названием «Таврический банк» с отделениями в городах: Симферополь, Севастополь, Керчь, Феодосия, Евпатория,

Алупка, Алушта и Судак. Учредителями выступили: Павел Павлович Рябушинский, Сергей Павлович Рябушинский (потомственные почетные граждане), Дмитрий Васильевич Сироткин (коммерческий советник), Павел Павлович Рябушинский младший, Владимир Павлович Рябушинский (потомственные почетные граждане), Александр Федорович Дерюжинский (дворянин) [6, л. 1].

Создателями банка выступили представители известнейшей династии российских предпринимателей – Рябушинские. Так, Павел Павлович являлся старшим из восьми сыновей банкира и хлопчатобумажного промышленника Павла Михайловича Рябушинского и дочери миллионера Степана Тарасовича Овсянникова. Помимо своей масштабной коммерческой деятельности, Павел Павлович был знаменит активной общественно-политической позицией, которая начала проявляться еще во время событий 1905 года. В 1917 году он поддержал Временное правительство. А после неудачной попытки «Корниловского мятежа» уехал в Крым (в том числе из-за своего диагноза – туберкулез). Здесь он старался отойти от политических дел, но в 1918 году все-таки вступил в антибольшевистский Совет государственного объединения России. В 1919 году эмигрировал во Францию [17, с. 68].

Управление Банком предполагалось по постановлениям общих собраний акционеров и с разрешения министра финансов. Первоначально капитал Банка определялся в 5 миллионов рублей. Данный капитал, образуемый выпуском 20 тысяч акций (250 рублей каждая), мог быть увеличен впоследствии посредством новых выпусков акций.

Вновь созданный Банк определил круг возможных операций. В него входили: учет как отечественных, так и иностранных векселей; производство ссуд и открытие кредита сроком не более 9 месяцев; получение платежей по векселям и другим «срочным документам» и процентным бумагам; производство платежей внутри страны и за границей, в городах, где находятся отделения или комиссионеры Банка; переводы денег; покупка или продажа за счет третьих лиц всякого рода государственных процентных бумаг, акций, паев, облигаций и закладных листов, обращение которых разрешено. Помимо прочего Банк мог покупать и продавать товары по поручению и за счет частных лиц, учреждений и торговых домов за определенную заблаговременно плату; покупать и продавать за свой счет и по поручению драгоценные металлы в слитках и монетах; покупать и продавать государственные ценные бумаги, акции и облигации, принимать на хранение за определенную плату всякого рода процентные бумаги и иные ценности; выдавать ссуду под соло-векселе (то есть вексель с одной подписью векселедателя), обеспеченные залогом сельскохозяйственных имений, а также дач и домов на основании особых правил, установленных законом от 11 мая 1898 года [6, л. 15–16].

Правление Банка находилось в Ялте и состояло из 5 членов. Их число могло быть увеличено по постановлению общего собрания акционеров. Члены правления избирались общим собранием из лиц, представленных Советом. Лицо, избранное в члены правления, обязано было при вступлении в должность иметь на свое имя не менее 50 акций, которые хранились в кассе правления. Выбранные

члены могли остаться в звании в течении 4 лет. Правление должно было собираться по мере надобности, но не менее одного раза в неделю. Для принятия решений необходим был кворум в 3 члена правления. Решения утверждались простым большинством голосов. В случае разделения голосов поровну, голос председателя имел перевес.

Члены правления не подлежали личной денежной ответственности по обязательствам Банка. Однако за превышение власти, за упущения в оценках и в целом за противозаконные действия, в ущерб выгодам Банка, определялась имущественная ответственность по закону [6, л. 18].

Учредители Таврического коммерческого банка подали прошение на имя его превосходительства управляющего Министерством финансов Крымского краевого правительства. Согласно утвержденного Крымским краевым правительством Устава Банка, учредители для получения права на открытие операций должны были внести 2 миллиона 500 тысяч рублей в Ялтинское отделение Краевого банка. Однако члены правления подчеркивали, что, принимая во внимание политические и экономические условия, вызывающие невозможность доставить в Ялту столь крупную сумму денежных знаков одновременно, вынуждены просить разрешить им внести 1 миллион рублей в Ялтинское отделение Краевого банка. При этом частью наличными и частью обязательствами Государственного казначейства. А 1 миллион 500 тысяч внести в Государственный банк в Ростове-на-Дону на имя учредителей Таврического банка. В свою очередь управляющий Министерством финансов Крымского краевого банка разрешил учредителям Таврического банка внести в Государственный банк в Ростове-на-Дону заявленную сумму [6, л. 21–22]. Таврический коммерческий банк начал работу по коммерческим операциям с 27 января 1919 года [6, л. 40].

25 января (по новому стилю) 1919 года в Ялте состоялось первое собрание акционеров Таврического коммерческого банка. В нем приняли участие 24 человека, которым принадлежало либо лично, либо по доверенности 19 034 акции на общую сумму в 4 758 500 рублей. От имени учредителей М. П. Рябушинский довел до сведения прибывших, что устав ТКБ был утвержден Советом министров Крымского краевого правительства 17 октября (по новому стилю) 1918 года. Соответствующая публикация появилась в №38 «Вестника» крымского правительства от 25 октября 1918 года. Также было объявлено, что все акции ТКБ в количестве 20 тысяч акций распределены между учредителями и приглашенными ими акционерами. Председателем собрания единогласно был избран Михаил Павлович Рябушинский. Для исполнения обязанностей секретаря был приглашен Николай Васильевич Тесленко [6, л. 41].

Помимо прочего было определено вознаграждение членов правления в сумме 36 000 рублей в год каждому. Была выбрана Ревизионная комиссия в составе 5 человек (вознаграждение по 3 000 в год каждому). Также общее собрание постановило пожертвовать в пенсионный фонд семей убитых воинских чинов Добровольческой и Донской армий 50 тысяч рублей [6, л. 43].

Об особенностях банковского дела в Крыму той эпохи ценные сведения хранит официальная переписка региональных отделений Госбанка с Крымским краевым банком. Так, управляющий Симферопольским отделением Государственного банка 3 марта 1919 года отметил, что в 1918 году истек предусмотренный уставом Краевого банка двухгодичный срок полномочий членов учетно-ссудного комитета по торгово-промышленным кредитам – И. Ф. Кокинаса, П. С. Щербины, Л. А. Зинянина и И. Б. Шишмана. Их деятельность была оценена как полезная и им было предложено занимать свои должности при отделении еще два года. На данное предложение они ответили согласием. Помимо этого, признавалась необходимость пополнить состав учетно-ссудного комитета. Вместо скончавшихся Шнейдера и Селинова поступило предложение занять должности членов комитета А. И. Ашкинази и А. М. Шлее. Первый из них в течении 39 лет являлся владельцем табачной фабрики и вел масштабную торговлю. Его коммерческая деятельность была пресечена в 1917 году. На момент назначения он являлся владельцем двух больших домов в Симферополе, в одном из которых располагалась Европейская гостиница. Здание находилось на углу Салгирной и переулка Фабра. Отмечалось, А. И. Ашкинази пользовался отличной репутацией в торгово-промышленных кругах. Что касается А. М. Шлее, то он являлся владельцем в Симферопольском уезде 1000 десятин земли и был крупным сельским хозяином. В Симферополе он был известен как общественный деятель и бывший член городской управы, заступавший вместо городского головы. Оба претендента на запрос вступить в число членов учетно-ссудного комитета ответили согласием [7, л. 53].

В еще одной корреспонденции Симферопольского отделения Государственного банка, направленной управляющему Крымским краевым банком, значилось следующее. Согласно телеграфному предложению управляющего Государственным банком от 3 апреля 1917 г. при Симферопольском отделении был образован особый отдел учетно-ссудного комитета исключительно из представителей кооперативных организаций. При этом в его состав вошли 2 представителя от Евпаторийских кооперативов (Синельников и Усик) и 2 представителя от кооперативов Симферопольского уезда (Бычков и Бородин). С переводом Евпаторийских кооперативов из Симферопольского и Евпаторийское отделение, возникла необходимость реорганизовать кооперативный отдел учетно-ссудного комитета при Симферопольском отделении. Подчеркивалась желательность включения в его состав представителей кооперативов 1-й степени, объединений и организаций, содействовавших развитию разного рода кооперативов.

Подобная мысль уже высказывалась как на съезде представителей кооперативов всего Крыма, так и на двух съездах кооперативов Симферопольского уезда. Ввиду этого Отделение полагало, что кооперативный отдел учетно-ссудного комитета в Симферополе должен был быть определен в следующем составе: 1. представитель Крымского союза кредитных кооперативов, 2. представитель Крымского союза потребительских обществ, 3. представитель Крымского совета кооперативных съездов, 4. представитель Перекопского союза кооперативов, 5. представитель Севастопольского союза кооперативов, 6. представитель

Симферопольского отделения Московского народного банка, 7. два представителя от кредитующихся в Симферопольском отделении кредитных и ссудо-сберегательных товариществ [7, л. 54].

Характеризует дух времени и переписка Симферопольского общества взаимного кредита с Министерством финансов крымского краевого правительства. Так, в частности, в письме от 27 февраля 1919 года Общество сообщало, что в залоге в банке находятся следующие товары: мыло, орехи, томаты, бумага, консервы (рыбные и овощные), табак листовой, проволока сенная, сахар (песок и рафинад), свечи, повидло, шерсть овечья, варенье, вино, конский волос, сушеные фрукты, сода и кожа подошвенная. Требования Министерства о прекращении выдачи этих товаров залогодателям впредь до особых распоряжений Правление Общества сочло для себя вправе исполнить только в том случае, если Министерство возьмет на себя судебную ответственность за невыдачу товаров частным лицам [8, л. 12].

Интересные сведения о возможных способах хозяйственного обеспечения той эпохи отражены в письме Главноуполномоченного по заготовкам продовольствия и снабжения Доброармии и населения Азово-Днепровского района от 9 февраля 1919 года в адрес Министра финансов Крымского краевого правительства. Он сообщает, что в целях снабжения Добровольческой армии и населения предметами первой необходимости и сельскохозяйственными принадлежностями им были командированы 4 агента. Из них трое во Владивосток для получения закупленных там чая, риса, кофе. А один – в Англию для установления товарообмена и получения сельскохозяйственных принадлежностей – сетей и предметов, необходимых для крымского садоводства – в обмен на вывоз руды, поташа и т.д. Подчеркивалось, скорейшее получение вышеуказанных товаров из Владивостока и Англии необходимо в интересах населения Крыма, снабжение которого являлось одной из главных задач. Главноуполномоченный писал, что им с января 1919 года было отправлено в адрес Крымской краевой продовольственной управы разных продуктов на сумму до 5 миллионов рублей. Ввиду того, что покрытие расходов по вышеупомянутой поездке необходима иностранная валюта, он просил отпустить в его распоряжение 100.000 франков по себестоимости [8, л. 42].

О своих проблемах и нуждах на имя Министра финансов Крымского краевого правительства писало и Правление Союза табаководов Южного берега Крыма. В частности они сообщали, что катастрофическое состояние народного хозяйства в России не могло не отразиться самым тягостным образом на региональном табаководстве. Отрасль с величайшим напряжением материальных и моральных сил боролась с острыми нуждами. В документе обозначено, именно инстинкт самосохранения подтолкнул к созданию Союза табаководов Южного берега Крыма. Организация боролась за существование этой важнейшей отрасли для сельского хозяйства Крыма. На средства, вырученные от реализации урожая 1917 года, табаководам приходилось и существовать, и вести табаководческое хозяйство в течение еще двух лет. Так произошло ввиду того, что урожай 1918 года оставался еще не реализованным и требовал больших затрат на завершение обработки. При

этом для ведения кампании 1919 года табаководам приходилось рассчитывать на помощь извне. Производители находились в постоянной зависимости от покупателей. При этом капитал потенциальных покупателей был всегда к услугам табаководов. Но эти услуги обходились табаководам чересчур дорого, так как покупатели при помощи «мелких подачек держали табаководов в постоянной кабале» [8, л. 76].

Данные обстоятельства собственно и послужили стимулом к началу деятельности Союза. Однако на первых же порах своей работы молодой организации пришлось выдержать жесткое давление с двух сторон – рабочих, которые были воодушевлены социалистами, и покупателей. Первые объявили табаководам забастовку, а вторые бойкотировали всех членов Союза. Поладив с большим трудом и убытками с работниками, организованные табаководы получили чрезвычайно ценную поддержку в борьбе с покупателями со стороны Государственного банка, кассы мелкого кредита, а также местного общества взаимного кредита. Такая поддержка сгладила до известной степени остроту кризиса и помогла удержать табаководов от паники и капитуляции перед скупщиками табака. Однако 3.500.000 рублей, полученных табаководами из вышеуказанных учреждений, не были в состоянии сделать много там, где на посев и обработку табака нужно было затратить свыше 50 миллионов рублей. Но в то же время и местное отделение Краевого банка, и касса мелкого кредита лишены были возможности прийти на помощь табаководам выдачей ссуды под залог табака из-за отсутствия наличности. Правление Союза было осведомлено о том, что Краевой банк получил из Дона финансовое подкрепление. Объединение очень рассчитывало на возможность перевести в Ялтинское отделение краевого банка 4 миллиона рублей для выдачи ссуд под залог табака урожая 1918 года и для открытия кредита членам Союза, которые не высаживали табак в 1918 году, но обрабатывали плантации для урожая 1919 года. При этом они подчеркивали, что Правление не может рассчитывать на «никалаевские» деньги или «керенки» и будет пропагандировать обращение донских денег среди табаководов, обеспечивая их возврат казне истинным капиталом в виде своего полуфабриката [8, л. 77].

Главноуполномоченный по заготовкам продовольствия и снабжения Добровольческой армии и населения Азово-Днепровского района 27 февраля 1919 года в письменном виде предложил Министру финансов Крымского краевого правительства проект финансирования сельскохозяйственной промышленности Таврической губернии. Он был выработан в ходе съезда представителей владельцев сельскохозяйственных машин, который проходил в Симферополе 15 февраля. Так, в частности, документ предполагал следующее. В течение двух лет со дня утверждения проекта Министерство финансов, по соглашению с Министерством торговли и промышленности, должно было утвердить перечень видов промышленных предприятий, скорейшее развитие которых представлялось особенно необходимым в интересах удовлетворения потребности в продуктах массового потребления, для восстановления производственных сил края или же для нужд Добровольческой армии. Вместе с тем, Министерство финансов по

соглашению с Министерством торговли и промышленности и командованием Доброармии должно было утвердить районы, на которые распространялись действия данных правил. Предполагалось также и то, что промышленные предприятия будут получать ссуды сроком до 6 месяцев. Однако данное правило распространялось только на те структуры, которые получали заказы от Добровольческой армии или Крымского краевого правительства. При этом должно было пройти заседание межведомственной комиссии под председательством лица, назначенного министром торговли и промышленности, а также при участии представителя Государственного контроля и Добровольческой армии. Финансирование заказов на таких же основаниях могло распространяться, в том числе, на заказы городских и земских учреждений и кооперативных учреждений края. Но необходимо было, помимо прочего, участие в работе межведомственной комиссии представителя от Министерства внутренних дел [8, л. 195].

Министерство юстиции по соглашению с Министерством финансов и Государственным контролем должно было принять меры по облегчению и ускорению порядка выдачи залога и всех связанных с этим формальностей, вплоть до введения упрощенной и внеочередной регистрации залоговых актов. Впредь до установления быстрых и нормальных условий взаимодействия с Центральным управлением Государственного банка (если Крымский краевой банк сольется с Ростовской конторой Государственного банка) утверждение ссуд по Крыму должно быть сосредоточено в Симферополе. В случае объединения ряда аналогичных заводов и фабрик, ссуды им могли быть выданы под солидарное обеспечение на условиях, утвержденных Министерством финансов [8, л. 196].

Учитывая крайне сложную военную и экономическую обстановку, возникали определенные трудности по части циркуляции непосредственно денежных знаков. В этой связи примечательно письмо от 5/18 марта 1919 года начальника штаба Крымско-Азовской Добровольческой армии (отдел снабжения) председателю Совета министров Краевого правительства. В нем начальник штаба подчеркивал, несмотря на то, что разрешение обмена украинских денежных знаков (карбованцев) в кассах отделений Краевого банка и казначействах Крыма является, по сути, признанием права хождения этих знаков на территории Крыма, все же такое разрешение вопроса недостаточно и создает ряд неудобств для армии. Созданное положение вещей не позволяло снабдить армию для ее расходов достаточным количеством донских знаков. В силу обстоятельств денежные ресурсы армии могли состоять только из карбованцев, соответственно непризнание за карбованцем силы платежного знака, обязательного к приему всеми учреждениями и частными лицами, ставило армию в чрезвычайно затруднительное положение при расчетах. Так до максимума осложнялось дело снабжения всем необходимым. Части армии и отдельные ее чины, а также организации, часто бывают оторванными от города, в которых имелись отделения Государственного банка и казначейства. Так, все имевшие на руках карбованцы, не могли приобретать на местах необходимые им продукты и материалы. А вынуждены были для обмена денег либо обращаться к услугам частных лиц и организаций, уплачивая им за это вознаграждение, либо

вынуждены были брать время на поездку в город для обмена. Тем более, из опыта следовало, кассы отделений банков и казначейств не всегда бывали в достаточной степени снабжены денежными знаками. При подобных обстоятельствах, карбованцы могли попадать в руки «ловких дельцов», которые пользуясь правом обмена, находили способ «получить барыши, в ущерб армии и населения». Резюмируя вышеизложенное, начальник штаба подчеркивал, что единственным выходом из положения являлось официальное признание за карбованцами на территории Крыма силы обязательного платежного знака. Подобная мера способствовала бы облегчению положения армии, которая снабжалась карбованцами, и способствовала бы ослаблению в Крыму денежного кризиса. Ведь наличие достаточных запасов карбованцев в Одессе, дала бы возможность пополнить кассы крымских учреждений в случае необходимости [8, л. 224].

1 апреля 1919 года к Министру финансов Крымского краевого правительства обращалось и Управление Таврических (зачеркнуто) Южных железных дорог. В документе значится, что в газетах было опубликовано извещение Министерства финансов о постановлении Совета министров от 27 марта 1919 года о приеме украинских денежных знаков по 75 копеек за карбованец. Согласно распоряжению Министра путей сообщения Крымского правительства управлением бывших Таврических дорог был допущен прием кассами станций от Сиваша до Мелитополя и далее до Пришиба украинских денежных знаков. Они по мере производства уплаты отправлялись для уплаты содержания служащим мелитопольского района. Однако с отходом войск к югу, выручка этих станций постепенно скапливалась в Главной кассе и на момент составления данного документа составляла сумму 188150 рублей. Более того мелкими суммами украинские знаки имелись также у подотчетных начальствующих лиц, эвакуированных из Мелитопольского района. Эта сумма составляла примерно 10-15 тысяч рублей. Принимая во внимание то, что запасы обозначенных украинских денежных знаков образовались благодаря распоряжению Крымского правительства, а также ввиду разницы установленного на них курса, была обозначена просьба отдать распоряжение Севастопольскому отделению Краевого банка разрешить прием на текущий счет управления Южных железных дорог украинских денежных знаков на сумму 188150 рублей [8, л. 206].

Симферопольская городская управа в официальной корреспонденции направленной в Совет министров Крымского краевого правительства отмечала, что в связи с усугубившимися обстоятельствами и возможной эвакуацией учреждений Симферополя, правительство постановило выдать всем служащим представительных и казначейских учреждений жалованье за апрель и предпраздничные наградные в размере месячного оклада. Это обстоятельство вызвало со стороны всех служащих и рабочих городского самоуправления и милиции совершенно справедливое ходатайство о выдаче и им двухмесячного содержания. Это объяснялось тем, что и для них в связи с возможными событиями могут наступить весьма затруднительные обстоятельства. Особенно это относилось к милиции. Их представители обратились в Управу с просьбой ходатайствовать о включении их в число эвакуированных учреждений. В документе подчеркивалось, в

обычное спокойное время городское самоуправление имело возможность возражать против нередких ходатайств рабочих и служащих об уравнивании их в том или ином отношении со служащими правительственных учреждений (преимущественно о выдаче наградных, пособий). Но теперь Городское самоуправление не сочло бы для себя правильным не пойти навстречу вышеуказанному ходатайству своего служебного персонала. Это побудило управу обратиться к правительству с просьбой о ссуде, так как только правительственная помощь могла дать управе возможность удовлетворить ходатайство. Управа предполагала выдать всем служащим, рабочим и милиции двухмесячный оклад общей суммой в 1.019.100 рублей [7, л. 80]

С мая 1919 по март 1920 должность Таврического губернатора по назначению генерала А. И. Деникина занимал Никита Алексеевич Татищев. В документе, который был отправлен в финансовый отдел особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России, он писал, что уже из короткого ознакомления с финансовым положением вверенной ему Таврической губернии выяснилось почти полное отсутствие денежных знаков в кассах Министерства финансов губернии. При отступлении большевики увезли с собой не только почти всю денежную наличность, но даже и часть камней, на которых печатались денежные знаки Крымского краевого правительства. Общий объем наличности Отделения Государственного банка и Казначейства на тот момент не превышал 3. 800. 000 рублей. Из них 1. 900.000 керенки, 1. 300. 000 советские кредитные билеты образца 1918 года и приблизительно 600 тысяч крымские краевые денежные знаки. Н. А. Татищев подчеркивал, еще в худшем положении находятся казначейства и отделения Госбанка в других городах Крыма, которые и раньше все время испытывали недостаток денежных знаков [3, л. 3–4]. В частности, Феодосийское уездное земство в обращении к Таврическому губернатору обозначило свое положение как исключительно тяжелое. Усугубляли положение растущая дороговизна на предметы первой необходимости и ввиду географического положения крымского полуострова, население уезда находилось перед лицом назревающего голода. Учитывая подобные обстоятельства, Феодосийская земская управа просила выдать ссуду в 1 000 000 рублей [5, л. 136].

Ввиду этого Таврический губернатор просил распорядиться прислать подкрепление на первое время в размере не менее 100 миллионов рублей. Учитывая, что с расширением сферы влияния Добровольческой Армии и с занятием ею новых территорий, имеющегося в распоряжении Финансового отдела запаса денежных средств для удовлетворения всех требований с мест может оказаться недостаточным, Н. А. Татищев предложил возобновить временное изготовление денежных знаков образца бывшего Крымского краевого правительства. До настоящего времени таких денежных знаков мелких купюр достоинством от 5 до 25 рублей было выпущено в обращение 52 миллиона рублей. Их население принимало охотно и относилось к ним с полным доверием. Выпуск хотя бы такой же суммы, по мнению Н. А. Татищева, могло значительно облегчить денежное обращение, не отражаясь в то же время неблагоприятно на местных финансах. [3, л. 3–4]

В объявлении Таврического губернатора к населению значилось, что хозяйственная жизнь Таврической губернии за все время господства советской власти была доведена до крайнего расстройтва, общественные кассы были опустошены, инвентарь расхищен либо уничтожен. Для восстановления экономики необходимы были колоссальные средства. Н. А. Татищев подчеркивал, в ближайшее время неизбежно закрытие всех больниц, амбулаторий, приютов, столовых, школ, то есть всех учреждений, обслуживавших самые широкие слои населения. При этом часть из них уже была закрыта. С целью недопущения самого негативного сценария, города и земства приступили к взысканию сборов за текущий год и недоимок за прежние годы. В связи с этим губернатор обратился ко всему населению с категорическим требованием немедленно уплатить недоимки, а получив оклады, заплатить по ним сборы. В отношении неисправных плательщиков сборов и особенно недоимок должны были приниматься самые решительные меры [4, л. 20].

Что касается индекса роста цен в рассматриваемый период, то стоит обратить внимание на показатели по пшенице, ржи и ячменя. Так, на 1 марта 1919 года цены были таковыми. Соответственно за пуд: 280–320 рублей, 200 рублей и 180 рублей. На 15 марта 1920 года: 480 рублей, 250 рублей и 320 рублей. На 1 апреля: 1020 года – 1200 рублей, 800 рублей и 400 рублей. На 1 мая: 1900 рублей, 1100 рублей и 800 рублей. На 15 июня: 3000 рублей за пуд пшеницы, данных по ржи уже нет и 1000 рублей за пуд ячменя [1, л. 2; 2, л. 1].

Таким образом, трагические события Гражданской войны принесли в Крым череду потрясений. Однако даже при таких обстоятельствах в регионе пытались выстраивать экономическую жизнь. Но все старания антибольшевистских сил выровнять хоть сколько-нибудь финансовую жизнь разбивались о суровую реальность.

Список использованных источников и литературы

1. Государственный архив Республики Крым, ф. Р-1765, оп. 1, д. 1.
2. Там же, д. 2.
3. Там же, ф. Р-2235, оп. 1, д. 24.
4. Там же, д. 73.
5. Там же, ф. Р-2255, оп.1, д. 419.
6. Там же, ф. Р-4983, оп. 2, д. 7.
7. Там же, д. 49.
8. Там же, д. 53
9. Гражданская война в России: взгляд через 100 лет: проблемы истории и историографии / отв. ред. В. В. Калашников; под ред. Д. Н. Меньшикова. – СПб.: СПбГЭТУ ЛЭТИ. – 407 с.
10. Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей : из истории Гражданской войны в Крыму. – Симферополь: Антиква, 2008. – 728 с.
11. Коломийцева В. А. История финансов Тавриды. Хроники 1783–1917. – Симферополь: СГТ. – 2010. – 411 с.
12. Коломийцева В. А. Ситуация в финансово-банковской сфере Крыма после октября 1917 года // Страницы истории. – 2017. – № 11. – С. 77–80.

13. Непомнящий А. А. Источники библиографической информации по историческому крымоведению // Библиография и книговедение. – 2019. – № 4. – С. 64–71.
14. Непомнящий А. А. Становление и развитие историографии истории Крыма: основные вехи (вторая половина XVIII – первая половина XX века) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2019. – Т. 5(71), № 2. – С. 21–55.
15. Непомнящий А. А. «Что можем, делаем...»: охрана культурного наследия в Крыму в 1917–1920 годах // Очерки истории отечественной археологии / Ин-т археологии РАН; отв. ред. П. Г. Гайдуков, И. В. Тункина. – Москва, 2019. – Вып. 5. – С. 219–236.
16. Николаев М. Г. Учреждения Государственного банка на Крымской земле (краткая историческая справка) // Страницы истории. – 2014. – № 9. – С. 76–78.
17. Петров Ю. А. Династия Рябушинских. – М.: Русская книга, 1997. – 196 с.
18. Федюк В. П. Белые. Антибольшевистское движение на Юге России 1917–1918 гг. – М.: Анро-XX, 1996. – 149 с.
19. Цветков В. Ж., Цветкова Е. А. Особенности регионального продовольственного рынка в Крыму и Северной Таврии в годы Гражданской войны (весна – осень 1920 года) // *Historia Provinciae*: журнал региональной истории. – 2018. – Т. 2. – № 4. – С. 178–198.

Seitova E. I. Selected aspects of the financial situation of Crimea during the Civil War

The article is devoted to the study of certain aspects of the financial situation of the Crimea in one of the most difficult and dramatic periods in history – the Civil War. Particular attention is paid to the creation of the Tavrishesky Commercial Bank. The ideological inspirers of which were representatives of one of the most famous dynasties of financiers in Russia – the Ryabushinsky. The characteristic features of the foundations of the existence of this bank are highlighted and described, the picture of the first meeting of shareholders held is recreated, the most difficult working conditions of a commercial institution in such unstable conditions are shown. The article summarizes new material on the topic under study, introduces valuable information from the official correspondence of the regional branches of the State Bank with the Crimean Regional Bank into scientific circulation. The article reflects the correspondence of the Tavrishesk governor Nikita Alekseevich Tatischev, who took this position on the appointment of General A. I. Denikin, with the financial department of a special meeting under the Commander-in-Chief of the Armed Forces of the South of Russia.

Keywords: Crimea, Civil War, Tavrishesky Commercial Bank, Ryabushinsky, Crimean regional government

УДК: 32 (47+57) КРЫМ

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-3-133-148

ДИСКУССИЯ О ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ КРЫМСКОЙ АССР (1921–1945)

Харабуга В. В., Афанасьев В. А.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: Victoraf@mail.ru harabuga_viktor@mail.ru*

В течение долгого времени Крым был местом управляемого извне перманентного этнополитического конфликта, одной из составляющих которого является противостояние русских, как этнической группы и другого славянского населения Крыма, с одной стороны, и татар Крыма, от имени которых пытается выступать на территории сопредельной Украины запрещенная в России экстремистская структура «курултай-меджлис». Приведена аргументация гипотезы, призванной подтвердить миф о национальном (татарском) характере Крымской АССР. Проведенный анализ аргументации свидетельствует о неподкреплённости гипотезы убедительными доказательствами. Более весомой следует считать точку зрения о том, что Крымская АССР в 1921–1945 гг. была многонационально-территориальной автономией. Муссирование на Украине темы изменения статуса Крыма, попытки превращения его в национальную татарскую автономию осуществляется руководителями и функционерами экстремистской организации «курултай-меджлис» в рамках управляемого из-за рубежа потока антироссийской пропаганды и эксплуатирует в качестве исторической основы своих притязаний проанализированный миф.

Ключевые слова: национальная политика, автономия, государственный правовой статус, Крымская АССР, этнополитический конфликт.

На I-ом Всекрымском учредительном съезде Советов 7 ноября 1921 года было провозглашено образование Крымской АССР. С этой даты прошло 100 лет. Тем не менее, вопрос о типологии Крымской АССР продолжает оставаться актуальным. Он находит свое отражение в исторических, юридических и политологических исследованиях. Более того, характер крымской государственности, просуществовавшей с 1921 по 1945 год в форме Советской Автономной республики, остается предметом острой полемики, ведущейся уже несколько десятилетий различными политическими организациями Крыма и выполняющей функцию политической технологии. Чем же вызвана политическая и научная актуальность этой проблемы?

На наш взгляд она определяется тем, что Крым является сегодня зоной управляемого извне перманентного этнополитического конфликта, одной из составляющих которого стало противостояние русских, как этнической группы и другого славянского населения Крыма, с одной стороны, и татар Крыма, от имени которых пытается выступать на территории сопредельной Украины запрещенная в России экстремистская структура «курултай-меджлис».

Славяно-татарский конфликт возник в процессе возвращения татар в Крым в конце 80-х – начале 90-х гг. XX столетия. Движущей силой этого конфликта стала политическая элита татар, а главной идеологической составляющей – идея о том, что государство есть атрибут и гарант этногрупповой целостности. По их мнению, это означает, что все то, что составляет государство (территория, общественное устройство, институты власти), должны иметь исключительно этнонациональный характер. Такие представления и претензии создают как бы моральную основу для требований контроля над государством со стороны определенной этнической общности. Именно эта идея лежит в основе политической программы национального движения татар Крыма. В главном документе движения – Декларации о национальном суверенитете крымско-татарского народа, принятой Курултаем крымско-татарского народа 28 июня 1991 года сказано: «Крым является национальной территорией крымско-татарского народа, на которой только он обладает правом на самоопределение так, как это изложено в международных правовых актах, признанных мировым сообществом. Политическое, экономическое, духовное и культурное возрождение крымско-татарского народа возможно только в его суверенном национальном государстве. К этой цели будет стремиться крымско-татарский народ, используя все средства, предусмотренные международным правом» [5, с. 11].

Что касается практической реализации этих притязаний, то действия радикалов из «курултая-меджлиса»* (*запрещен на территории РФ) постоянно выходили за рамки действующего законодательства. В период пребывания Крыма в составе Украины, этнополитический экстремизм в Крыму в конце 1990 – начале 2000-х гг. представлял собой высокоорганизованную, ультрарадикальную и масштабную деятельность отдельных этнических групп, которая имела конкретные политические амбиции, основывалась на идеях национальной государственности и гипертрофированных чувствах национальной идентичности крымских татар (включая лиц, близкие родственники которых никогда не проживали в регионе) [0, с. 59].

Свои права на автономию татарские националисты обосновывают тем, что татары являются «коренным народом» Крыма и в силу этого имеют приоритет в создании здесь своей национальной государственности. Также они доказывают, что преобразованная в 1945 году в область автономия была национальной татарской, поэтому процесс реабилитации народа, подверженного сталинским репрессиям должен начинаться с восстановления его политических прав на якобы утраченную государственность.

В силу этого вопрос о государственно-правовом статусе Крымской АССР 1921–1945 гг. приобретает для сторон конфликта функцию значимого политического ресурса, с помощью которого, опираясь на исторические факты и историческую память, они пытаются достичь современных политических целей. Этот вопрос обрастает мифами и псевдо-доказательствами.

Перед идеологами и пропагандистами экстремистской структуры «курултай-меджлис» стоит довольно сложная задача – мало провозгласить Крым в 1921–1945 гг. татарской автономией, нужно убедить в этом не только татар, а все население Крыма, и главное, власти Украины и мировое общественное мнение. Для этого прилагаются значительные усилия. В частности, разрабатывается система аргументации, призванная подтвердить миф о национальном (татарском) характере Крымской АССР.

Известный крымский краевед Владимир Поляков (ныне доктор исторических наук и профессор Крымского государственного индустриально-педагогического университета, уже в 1996 году в своей публицистической статье, без каких-либо доказательств, основанных на документах и исторических фактах заявил, что Крымская АССР, созданная в 1921 году, являлась формой татарской национальной государственности.

В завершение статьи он утверждает: «Сегодня крымскотатарский народ определился в своей ориентации на создание автономной республики в составе Украины» [19, с. 140]. Он считает, что ведущие демократические партии Украины признают право крымскотатарского народа на восстановление утраченной государственности, следовательно, уже в 1996 году, в «лихие 90-е» Владимир Поляков безоговорочно пришел к выводу, что в Крыму должна быть создана национальная государственность крымских татар.

Можно перечислить следующие аргументы, выдвигаемые сторонниками этой гипотезы:

1. Главным доказательством национального характера автономии, по мнению этих политиков и ученых, является тот факт, что советские республики, союзные и автономные, исходя из основных постулатов ленинской национальной политики, создавались как формы самоопределения титульных и коренных этносов. По их мнению, не имеет значения, закреплялось ли это право в юридических документах и названии республики. Иного статуса, кроме национальной татарской, у нее не могло быть и это не требует доказательства [15, с. 27].

Далее следуют косвенные аргументы, такие как:

2. Татарский язык, наряду с русским, определяется в Конституции Крымской АССР как государственный. Следовательно, автономная республика – это национальная автономия татар [15, с. 27].

3. На пост председателя Крым ЦИКа выдвигались работники из татар [15, с. 27].

4. При обсуждении проекта Конституции Крымской АССР 1937 г. поднимался вопрос о преобразовании ее в Союзную республику, но поскольку коренное население – крымские татары – не были большинством, вопрос не был решен положительно [15, с. 27].

5. После спецпереселения из Крыма именно татар, автономия распалась [3, с. 214].

6. Праздничные номера крымских газет оформлялись, исключительно, национальным татарским орнаментом [3, с. 211].

7. В газетах преваляли портреты политиков и ударников производства татарской национальности [3, с. 211].

На этом заканчивается перечень аргументов тех, кто доказывает национальный характер Крымской АССР.

Целью исследования является анализ аргументов сторонников гипотезы о национальном характере Крымской АССР.

Задача исследования состоит в том, чтобы подтвердить мифологичность и несостоятельность тезиса о национальном (татарском) характере Крымской АССР.

Обращаясь к первому аргументу, нужно подчеркнуть, что ни у кого из авторов, как сторонников, так и противников гипотезы о национальном характере Крымской АССР не вызывает сомнения тот факт, что татарские националисты, как буржуазные, так и просоветские, всегда стремились и стремятся превратить Крым в национальное татарское государство. Это стремление имело место и до образования в 1921 году Крымской АССР, в периоде ее существования и в наше время.

Однако желание элиты той или иной этнической группы образовать свою национальную государственность совсем не обязательно реализуется в политической практике. Пример Крыма – наглядное тому подтверждение.

Предшественница Крымской АССР, провозглашенная в 1918 году Советская Республика Таврида не была национальной, а строилась по территориальному принципу. По мнению Е. Е. Кочеткова, отличительной особенностью первых автономных республик было то, что они создавались в рамках прежних административно-территориальных единиц и не представляли по своему характеру национальных государств [14, с. 253]. Кардинальных изменений в этом вопросе у большевиков не произошло и в дальнейшем.

Можно согласиться с мнением о том, что советская национальная политика исходила из ленинского постулата о праве нации на самоопределение. В большинстве случаев национального строительства в СССР так и происходило. Однако в любом правиле есть исключения. Партия большевиков, проводя свою национальную политику, в огромной и очень пестрой по национальному составу стране, сталкивалась с целым рядом политических, экономических, геополитических, демографических и культурных проблем. По мнению Т. Б. Быковой, «Создавая в Крыму республику, Ленин и его партия менее всего думали о соблюдении концепции собственной партии по национальному вопросу. Разговоры о «праве наций на самоопределение», как и все остальные большевистские установки, служили только одной цели – закреплению собственного господства на этой территории. Крымская АССР имела вполне советский характер и полностью подчинялась приказам, которые поступали из Москвы. Местный сепаратизм, которой был в первые годы существования на полуострове советской власти, благодаря неустанной «работе» чекистов постепенно искоренялся, пока почти совсем не исчез.

Таким образом, у нас есть все основания утверждать, что все три большевистские крымские советские республики создавались по территориальному

принципу. В 1921 году к нему добавился некоторый национальный антураж» [1, с. 203].

Аналогичный подход встречаем в работе Е. В. Смирновой, которая полемизирует с точкой зрения Р. Чубарова, что в Крыму была провозглашена национально-территориальная автономия крымских татар и утверждает, что «проведенный автором анализ Конституции КАССР и других нормативно-правовых актов, свидетельствует о том, что в Крыму в 1921 году была создана административно-территориальная автономия по образцу автономных образований Испании» [22, с. 13].

По мнению доктора исторических наук В. Ф. Солдатенко, «совокупность документов, обусловивших и сопровождавших процесс рождения и становления Крымской АССР, реальное положение дел даёт все основания для их однозначного толкования: воплощение территориального принципа» [23, с. 155], оспаривание которого является не чем иным, как следованием политической конъюнктуры [23, с. 145–162].

Подобная позиция присутствует в работе О. А. Неделько. Он считает, что «в основу функционирования Крымской автономии изначально закладывался принцип, в соответствии с которым Крым является территориальной автономией для совокупности людей, проживающих здесь, независимо от национальной принадлежности, а не для какой-то избранной нации, господствующего этноса, определялась политика сбалансированности учета интересов всех народов Крыма... статус автономии всегда определялся в соответствии с территориальным признаком, в связи с чем, современные требования о восстановлении в Крыму национальной автономии являются необоснованными» [17, с. 144–151].

В монографии академика, в 2002 году директора Института законодательства Верховной Рады Украины А. Л. Копыленко, критикуются позиции сторонников национального характера Крымской Автономной Советской Социалистической Республики. Он считает, что они, обосновывая национально-татарский характер автономии, неверно трактуют текст Конституции о том, что татарский язык является государственным для того, чтобы обосновать национально-татарский характер Крымской Советской Автономии. Однако для подобного вывода нет оснований. Советская автономия в Крыму имела исключительно территориальный характер, а наличие двух государственных языков должно было символизировать ликвидацию любого национального гнета и преимуществ одной нации над другой [13, с. 69].

По мнению кандидата исторических наук, бывшего первого заместителя председателя Республиканского комитета Автономной Республики Крым по делам межнациональных отношений и депортированных граждан В. П. Петрова: «В основу национально-государственного строительства в Крыму изначально закладывалась идея территориальной автономии для всей совокупности людей, проживающих на её территории, независимо от национальной принадлежности, а не для отдельно взятого татарского народа, как, впрочем, и любого другого» [11, с. 46].

Для советской власти решать национальные проблемы по идеологическому шаблону было невозможно. Конкретная политическая практика диктовала свои условия, вытекающие из целесообразности момента.

Поэтому появились такие многонациональные автономии как Дагестанская АССР, Крымская АССР. Для этносов, которые уже имели свою национальную государственность, но значительные количество которых компактно проживало в других советских республиках, в их составе создавались национальные автономии. Такими были: Автономная республика немцев Поволжья (в составе РСФСР), Нахичеванская АССР, Нагорно-Карабахская АССР (в составе Азербайджанской ССР).

Следует помнить, что вопрос о типизации Крымской АССР, это вопрос о ее государственно-правовом статусе. Аксиомой является то, что правовой статус закрепляется в правовых актах. В нашем случае к ним относятся: Конституция СССР, Конституция РСФСР, Конституция Крымской АССР, законы и подзаконные акты. Однако ни в одном из документов Крымская АССР не определяется как национальное государство татар Крыма, а сами татары не выделяются как титульная нация. Поиск правовых документов, хотя бы косвенно подтверждающих национальный характер Автономной республики, ни к чему не привел. Такие документы отсутствуют. Это признают все участники полемики, как сторонники гипотезы о национальной государственности, так и ее противники [3, с. 210].

В отличие от других союзных и автономных республик, в Крымской АССР татары Крыма не признавались титульной нацией. В советской практике национального строительства считалось, что титульная нация – это часть населения государства, национальность которой определяет официальное наименование данного государства [25]. В названии Крымской АССР никогда не выделялось название титульной нации, а в правовых актах никогда не определяется сама титульная нация. Более того, название автономии привязывалось к названию территории (Крымский полуостров), на которой она была образована.

В европейской практике – это доминирующая этническая группа, на основе языка и культуры которой строится государственная система образования [26]. Татары Крыма ни по численности, ни в политическом, ни в экономическом, ни в культурном отношении все годы существования Крымской АССР не были доминирующей этнической группой. В многонациональном Крыму стояла задача поднять низкий культурный уровень татар, сформировать их интеллектуальную и политическую просоветскую элиту.

Мифологема о том, что «крымские татары в Крымской АССР в составе РСФСР не относились к национальным меньшинствам, а были признаны коренным народом Крыма» [27] не находит подтверждения в партийных и советских документах 1920-1930-х годов, как полагает доктор исторических наук Р. И. Хаяли. Более того, общее название политики «коренизации», проводимой большевиками, не означает закрепления за татарами Крыма статуса коренного народа полуострова исключительно по созвучию терминов. В процитированных автором документах

речь идет о «татаризации», но никак о «крымскотатаризации», то есть не выявляется привязка названия этноса к названию полуострова.

Даже в зарубежной литературе признается приоритетным территориальный характер крымской автономии: «В отличие от других АССР, Крымская АССР была названа в честь территории, а не «титულიной» национальности» [28, р. 93].

О том, что татары Крыма не признавались титульной нацией, также свидетельствует тот факт, что все годы существования Крымской АССР в местах компактного проживания татар создавались такие административные образования как татарские национальные районы и татарские национальные сельсоветы. Они создавались наряду с национальными районами и сельсоветами других национальных групп, которые обеспечивали функцию развития культуры, образования лиц той или иной национальности в многонациональной республике. Во многом эта практика напоминала аналогичную линию, проводимую советской властью в Дагестанской АССР – регионе, который так же, как и Крым, имел многонациональный характер.

Следует особо отметить, что в практике национального строительства, проводимого большевиками, нет примеров создания отдельных национальных районов для тех национальностей, которые определялись как титульная нация своей республики. Считалось, что они уже реализовали свое право на национальное самоопределение, создав национальную союзную или автономную республику. Тот факт, что в Крыму создавались татарские национальные районы и татарские национальные сельсоветы свидетельствует о том, что татары не выделялись как особая титульная национальная группа, которая имела здесь приоритет в образовании национальной государственности.

Тем более, что практика создания подобных национальных районов и сельсоветов вызвала большое количество затруднений. Часть из них носила объективный характер, поскольку реалии положения нетитульных этнических групп автономий (прежде всего этническая пестрота территорий) не позволяли создать чистые мононациональные районы без образования в них новых нетитульных этнических групп (Крым) [10, с. 32].

В качестве еще одного доказательства гипотезы о том, что Крымская АССР была национальной татарской республикой, приводится тот факт, что в Конституции Крымской АССР 1921 года татарский язык наряду с русским определялся как государственный. Сторонники этой точки зрения считают, что в советской практике национального строительства все органы государственной власти и государственного управления действуют, как правило, на языке национальности, образующей автономию [15, с. 27]. Следовательно, поскольку татарский язык государственный, то и автономию образуют татары. Однако можно отметить, что в трех конституциях Крымской АССР статус татарского языка определялся по-разному. Конституция Крымской АССР, принятая I-ым Всекрымским учредительным съездом советов 10 ноября 1921 года признавала государственными языками русский и татарский [12, с. 257]. Принятая 5 мая 1929 года VI съездом Советов Крымской АССР новая редакция Конституции автономии

провозглашала: «Исходя из права равенства граждан, не зависимо от их расовой и национальной принадлежности и признавая совершенно несовместимым с основными законами Республики установление или допущение каких бы то ни было преимуществ для отдельных национальностей, а тем более какого бы то ни было угнетения национальных меньшинств или ограничения их равноправия, Крымская Автономная Социалистическая Советская Республика, признавая общеупотребительными языки русский и татарский, в то же время каждому гражданину обеспечивает возможность в его сношениях с государственными органами и общественными организациями пользоваться родным языком, равно как и пользоваться таковыми на заседаниях Съезда Советов, на всех других съездах, заседаниях и разных выступлениях, в том числе и в суде, и общественных организациях. Национальным меньшинствам обеспечивается обучение на родном языке в школе». Как видим, понятие государственный язык из текста Конституции 1929 года исчезло [9, с. 58].

В Конституции Крымской АССР, разработанной на основе Конституции СССР 1936 года и утвержденной IX-ым Чрезвычайным съездом Советов Крымской АССР 4 июня 1937 года, понятие «государственный язык» также отсутствовало, но предусматривалась публикация Законов Крымской АССР на русском и татарском языках (Ст. 24). Судопроизводство в сельских районах, районах городов с большинством татарского населения могло вестись на татарском языке, русского населения – на русском, в сельских районах и поселках с большинством немецкого или еврейского населения соответственно на немецком и еврейском языках. В центральных судебных учреждениях – на татарском и русском языках (Ст. 78). Гарантировалось обучение в школах на родном языке (Ст. 89) [9, с. 59].

Анализ текстов трех конституций показывает, что статус татарского языка как государственного просуществовал лишь с 1921 по 1929 годы, затем был понижен до общеупотребительного и, в конце концов, исчез из текста основного закона. Это привело, в конечном счете, к ликвидации государственного статуса татарского языка. Следует отметить, что принятое сегодня название языка татар Крыма «крымско-татарский» язык во всех трех Конституциях Крымской АССР не употребляется. Язык именуется татарским. Та же ситуация наблюдается и в документах переписи населения, проводимых советской властью. Язык везде указывается как татарский. В обозначенный период татарский язык несколько раз менял свою графику. До 1929 года использовалась арабская графика, до 1939 года – латинская («новый тюркский алфавит – яналиф»), затем – кириллица. Указанные факты говорят о том, что татарский язык не мог выполнять функцию государственного языка на всей территории республики. Его функционирование в многонациональной республике было частично успешным в татарских национальных анклавах, которые были оформлены как национальные административные единицы (татарские национальные районы).

По нашему мнению, многонациональный характер Крымской АССР делал нецелесообразным придание какому-либо из языков национальных меньшинств статуса государственного, декларирование его на короткое время государственным

не изменило языковую ситуацию в Крыму и тем более не может считаться признаком того, что Крым был национальной республикой татар.

Третий косвенный аргумент в поддержку идеи о том, что Крымская АССР была национальной татарской автономией, базируется на утверждении, что пост председателя КрымЦИКа был закреплен за татарами, и только они выдвигались на эту должность [15, с. 27]. Следовательно, этот факт «подтверждает» национальный характер автономии.

Рассматривая указанный аргумент, нужно отметить, что в СССР, особенно в 20-е годы, советской властью уделялось большое внимание развитию национальных меньшинств, «подтягиванию» их до уровня более высокоразвитых этносов. Особое внимание уделялось формированию просоветской политической, административной, интеллектуальной элиты из национальных кадров. В рамках этой политики на многие руководящие посты в приоритетном порядке, по специальным партийным разрядам, назначались представители национальных меньшинств. Крым не был исключением при проведении этой политики. Как и во всем СССР, здесь проводилась «линия» на «втягивание» национальных меньшинств в социалистическое строительство, а значит – и на выдвижение на руководящие должности национальных кадров. Однако это не означало, что какой-либо пост на законодательном уровне закрепляли за представителями определенной национальной и конфессиональной группы, как, например, это имеет место в современном Ливане.

Поэтому должность председателя КрымЦИКа не была прерогативой какой-либо этнической группы. Действительно, эту должность неоднократно занимали татары по национальности, как представители наиболее многочисленного этнического меньшинства. Однако это не может свидетельствовать о том, что Крымская АССР была татарской республикой. Решающим фактором для выдвижения на этот пост была не национальность претендента, а то, насколько он был предан партии большевиков и Советской власти. В кадровой политике центральная власть всегда руководствовалась политической целесообразностью. Несмотря на то, что на этот пост кандидат формально избирался, фактически он был назначаем сверху. Его в случае необходимости мог занять человек любой национальности. Так, первым председателем КрымЦИКа был латыш Гавен. Поэтому попытки рассматривать данный аргумент как косвенное доказательство национального характера автономии, не выдерживают критики.

Следующий косвенный аргумент, выдвигаемый татарскими националистами – это полемика, развернувшаяся в 1936 году вокруг несостоявшегося преобразования Крымской АССР в союзную республику. Причем авторы, выдвигающие этот аргумент, по понятным причинам стараются не цитировать сам документ, в котором он приводится. Этим документом является доклад злейшего врага татар Крыма И. В. Сталина на Чрезвычайном VIII съезде Советов 25 ноября 1936 года «О проекте Конституции Союза СССР», в котором он рассматривает условия, позволяющие преобразовать автономную республику в союзную.

В своем докладе он назвал те признаки, наличие которых дает основание для перевода автономных республик в разряд союзных республик. Их, этих признаков, – три. Для понимания рассмотрения этой проблемы для нас важен второй признак. Сталин писал: *«Во – вторых, необходимо, чтобы национальность, давшая советской республике свое имя, представляла в республике более или менее компактное большинство. Взять, например, Крымскую Автономную Республику. Она же является окраинной республикой, но крымские татары не имеют большинство в этой республике, наоборот, – они представляют там меньшинство. Стало быть, было бы неправильно и не логично перевести крымскую республику в разряд союзных республик»* [24, с. 141]. Сторонники гипотезы о том, что Крым являлся национальной татарской автономией, ссылаясь на эту цитату из выступления Сталина И. В., трактуют ее как доказательство национального характера автономии [15, с. 27]. Они подчеркивают, что раз он привел в пример их незначительную численность, не допускающую образования союзной республики, то для образования автономной республики эта численность была достаточной. Однако из текста самой цитаты следует, что национальная группа должна дать свое имя республике, чего в случае с Крымом мы не наблюдаем. Крым никогда не назывался крымско-татарской автономной республикой, да и во всех переписях татары Крыма обозначались не как «крымские татары», а просто как татары. Сталин подчеркивал, что татары являются очевидным меньшинством в Крыму и, исходя из этого, он не видел необходимости превращать многонациональную автономию в татарскую союзную республику.

Еще одним косвенным аргументом в пользу оценки Крымской АССР, как национальной автономии является утверждение о том, что высылка 18 мая 1944 года татар привела к ликвидации автономии [15, с. 28]. Указывается, что раз исчез коренной народ – татары, то исчезла и необходимость в автономной республике [3, с. 214]. Следовательно, республика была татарская, а татары – титульная нация.

Если обратиться к цифрам и фактам, то по данным переписи 1939 года этническая ситуация в Крыму выглядела следующим образом: здесь проживал 1126429 человек. Из них русских – 558 481 человек (49,58%), татар – 218 879 человек (19,43%), украинцев – 154 123 человек (13,68%), евреев – 65 452 человек (5,81%), немцев – 51299 человек (4,55%), греков – 20 652 человек (1,83%), болгар – 15 344 человек (1,36%), армян – 12 923 человек (1,15%), прочих – 29 276 человек (2,59%) [16, с. 16].

Приведенные цифры свидетельствуют о полиэтничном характере автономии. Причем, восемь этнических групп составляли 97,41% населения республики. Из них русские и украинцы вместе составляли 63,26%. Такие этнические группы, как татары, немцы, греки, болгары были, в основном, сосредоточены в своих национальных анклавах, оформленных как национальные районы или национальные сельсоветы. Евреи и украинцы также образовывали национальные районы, но большая часть их была расселена дисперсно. Очевидно, что татары не составляли большинства населения – 218,9 тыс. человек (или 19,4%), т.е. одна пятая от всего населения. Их язык и культура, несмотря на административные

усилия, в реальной практике не были доминантны. Административные меры, проводимые в ходе политики коренизации и направленные на усиление языкового и культурного влияния татар, не привели к значительным результатам в силу малочисленности этой этнической группы, ее анклавного расселения и культурной отсталости.

Как отмечает С. А. Ефимов, по состоянию на 1929 год критерию района с большинством татарского населения (на 60% и более заселенные татарами) из 10 соответствовали только Бахчисарайский и Судакский [7, с. 177].

В годы Великой Отечественной войны и спецпереселения из Крыма ряда этнических групп в восточные районы СССР было выселено: 61 184 немцев, 187 859 татар (из городов – 18 983, из сельской местности – 168 876 человек), 12 420 болгар, 15 040 греков и 9 620 армян [4, с. 54–55, 60, 65]. Из рядов Советской армии в места спецпереселения своих этнических групп дополнительно было направлено офицерского, сержантского и рядового состава указанных национальностей: татар – 8995, болгар – 582, греков – 569, армян – 574 [8]. В результате политики геноцида, проводимой в годы войны фашистской Германией, были практически полностью ликвидированы такие этнические группы, как евреи, крымчаки, цыгане. Можно отметить, что выселенные немцы, болгары, греки и армяне составили 98264 человека, т.е. половина от выселенных в 1944 году татар. Таким образом, 8 этнических групп исчезли с этнической карты Крыма, население которого после освобождения от фашистов (данные на конец лета 1944 года) составило 379 тыс. [16, с. 6] человек, в основном – восточные славяне. Крым утратил свой многонациональный характер. Если до войны основные неславянские этнические группы были сконцентрированы в сельской местности и оформлены административно в национальных районах и сельсоветах, то после войны абсолютное большинство населения составили русские, украинцы и белорусы, которые были расселены дисперсно. Произошло существенное изменение национального состава населения Крыма, вызванное условиями войны и политикой спецпереселения. В новых условиях сохранение многонациональной автономии утратило смысл, и Крымская АССР была преобразована (а не распалась, как утверждает В. Е. Возгрин [3, с. 214]) в Крымскую область, мало чем отличающуюся по национальному составу от других областей России и Украины.

Совсем неубедительно выглядит в глазах непредвзятого читателя поиск или, вернее, конструирование новых «аргументов», «доказывающих» национальный характер Крымской АССР, предпринятый В. Е. Возгриным в его книге «История крымских татар: очерки истории коренного народа Крыма». В частности, в книге автор утверждает, что, поскольку праздничные номера крымских газет оформлялись исключительно национальным татарским орнаментом, а в изданиях преобладали портреты политиков и передовиков производства татарской национальности [3, с. 211] – это является «весомым» доказательством существования татарской автономии в Крыму.

Использование подобных «аргументов» для подкрепления собственной гипотезы лишь свидетельствует о полном отсутствии серьезных доказательств

точки зрения автора. В своей книге В. Е. Возгрин не приводит название проанализированных им газет и журналов, не называет цифры, позволившие ему сделать вывод о количественном «преобладании» татарских орнаментов и материалов, посвященных татарским политикам и передовикам производства на страницах этих газет. Следовательно, автор книги, претендующей на статус научного издания, не проводил контент-анализ крымской прессы, а удовлетворился просмотром некоторых газет, где его воображение поразили статьи, посвященные юбилеям Советской власти и тов. Сталина, в которых татарские журналисты прославляли «отца народов» и Октябрьскую революцию. И чтобы еще больше подчеркнуть преданность всех татар Крыма «вождю» и Советской власти, они обрамляли эти материалы восточным орнаментом.

Специалисты, знакомые с крымской прессой этого периода знают, что она была русскоязычной и партийной. В ней превалировала не национальная, а коммунистическая, интернациональная символика. Татары, их жизнь и культура, как и жизнь и культура русских, украинцев, немцев, армян, греков, болгар и представителей других национальностей, безусловно, находили отражение на страницах крымских газет. Иначе и быть не могло. Советская пресса воспитывала и демонстрировала интернационализм, показывала, как трудящиеся всех национальностей строят в Крыму социалистическое общество. Поэтому видеть в том или ином орнаменте или в портрете передовика социалистического производства доказательства национального татарского характера автономии, абсурдно.

Статус автономной республики определялся не газетными публикациями, а правовыми актами, которых В. Е. Возгрин найти не сумел.

Подводя итог анализа аргументов, выдвигаемых сторонниками гипотезы определяющей государственно-правовой статус Крымской АССР, как национальную автономию татар Крыма, можно сделать вывод, что убедительных доказательств, подтверждающих эту точку зрения, они не привели. Утверждение В. Е. Возгриной, что: «Таким образом, остается сделать, наконец, единственный обоснованный вывод: Крымская АССР была создана в 1921 году как национальная республика, и с годами это ее осознание среди коренного и переселенческого населения только крепло» [3, с. 214], не соответствует действительности и ничем не подтверждено.

Стремление В. Е. Возгриной доказать, что крымские татары являются «коренным населением» Крыма, представляется исторически необоснованным. Как отмечают в рецензии на монографию В. Е. Возгриной «Немецкие колонисты и коренной народ Крыма в национальной политике Российской империи» доктор исторических наук, профессор А. А. Непомнящий и А. В. Севастьянов, «Основным тезисом научных изысканий В. Е. Возгриной является идея утверждения крымских татар как «коренного народа» Крыма со времен античности. Сами по себе эти построения уже неоднократно были опровергнуты крымским научным сообществом, однако нашли поддержку в определенных политических кругах и

стали основой политико-идеологической концепции, внедренной в крымско-татарскую среду в течение последних трех десятилетий» [18, с. 148].

Профессор О. В. Романько в рецензии на монографию В. Ф. Солдатенко подчеркивает, что «историография Крыма периода революции и Гражданской войны производит противоречивое впечатление. Наряду с качественными работами (которых, к слову, не так много) в ней присутствуют публикации низкого уровня, авторы которых следуют определённой конъюнктуре или занимаются откровенным мифотворчеством, прежде всего на темы, связанные с государственным строительством и национальными отношениями в Крыму» [20, с. 192].

Наиболее убедительной представляется точка зрения тех авторов, которые считают, что Крымская АССР в 1921–1945 гг. была многонационально-территориальной автономией [21, с. 35]. На ее территории проживало несколько этнических групп ни одна из которых не признавалась монопольным субъектом автономных прав [6, с. 438]. Все усилия политических элит татар Крыма, направленные на трансформацию этой автономии в национальное татарское государство, не привели к положительным для них результатам ни в довоенный советский период, ни в годы фашистской оккупации.

Вопрос о трансформации государственно-правового статуса Республики Крым в национальную (татарскую) республику в современной России не рассматривается. Вместе с тем, можно прогнозировать, что тема изменения статуса Крыма, превращения его в национальную татарскую автономию будет периодически возникать в политическом поле Украины и муссироваться в украинском парламенте бежавшими в сопредельное государство руководителями и функционерами экстремистской организации «меджлис-курултай»*(запрещена в РФ). Они пытаются (и будут делать это в дальнейшем) легитимизировать созданные ими политические мифологемы посредством привлечения внимания к ним европейских и глобальных международных организаций, геополитически влиятельных иностранных держав. Об этом свидетельствует организация и проведение украинскими властями 23 августа 2021 года при содействии стран-членов НАТО учредительного саммита так называемой «Крымской платформы», как инструмента гибридной войны против Крыма, как неотъемлемой части Российской Федерации. Их целью является дестабилизация обстановки на полуострове извне и проведение антикрымской и антироссийской пропаганды, сопровождаемой ореолом псевдоисторических доказательств. В этой связи работа по выявлению мифологичности и несостоятельности тезиса о национальном (татарском) характере Крымской АССР имеет важное значение для формирования адекватного представления о современной Республике Крым за границами России, разоблачения пропагандистских установок, вводящих в заблуждение общественность зарубежных государств.

Список использованных источников и литературы

1. Бикова Т. Б. Створення Кримської АСРР (1917–1921 рр.). – Київ, 2011. – 247 с.
Bikova T. B. Stvorennya Krims'koї ASRR (1917–1921 rr.). – Київ, 2011. – 247 s.

2. Буткевич С. А. Этнополитический экстремизм в Республике Крым: историческая ретроспектива и современные реалии // *Алтайский юридический вестник*. – 2018. – № 3(23). – С. 56–61.
Butkevich S. A. Etnopoliticheskii ekstremizm v Respublike Krym: istoricheskaya retrospektiva i sovremennye realii // *Altaiskii yuridicheskii vestnik*. – 2018. – № 3(23). – S. 56–61.
3. Возгрин В. Е. История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма: в 4-х томах. Т.3. – 3-е изд; стереотип. – Симферополь: Тезис, 2013. – 880 с.
Vozgrin V. E. Istoriya krymskikh tatar: ocherki etnicheskoï istorii korennogo naroda Kryma: v 4-kh tomakh. T.3. – 3-e izd; stereotip. – Simferopol': Tezis, 2013. – 880 s.
4. Габриелян О. А., Ефимов С. А., Зарубин В. Г., Кислый А. Е., Мальгин А. В., Никифоров А. Р., Павлов В. М., Петров В. П. Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство. – Симферополь: Амена, 1998. – 340 с.
Gabrielyan O. A., Efimov S. A., Zarubin V. G., Kislyi A. E., Mal'gin A. V., Nikiforov A. R., Pavlov V. M., Petrov V. P. Krymskie repatrianty: deportatsiya, vozvrashchenie i obustroistvo. – Simferopol': Amena, 1998. – 340 s.
5. Документы Курултая крымскотатарского народа, принятые на сессиях и конференциях в 1991–1998 гг. – Симферополь, 1999. – 192 с.
Dokumenty Kurultaya krymskotatarskogo naroda, prinyaty na sessiyakh i konferentsiyakh v 1991–1998 gg. – Simferopol', 1999. – 192 s.
6. Евтюшкин И. В. Многонационально-территориальная автономия в Крыму: политологический анализ концепта // *Гілея: наук. вісн. / зб. наук. пр. / Вип.36*. – Київ, 2010. – С. 436–453.
Evtuyushkin I. V. Mnogonatsional'no-territorial'naya avtonomiya v Krymu: politologicheskii analiz kontsepta // *Gileya: nauk. visn. / zb. nauk. pr. / Vip.36*. – Kiïv, 2010. – S. 436–453.
7. Ефимов С. А. Административно-территориальное устройство Крыма в 20-30-х годах XX века: этнические факторы изменений // *Историческое наследие Крыма*. 2018: сб. ст. / Гос. ком. по охране культ. наследия Респ. Крым. – Симферополь: Антиква, 2019. – С. 173–181.
Efimov S. A. Administrativno-territorial'noe ustroistvo Kryma v 20-30-kh godakh KhKh veka: etnicheskie faktory izmenenii // *Istoricheskoe nasledie Kryma*. 2018: sb. st. / Gos. kom. po okhrane kul't. naslediya Resp. Krym. – Simferopol': Antikva, 2019. – S. 173–181.
8. 3 довідки відділу спецпоселень МВС СРСР про чисельність спецпоселенців, які раніше служили в Червоній Армії м. Москва Березень 1949 р. // *Кримські татари: шлях до повернення: кримськотатарський національний рух, друга половина 1940-х-початок 1990-х років очима радянських спецслужб: збірник документів та матеріалів. Ч. 1.* / В. А. Смолій / *Ін-т історії України НАН України*. – Київ: 2004 – С. 82.
Z dovidki viddilu spetsposelen' MVS SRSR pro chisel'nist' spetsposelentsiv, yaki ranishe sluzhili v Chervonii Armii m. Moskva Berezen' 1949 r. // *Krims'ki tatari: shlyakh do povnennya: krims'kotatars'kii natsional'nii rukh, druga polovina 1940-kh-pochatok 1990-kh rokiv ochima radyans'kikh spetssluzhb: zbirnik dokumentiv ta materialiv. Ch. 1.* / V. A. Smolii / *In-t istorii Ukraini NAN Ukraini*. – Kiïv: 2004 – S. 82.
9. Зарубин В. Г. К вопросу о статусе русского языка и других языков в Крыму в первой половине XX века. // *Вопросы развития Крыма: Научно-практ. сб.* – Симферополь: Сонат, 2012. – Вып.16: Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. – С. 49–60.
Zarubin V. G. K voprosu o statuse russkogo yazyka i drugikh yazykov v Krymu v pervoi polovine KhKh veka. // *Voprosy razvitiya Kryma: Nauchno-prakt. sb.* – Simferopol': Sonat, 2012. – Vyp.16: Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genesis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. – S. 49–60.
10. Ильин С. К. Этнические меньшинства в автономных областях и республиках юга РСФСР, 20-е годы: автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / *Ин-т рос. Истории РАН*. – М., 1995. – 34 с.
Il'in S. K. Etnicheskie men'shinstva v avtonomnykh oblastyakh i respublikakh yuga RSFSR, 20-e gody: avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02 / *In-t ros. Istorii RAN*. – M., 1995. – 34 s.
11. Киселева Н. В. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения / *Киселева Н. В., Мальгин А. В., Петров В. П., Форманчук А. А.* – Симферополь: Салта, 2015. – 352 с.

Kiseleva N. V. Etnopoliticheskie protsessy v Krymu: istoricheskii opyt, sovremennyye problemy i perspektivy ikh resheniya / Kiseleva N. V., Mal'gin A. V., Petrov V. P., Formanchuk A. A. – Simferopol': Salta, 2015. – 352 s.

12. Конституция Крымской Социалистической Советской Республики // Крымская АССР (1921–1945) / Сост. Ю. И. Горбунов. – Симферополь: Таврия. 1990. – С. 256–262.

Konstitutsiya Krymskoi Sotsialisticheskoi Sovetskoi Respubliki // Krymskaya ASSR (1921–1945) / Sost. Yu. I. Gorbunov. – Simferopol': Tavriya. 1990. – S. 256–262.

13. Копиленко О. Л. Автономна Республіка Крим: проблеми правового статусу. – Київ: Таксон, 2002. – 342 с.

Kopilenko O. L. Avtonomna Respublika Krim: problemi pravovogo statusu. – Kiïv: Takson, 2002. – 342 s.

14. Кочетков Е. Е. Автономные республики в Советской России: опыт наделения особым политико-правовым статусом // Вестник Российской нации. – 2011. – № 1–2(15–16). – С. 251–257.

Kochetkov E. E. Avtonomnye respubliki v Sovetskoi Rossii: opyt nadeleniya osobym politiko-pravovym statusom // Vestnik Rossiiskoi natsii. – 2011. – № 1–2(15–16). – S. 251–257.

15. Музафаров Р. И. АССР национальная // Крымская АССР (1921–1945). / Сост. Ю. И. Горбунов. – Симферополь: Таврия. 1990. – С. 27–30.

Muzafarov R. I. ASSR natsional'naya // Krymskaya ASSR (1921–1945). / Sost. Yu. I. Gorbunov. – Simferopol': Tavriya. 1990. – S. 27–30.

16. Крым довоенного и послевоенного периода: Статистический сборник. – Симферополь: Крымстат, 2020. – 145 с.

Krym dovoennogo i poslevoennogo perioda: Statisticheskii sbornik. – Simferopol': Krymstat, 2020. – 145 s.

17. Неделько О. А. История становления и развития Автономной Республики Крым и её органов власти // Материалы научно-практической конференции «Автономная Республика Крым в XXI веке; опыт, проблемы, развитие». – Симферополь: АнтикВА, 2006. – С. 142–152.

Nedel'ko O. A. Istoriya stanovleniya i razvitiya Avtonomnoi Respubliki Krym i ee organov vlasti // Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii «Avtonomnaya Respublika Krym v XXI veke; opyt, problemy, razvitiye». – Simferopol': AntikvA, 2006. – S. 142–152.

18. Непомнящий А. А., Севастьянов А. В. Может ли история оправдывать политическую концепцию? // Историческая экспертиза. – 2017. – № 1. – С. 146–150.

Nepomnyashchii A. A., Sevast'yanov A. V. Mozhet li istoriya opravdyvat' politicheskuyu kontseptsiyu? // Istoricheskaya ekspertiza. – 2017. – № 1. – S. 146–150.

19. Поляков В. Е. Крымские татары // Дружба народов. – 1996. – № 4. – С. 122–140.

Polyakov V. E. Krymskie tataru // Druzhiba narodov. – 1996. – № 4. – S. 122–140.

20. Романько О. В. Крым в годы революции и Гражданской войны: между «красными», «белыми» и «жёлто-синими» // Российская история. – 2021. – № 1. – С. 192–197.

Roman'ko O. V. Krym v gody revolyutsii i Grazhdanskoi voiny: mezhdru «krasnymi», «belymi» i «zhelto-sinimi» // Rossiiskaya istoriya. – 2021. – № 1. – S. 192–197.

21. Сагатовский В. Н. Таврида интернациональная // Крымская АССР (1921–1945). / Сост. Ю. И. Горбунов. – Симферополь: Таврия, 1990. – С. 33–37.

Sagatovskii V. N. Tavrida internatsional'naya // Krymskaya ASSR (1921–1945). / Sost. Yu. I. Gorbunov. – Simferopol': Tavriya, 1990. – S. 33–37.

22. Смирнова Е. В. Теоретико-правові засади автономії: вітчизняний та зарубіжний досвід розбудови автономного устрою // Материалы научно-практической конференции «Автономная Республика Крым в XXI веке; опыт, проблемы, развитие». – Симферополь: АнтикВА, 2006. – С. 6–15.

Smirnova E. V. Teoretiko-pravovi zasadi avtonomii: vitchiznyanii ta zarubizhnii dosvid rozbudovi avtonomnogo ustroiu // Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii «Avtonomnaya Respublika Krym v XXI veke; opyt, problemy, razvitiye». – Simferopol': AntikvA, 2006. – S. 6–15.

23. Солдатенко В. Ф. Россия – Крым – Украина. Опыт взаимоотношений в годы революции и Гражданской войны. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 167 с.

Soldatenko V. F. Rossiya – Krym – Ukraina. Opyt vzaimootnoshenii v gody revolyutsii i Grazhdanskoj voiny. – M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2018. – 167 s.

24. Сталин И. В. О проекте Конституции Союза ССР: Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года // Сталин И. В. Соч. – М.: Писатель, 1997. – Т. 14. – С. 119–147.

Stalin I. V. O proekte Konstitutsii Soyuza SSR: Doklad na Chrezvychainom VIII Vsesoyuznom s"ezde Sovetov 25 noyabrya 1936 goda // Stalin I. V. Coch. – M.: Pisatel', 1997. – T. 14. – S. 119–147.

25. Титульная нация // Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева. – 3-е изд., доп.: и перераб. – М.: Инфра – М, 2007.– 858 с.

Titul'naya natsiya // Bol'shoi yuridicheskii slovar' / Pod red. A.Ya. Sukhareva. – 3-e izd., dop.: i pererab. – M.: Infra – M, 2007.– 858 s.

26. Титульная нация. [Электронный ресурс]. // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Титульная_нация (дата обращения: 10.09.2021).

Titul'naya natsiya. [Elektronnyi resurs]. // Vikipediya. Svobodnaya entsiklopediya. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Титульная_нация (data obrashcheniya: 10.09.2021).

27. Хаяли Р. И. Организация и проведение политики коренизации: практика Крымской АССР (1920-1930-е годы) // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <https://human.snauka.ru/2017/05/23818> (дата обращения: 12.09.2021).

Khayali R. I. Organizatsiya i provedenie politiki korenizatsii: praktika Krymskoi ASSR (1920-1930-e gody) // Gumanitarnye nauchnye issledovaniya. 2017. № 5 [Elektronnyi resurs]. URL: <https://human.snauka.ru/2017/05/23818> (data obrashcheniya: 12.09.2021).

28. Sasse, G. The Crimea question: identity, transition, and conflict. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2007. – 359 p.

Kharabuga V. V., Afanasyev V. A. Discussion on the state and legal status of the Crimean ASSR (1921–1945)

For a long time, Crimea has been the place of a permanent ethnopolitical political conflict controlled from the outside, one of the components of which is the confrontation between the Russians, as an ethnic group and the other Slavic population of Crimea, on the one hand, and the Tatars of Crimea, on behalf of whom the extremist banned in Russia is trying to speak structure «kurultai-mejlis». The argumentation of the hypothesis designed to confirm the myth about the national (Tatar) character of the Crimean ASSR is presented. The analysis of argumentation suggests that the hypothesis is not supported by convincing evidence. More weighty should be considered the point of view that the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic in 1921–1945. was multinational-territorial autonomy. The discussion in Ukraine of the topic of changing the status of Crimea, turning it into national Tatar autonomy is carried out by the leaders and functionaries of the extremist organization «kurultai-mejlis» in the framework of the anti-Russian propaganda flow controlled from abroad and exploits the analyzed myth as the historical basis of its claims.

Keywords: national policy, autonomy, state legal status, Crimean ASSR, ethno-political conflict.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Акимченков Виктор Владимирович** кандидат исторических наук, член Российского общества интеллектуальной истории (г. Москва, Российская Федерация).
- Афанасьев Виктор Александрович** кандидат политических наук, доцент кафедры истории России Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Багрин Егор Андреевич** кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-методической службы Президентской библиотеки (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).
- Дорофеев Денис Владимирович** кандидат политических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Кочегаров Сергей Анатольевич** кандидат исторических наук, ректор Северного института предпринимательства (г. Архангельск, Российская Федерация).
- Курочкин Сергей Сергеевич** аспирант Санкт-Петербургского института истории РАН (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).
- Лейбенсон Юлия Тарасовна** кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры археологии и всеобщей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Михайлов Вадим Викторович** доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).
- Петросян Джемма Ваграмовна** аспирант кафедры истории и политики стран Европы и Америки Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (г. Москва, Российская Федерация).

**Попов
Алексей
Дмитриевич**

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).

**Сеитова
Эльвина
Изетовна**

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова (г. Симферополь, Российская Федерация).

**Сартакова
Анна
Владимировна**

аспирант Восточно-Сибирского государственного института культуры» (г. Улан-Удэ, Российская Федерация).

**Харабуга
Виктор
Васильевич**

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).

СОДЕРЖАНИЕ

Акимченков В. В.

Пространные размышления об исторической судьбе
русской интеллигенции. 3

Багрин Е. А.

Вооруженные силы Нерчинского уезда в 1660–1670-е гг.: к вопросу
о кризисе системы обороны восточного Забайкалья. 14

Дорофеев Д. В.

Геральд Штоурц. Между историей и политологией: историография
генезиса внешней политики США (первая половина 1950-х годов). 34

Курочкин С. С.

Дискуссия о снабжении британских войск в Крыму зимой 1854–55 гг.
в британской публицистике в период Крымской войны
(по материалам памфлета «Whom shall we hang»)..... 46

Кочегаров С. А., Михайлов В. В.

Реакция в правительстве и парламенте Великобритании
на советско-эстонские мирные переговоры в 1919–1920 гг. 58

Лейбенсон Ю. Т.

Памятники XIX – начала XX века на двух старых бахчисарайских
кладбищах..... 72

Петросян Д. В.

Внешнеполитические установки Федеративной Республики Германии
в постбиполярном мире. 87

Попов А. Д.

Сапун-гора как «место памяти»: динамика и основные
тенденции мемориализации..... 99

Сартакова А. В.	
История и современное развитие выставочной деятельности особо охраняемых природных территорий Байкальского региона	113
Сеитова Э. И.	
Отдельные аспекты финансового положения Крыма в годы Гражданской войны	122
Харабуга В. В., Афанасьев В. А.	
Дискуссия о государственно-правовом статусе Крымской АССР (1921–1945).....	133
Сведения об авторах	149